

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА "КАЗАНЬ"

Булат ГАЛЕЕВ

СОВЕТСКИЙ ФАУСТ

Лев Термен — пионер электронного искусства

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА "КАЗАНЬ"—№ 9-12/94

Спецвыпуск: у нас в гостях — Академия наук Республики Татарстан

Булат ГАЛЕЕВ

Советский Фауст

(Лев Термен — пионер электронного искусства)

Казань, 1995

В данной документальной повести излагается трагическая и прекрасная судьба великого изобретателя Льва Сергеевича Термена (1896-1993), пионера электронного искусства, который в последние годы своей жизни тесно был связан с автором книги и СКБ “Прометей”, неоднократно бывал в Казани и выступал перед казанцами. Искусство и “тайная” техника, аплодисменты восторженных залов всего мира и тихие кабинеты Лубянки, — этот союз белого и черного, добра и зла сопровождал его всю долгую, почти вековую жизнь...

Bulat Galeev's documentary book “Soviet Faust” reveals tragic and beautiful fate of great Soviet inventor Lev Sergeyevich Termen (1896-1993), electronic art pioneer who had tight relations with author of the book and SKB “Prometheus” in last years of his life. Lev Sergeyevich visited Kazan many times, appearing before its citizens. Art and “secret” technology, storm of enthusiastic applause in concert halls all over the world and silent KGB rooms - such combination of black and white, of evil and goodness was distinctive feature of all his long, almost century long life.

Книга издана при содействии Фонда современного искусства Сороса
(Россия, Москва)

В книге использованы графические портреты работы казанского художника Н.Альмеева, а также фотографии, сделанные Р.Сайфуллиным, Р.Мухаметзяновым, Ф.Губаевым, С.Зориным, Л.Кавиной, А.Кулешовым, И.Снигиревым (и неизвестным фотографом из ведомства Л.Берия). Стихи из “Фауста” Гете цитируются по изданию: Гете. Фауст. - М.: Искусство, 1962 (в переводе Н.А.Холодковского).

© Галеев Булат Махмудович

“Эта штука посильнее, чем “Фауст” Гете”
И. Сталин

ВСТУПЛЕНИЕ: ПЛАЧ ПО НЕСОСТОЯВШЕМУСЯ ФИЛЬМУ

В течение многих лет я отправлял на разные отечественные и зарубежные конкурсы сценарную заявку на фильм с названием: “Советский Фауст”. Начиналась она так:

“Тема Фауста относится к разряду вечных тем. И каждая эпоха рождает коллизии, где новый Фауст снова в отчаянии входит в контакты с новым Мефистофелем. Меняется их обличье, меняются конкретные условия их тайных взаимоотношений, но суть одна — ради своего счастья, ради своего дела Фауст вынужден отдавать душу дьяволу. Счастье с запахом серы? Возможно ли оно?

Сегодняшний Фауст, герой нашего фильма, творит здесь (рис.1).

А место пребывания Мефистофеля — здесь (рис.2).

Эти здания разделяют лишь несколько станций метро. Но между ними бездна. Наш сюжет оттуда, из этой бездны.

Предлагаемый фильм посвящен великому изобретателю, разведчику будущего (и, добавим еще, просто — советскому разведчику), родившемуся еще в XIX веке и ныне живущему, — Льву Сергеевичу Термену, человеку с фантастической судьбой” и т.д.

Да, судьба его на самом деле фантастическая, феерическая! Пионер электронного искусства — изобрел первый в мире настоящий, стоящий такого наименования, электромузыкальный инструмент “терменвокс”; одним из первых в нашей стране занимался телевидением, системами электронной охраны; исследовал гравитационные волны; изучал проблему долголетия и бессмертия. И на этом пути — встречи с Лениным, Рокфеллером, Ворошиловым, Чарли Чаплиным, Альбертом Эйнштейном и Сергеем Эйзенштейном, Туполевым и Берия, Бернадом Шоу и, простите, автором этой повести... Как могло все это уместиться в одной жизни, — и все это при ясности ума и голубой, голубиной откровенности светлого, детского взгляда?

За 25 лет я и мои товарищи накопили в Казани сотни метров киносъемок, многие часы видеозаписей с его интервью. Нашел я “концы” уникальных зарубежных съемок Термена, но фильм сделать так и не удалось. То ли я был не слишком умел и настойчив, то ли впрямь заразился идеей героя фильма о его бессмертии, — все надеялся: успеется еще. Надеялись, вероятно, и другие.

Хотя в последние годы многие порывались сделать фильм о нем. В 1989 году на международном фестивале “Ars electronica” в Австрии я с московскими коллегами в ретроспективе советских работ показал небольшой видеоролик о Термене, снятый прибалтийскими документалистами. После моих публикаций в центральных и местных изданиях¹ было много звонков и писем от разных студий. А на “Мосфильме” загорелись было снять даже художественную кинокартину, — я предложил, чтоб с участием самого Термена. Не успели...

Но нельзя сказать, что наш герой был обделен отечественным вниманием. Журналисты 60 - 80 гг., в основном, с гордостью и некоторым сожалением вспоминали об утерянном приоритете: “История о том, как из электроизмерительного прибора родилась электромузыка”, “Из Физтеха в Гранд-Опера”, “Свободно из пространства вышедший звук...”, “Создатель первого ЭМИ”, “70 лет первому русскому синтезатору”, “Термен играет на вольтметре”, “Голос Термена”, “Искусство будущего века?”. Либо ими обыгрывался уже в самих названиях статей знаменательный по тем временам факт встречи Термена с В.И. Лениным: “Ленин знакомится с терменвоксом”; “В гостях у Ленина”... А в последние годы советской власти стало возможным писать о том, о чем раньше было — нельзя. И в каждой статье — опять интрига уже в самом названии: “Война и мир Льва Термена”, “Сто лет одиночества”, “Лев Термен — человек-легенда”, “Я подслушивал Кремль”, “Человек, который знает, как оживить Ленина”.

Но все это, в основном, было лишь данью журналистскому любопытству, расхватавшему и расщепившему эту уникальную жизнь на отдельные сенсационные сюжеты.

Да и предлагаемая мною повесть, конечно, не претендует на полноту. Это просто моя, личная, повторяю, личная попытка, — понять все с более близкого расстояния. Ведь мы были знакомы много лет, и я горжусь тем, что знал близко такого человека...

В связи со всем этим заранее оговорюсь — в моей повести могут быть некоторые документальные неточности. Многое здесь — из устных рассказов Термена, из прижизненных журналистских интервью и других публикаций о нем, из воспоминаний московских родственников и друзей². И я замечал, что в некоторых случаях существуют, пусть и небольшие, расхождения, да и сам Лев Сергеевич в разные годы трактовал отдельные факты с разной степенью откровенности... Надеюсь, читатель простит мне возможные разночтения. Моя книга — не строгая научная биография, которая, я думаю, скоро появится, положим, в серии “Жизнь замечательных людей”. Должна появиться. Моя книга — это как бы вольный пересказ нашего несостоявшегося фильма. Фильма о состоявшейся жизни, невероятной по фантастическим коллизиям. Коллизиям, которых хватило бы на несколько жизней, на несколько фильмов и романов.

- 1) *Человек-легенда. - Вечерняя Казань, 1987, 2 июля; Фауст XX века. - Идель, 1989, №5; Легендарный Термен. - В кн.: Репрессированная наука. - Л.: Наука, 1991, с.327 - 334; Один на один с Мефистофелем, или удивительная жизнь Льва Термена. - Спутник-дайджест, 1992, №9.*
- 2) *Пользуясь случаем, приношу благодарность родственникам Термена — Н.Нестух, Л.Кавиной, а также С.Зорину, поделившимся дополнительными сведениями, использованными в этой книге.*

Рис.1. Главное здание Московского государственного университета

Рис.2. Здание бывшего КГБ на бывшей площади им.Ф.Э.Дзержинского

Уютное дворянское детство, занятия электротехникой и музыкой, работа в элитарном НИИ под руководством А.Ф.Иоффе, защита своих изобретений перед партийной верхушкой ВКП(б), триумфальные концертные гастроли с “терменвоксом” по многим городам СССР и всего мира, гипотеза о “микроскопии времени”, связанной с омоложением. Дружба со знаменитейшими музыкантами Европы и США, работа с ведущими авиаконструкторами СССР, клубное знакомство с американскими миллионерами и совсем “неклубные” связи с ЧК—ОГПУ—НКВД—МГБ—КГБ. Нью-Йорк и Колыма, Карнеги-Холл и суперсекретные “почтовые ящики”.

Искусство и “тайная” техника, война и мир, аплодисменты восторженных залов и тихие кабинеты Лубянки — этот союз белого и черного, добра и зла, эти дуэты Фауста и Мефистофеля сопровождали его всю жизнь. Жизнь, в которой, как в капле воды, отразилась вся невообразимая сложность нашего яростного и прекрасного мира.

Я спросил как-то Льва Сергеевича, живого Фауста, — перед видеокамерой, — в его последний приезд в Казань, и голос мой, и микрофон в руках слегка дрожали, от робости: “В Вашей жизни было все, и даже больше, чем все. Можете ли Вы сказать, что прожили счастливую жизнь?”. Он ответил незамедлительно — видимо, думал об этом сам раньше, всегда: “Я не знаю, что такое счастье. Могу сказать, что жизнь моя — интересна. Мне всегда было интересно — узнать, как все устроено, помогать... И даже на Колыме, когда с тачкой, не страшно было потому, что интересно — я как будто новое кино смотрел”.

Выходит, об этом писал поэт: “Жизнь моя — кинематограф, черно-белое кино”?. Впрочем, не нам судить, прав ли поэт. Тем более, не в нашей компетенции обсуждать или осуждать главное действующее лицо этой удивительной “жизни-кинематографа”. Несомненно для нас одно — такое “черно-белое кино” могло произойти, могло осуществиться лишь на той сценической площадке, имя которой: “Планета Земля: XX век”. Конкретнее — Россия...

КАК МЫ ПОЗНАКОМИЛИСЬ И СТАЛИ ДРУЗЬЯМИ

...Знал я о нем давно, с детства. Объединяли нас общие интересы. Оба — физики, связанные с музыкой. Для него делом жизни стала “электро-музыка”. Для меня — “свето-музыка”. Близко, рядом. Но он изобрел свой электромузыкальный инструмент “терменвокс” еще где-то там, в начале века, и я никак не мог предположить даже, что наши пути пересекутся. Тем более, во многих зарубежных энциклопедиях 50 — 60 годов намекалось, что он погиб во время сталинских репрессий, в некоторых из них были указаны годы жизни: 1896 — 1938. Оказалось — неправда. Как-то году в 1967-м приехал я в Московскую консерваторию, на конференцию по музыкальной акустике.

Вдруг объявляют: “Следующий докладчик — Термен”. Я чуть не подпрыгнул от удивления. А в перерыве подошел к нему и не нашел лучшего, как спросить:

— Лев Сергеевич, Вы разве еще живой?

— Не вы первый с таким вопросом. Только что американский журналист брал интервью, и тоже... Давайте познакомимся, я давно читал Ваши статьи о светомузыке. И, оказывается, Вы совсем не пожилой.

С тех пор мы и подружились, хотя разница в возрасте между нами была и есть — полвека.

Читал я о нем до этого много, его имя присутствовало в любых публикациях об электронной музыке. Целую главу посвятил ему, например, мой московский коллега Глеб Анфилов в своей интереснейшей книге “Физика и музыка”, которую удалось ему издать в 1962 году в “Детгизе”¹. Во “взрослом” издательстве такую книгу в те времена опубликовать почему-то было труднее. “Несерьезная тема”? Но это же, в конечном итоге, хорошо, что в “Детгизе”, значит — для детей, значит — для будущего. Кстати, удивительное все же время было — начало 60-х, когда, пусть и в “Детгизе”, печатались подобные книги, когда такие книги — читали! Причем тиражи были огромные. И нарасхват! Я не успел переговорить, договорить тогда с Анфиловым, не успел узнать — откуда у него такие подробные сведения о Термене, не догадывался тогда, что они могли быть из первых рук. Позвонил как-то Анфилову домой — “его нет, умер...”. Остается теперь из нашего нынешнего далека напомнить о сегодняшней нашей, пусть и запоздалой, благодарности за его прекрасную книгу...

Да, публикаций о самом Термене, особенно о его “терменвоксе”, в 60-е годы и позже было немало², но читателям и в голову не приходило, не могло и не должно было прийти, что речь идет о здравствующем человеке, — так умело и тонко скрывался в них сам факт сегодняшнего его “наличия присутствия”. Почему-то... Впрочем, после стало ясно — почему скрывался. Мефистофелям удобно было — есть человек, и вроде бы его нет. Надо было так — им. Читателям предлагалась легенда, недоговоренная легенда, миф. Весьма забавным было и то, что в отечественных справочниках, энциклопедиях того времени “терменвокс” упоминался, удаивалась отдельная статей, сам Термен — нет. И даже в 1966 году, когда появилась собственная небольшая книжечка Л.С.Термена, — имя автора воспринималось мною, да и не только мною, наверно, как некий прощальный привет из далеких прошедших времен, как нечто отстраненное, из области классики и хрестоматий (меня, кстати, приятно “кольнуло” тогда, что Термен упоминал и о светомузыке как возможном поле деятельности изобретательного ума)³. Между тем, мифологизация достигла такого уровня, что “терменвокс” стал сюжетным стержнем фантастических произведений, причем принцип его действия

1) *Анфилов Глеб. Физика и музыка. - М., 1962 (гл. “Поет электричество”, с.95 - 104)*

2) *Симонов И., Шиванов А. Терменвокс. - Радио, 1964, №10; Королев Л. И снова терменвокс. - Радио, 1972, №9; Moog R.A. The theremin. - Radio and Television News, 1954, Jan; Moog R.A. A transistorized theremin - Electronics World, 1961, Jan*

3) *Термен Л.С. Физика и музыкальное искусство. - М.: Знание, 1966. Кстати, Лев Сергеевич не раз говорил, что и до этого у него были публикации, - под псевдонимом Л.Сергеев, - но мне так и не удалось их обнаружить.*

анонимно, без ссылок на Термена, переносился и на создание светомузыки как последнего “писка моды” эпохи НТР. Я с удовольствием процитирую строки из странного рассказа “Сиреневая токката махаона” неизвестного мне писателя, — жаль, — что не сумел с ним познакомиться:

“Щелкнул переключатель, и я невольно вздрогнул — колпак осветился мерным сиреневым светом. Одновременно с этим из-под колпака раздался мягкий и тонкий звук, похожий на звук органа. По комнате прошел легкий запах, отдаленно напоминающий запах маттиолы... В данном случае произошла трансформация механического движения бабочки в гамму цвета, звука и запаха... Махаон вздрогнул, пополз вверх по антенне и вдруг взвился в воздух. Одновременно с цветковым фонтаном на меня обрушилась лавина звуков. Звуки представляли какофонию, однако, иногда прорывался какой-то строго определенный, непрерывный, слабопульсирующий ритм, напоминающий ритм токкаты”¹...

Впрочем, “технари”, соревнующиеся в усовершенствовании “терменвоксов”, вскоре реализовали эту идею живьем — появилось сообщение, что студенты Московского авиационного института создали световой “терменвокс” (разве было кому-либо тогда известно, что идею сочетать музыку и свет, да и запах тоже, реализовал еще в 20-ые годы сам Лев Сергеевич?!)². Так или иначе, сочетание слов “Термен”, “легенда”, “фантастика” стало восприниматься таким естественным, что и позже, когда Термен “возродился”, “легализовался в жизни”, и его имя стало можно вновь упоминать в печати, “терменвокс” был органически вплетен в фантазмагорическую ткань нашумевшего в 1980 году сюрреалистического романа В. Орлова “Альтист Данилов”³...

После поразившей меня встречи с “живым мифом” в Московской консерватории я узнал, что мы уже имели возможность встретиться и раньше, — на конференциях, организованных в Ленинграде Комиссией по комплексному изучению художественного творчества⁴, а затем уже не раз пересекались “очно” с Львом Сергеевичем на разного рода симпозиумах в Москве, Житомире, Таллинне, на соседних страницах разных сборников⁵. И я со все большим удивлением и преклонением перед Львом Сергеевичем убеждался при этом, что и наши интересы, оказывается, пересекаются во многих областях — не только в светомузыке, но и в так называемой “пространственной музыке”, использующей движение звука по любым траекториям в заданном объеме зала, и т.д.

Побывал я у него в гостях. И на работе, в МГУ, и дома — в небольшой двухкомнатной квартире в жилом комплексе КГБ на Ленинском проспекте.

1) *Марин В.* Сиреневая токката Махаона. - Техника - молодежи, 1962, №5.

2) *Гребенщиков Г.* Цветомузыка. - Молодая гвардия, 1964, №10.

3) *Орлов В.* Альтист Данилов. - Новый мир, 1980, №3, с.154.

4) *Термен А.С.* Научный прогресс и искусство. - В кн.: Симпозиум “Творчество и научный прогресс”. - Л., 1966; *Галеев Б.М.* Проблема синестезии в искусстве. - В кн.: Симпозиум “Проблемы художественного восприятия”. - Л., 1968.

5) *Термен А.С.* Новые средства музыкальной акустики. - В кн.: Труды VI Всесоюзной акустической конференции. - М., 1968; *Галеев Б.М.* Цветной слух и эффект светозвука. - Там же; *Термен А.С.* Получение новых тембров и применение их в музыке. - В кн.: Всесоюзное общество компьютерной музыки. Научно-техническая конференция (тез.докл.). - Таллинн, 1989; *Галеев Б.М.* Отношения в системе “художник-техника” в эпоху НТР - Там же.

Не раз он приезжал затем к нам в Казань, на наши конференции, всесоюзные школы молодых ученых и специалистов "Свет и музыка". Легко взлетал на пятый этаж со своим "терменвоксом", отказываясь от помощи. Изумлял нас тем, что наощупь, пальцами в розетку, мог определять напряжение в сети. А вечерами, в кулуарах, не для печати¹, рассказывал нам, его юным коллегам, удивительные, невероятные истории из своей жизни.

Рис.3 Родовой герб Терменов

ЮНОСТЬ АЛЬБИГОЙЦА, ИЛИ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ФАУСТЕ

...Лев Сергеевич не раз показывал мне в Москве сохранившийся родовой герб Терменов со странным девизом: "Ни более и ни менее" (рис.3), листал пожелтевшие листы альбома со своим генеалогическим древом, корни и ветки которого подробно прослеживались на многие века в прошлом, они уходили

1) А для печати было: Эксперименты в области светомузыки в лаборатории Л.С.Термена. - В кн.: Всесоюзная школа молодых ученых и специалистов "Свет и музыка" (тез.докл.). - Казань, 1979; Электроника, музыка, свет. - В кн.: Научно-технический семинар "Синтез искусств в эпоху НТР" (тез.докл.). - Казань, 1987. Кроме того, см. его публикации в других изданиях: Электроника и музыка. - В кн.: Ежегодник радиолюбителя. - М.: Энергия, 1968; Продолжаю работать... - Советская музыка, 1988, №11.

во Францию, Германию. Рассказывал с такими подробностями, — будто сам жил в те давние времена, да и о своем детстве такие ранние детали вспоминал, что порою не верилось: о том, как крестили в православном храме сразу после рождения, о том, как начал читать в три года, какие опыты проводил в гимназии. Сразу приходит в голову Сальвадор Дали, современник Термена, тоже великий, — тот, судя по его “дневникам гения”, помнил даже о внутриутробном своем развитии. Но если у художника-сюрреалиста это был очередной повод для подтверждения “сверхреальности” его запредельного творчества, то Лев Сергеевич удивлял слушателей спокойно, без мистических всплескиваний усами, всегда стараясь подтверждать — фактами и документами — торжество любезного его слуху и духу материалистического мировоззрения.

Итак, прокручиваем пленку, насколько можно назад... В Италии и во Франции в начале второго тысячелетия от Рождества Христова начались гонения на сторонников так называемого альбигойского учения, которые в течение нескольких веков стремились создавать общество социальной справедливости (марксисты-коммунисты, оказываются, не были первыми, кто верил в эту светлую утопию). Точнее, сторонники этого диссидентского движения выступали против господствовавшей тогда римской церкви и, обвиняя ее в осквернении первоначального христианства, в развращенном отношении к земным благам и богатству, к власти, верили в возможность достижения общими усилиями тысячелетнего царства Божьего, в котором должно было наступить торжество духа и, соответственно, равенство чистых в своих намерениях людей (не зря же альбигойцы были тесно связаны с другой еретической сектой — “катарами”, от греческого слова “катарос”, т.е. “чистый”; само же слово “альбигойцы” происходит от названия южнофранцузского города Альби). Эту общую для гностико-манихейских ересей идею сегодня относят к проявлениям так называемого “хилиастического” социализма (от другого греческого слова “хилиазмос”, означающего как раз “тысячу”, тысячелетнее царство Божье). Социализм, как и другие формы ереси, не любили и в те времена, и после, и не зря один из немецких исследователей церкви еще в 1861 году писал: “Каждое еретическое учение, появившееся в средние века, носило в явной или скрытой форме революционный характер. Эти гностические секты — катары и альбигойцы, которые своей деятельностью вызвали суровое и неумолимое средневековое законодательство против ереси и с которыми велась кровавая борьба, — были социалистами и коммунистами. Они нападали на брак, семью, собственность. Если бы они победили, то результатом этого было бы всеобщее потрясение и возврат к варварству”.

Так считал, вероятно, и папа римский, тысячу лет назад натравивший на них инквизицию и посылавший против еретиков крестоносцев, так считает и нынче наш современник академик Игорь Шафаревич, из яростно антисоветской работы которого “Социализм как явление мировой истории” я и привожу данную цитату¹. Но сами альбигойцы думали иначе. Проповедуя аскетизм, проклиная собственность как тяжкий грех, они, — как толково объяснялось

1) Цит. по кн.: *Игорь Шафаревич. Есть ли у России будущее? Публицистика.* - М.: Советский писатель, 1991, с.107. (Особенно мне здесь нравится название издательства - БГ).

в “Словаре иностранных слов” советских времен, — “сурово обличали пороки католического духовенства, выступали против феодального гнета”, чем и объясняется столь свирепое внимание к ним со стороны инквизиции и, заодно, Шафаревича. И, что примечательно, в рядах катаров и альбигойцев были не только смерды, но и, как мы привыкли говорить, представители передового дворянства того времени, — факт для нас немаловажный... Как бы то ни было, после более чем тридцатилетних “альбигойских войн” оплот “хилиастического социализма” пал, и крестовые походы завершились в XIV веке полной победой папы над диссидентствующей ересью.

И вот что выясняется из рассказов самого Л.С.Термена и его родственников. Вера альбигойцев в свои чистые идеи была столь неистова, что в целях сохранения этих идей в веках они “делегируют” за пределы жестокой осады четырех своих лучших, высокородных юношей. Среди этих посланцев в будущее был и альбигоец, давший начало фамилии Theremin (в русском написании стало затем — Термен). Судя по всему, не все из них спаслись. Какая-то из этих альбигойских линий прервалась во время Варфоломеевской ночи. Выжили, кажется, только Термены.

Да прости меня Бог, если он есть, признаюсь: я не смог в свое время одолеть Ветхий Завет, удрученный унылым перечислением далеких для меня имен: “Вот родословие сынов Ноевых: Сима, Хама и Иафета. После потопа родились у них дети. Сыны Иафета: Гомер, Магог, Мадай, Иаван, Фувал, Мешех и Фирас...” Поэтому же не смог запомнить и не берусь точно восстановить аналогичные рассказы о “родословии” Термена. Запутались, как оказалось, и журналисты¹, поэтому остановлюсь лишь на некоторых, достоверных ветвях терменовского родословного древа:

Пьер Шапаз, покинув Францию после антиальбигойского декрета, получил в Женеве благословение самого Кальвина;

Этьен Франсуа был женат на дочери придворного врача короля-“революционера” Генриха IV;

Термены были в родстве с Симонами, давшими миру социалиста-утописта Сен-Симона;

Уже в XVIII веке Франсуа Клод стал известным художником-эмальером. Его сын Жозеф брал Бастилию, а потом работал художником при строительстве Исаакиевского собора в Петербурге, и т.д.

Нынче признаком хорошего тона считается издеваться над белыми стихами Максима Горького: “Над седой равниной моря гордо реет буревестник!..” Слово “революция” стало ругательством, а лозунг “Свобода, Равенство, Братство” — понимают просто как масонский пароль. И чтоб исключить упреки в адрес альбигойцев и, в том числе, предков Льва Сергеевича, остается напомнить, что идея социальной справедливости и равенства в праве на жизнь неистребима, — пока существуют страдания и нищета одних на фоне повышения степени холености других. Понятно, конечно — без кнута нет пряников, т.е. экономического прогресса. Ясно, конечно, что полная одинаковость — это победа энтропии, смерть. Но человек — существо не только политико-

1) Капунов М., Черенков М. Подробности долгой и яркой судьбы. — Московские новости, №17, 24 апр. 1988.

экономическое, попробуй-ка убеди конкретного страждущего, конкретного сирого и убогого, что безработица и голод — это объективный стимул процветания общества... Так что идеи справедливости, пусть они экономически нерентабельны, трагически и безысходно сопровождали и будут сопровождать человечество всегда. И, до поры до времени, сторонники этих идей обречены быть битыми и ударяться после очередного поражения в бега.

Так или иначе, в результате этого очередного побега очередного Термена, — после Бастилии, после Великой Французской революции, в ожидании очередной Великой, — и проросла, произрастала и расцвела в России одна из веточек альбигойского генеалогического древа, а в результате — 28 августа 1896 года родился герой нашей повести. Среди российских предков Льва Сергеевича за 200 лет можно найти не только талантливых художников и музыкантов, но и ученых, врачей. Отец Льва Сергеевича был известным в столице юристом. Мать музицировала, играла на рояле. Так что гены были неплохими, да и по крови “коктейль” был многообещающим: французы, немцы по отцовской линии; поляки, русские — по материнской. И главное — добротное аристократическое воспитание в старинной дворянской семье. В итоге — в 5 лет маленький Лева читает энциклопедию. Занимаясь музыкой, он одновременно вздохнул и самозабвенно увлекается техникой, физикой, чем поражает впоследствии своих одноклассников в гимназии.

Впрочем, очаровательнее выглядит все это в воспоминаниях самого Льва Сергеевича: “Музыкой я начал заниматься с 9 лет, а электричеством с 7. Еще в детстве, начав учиться игре на виолончели, я ощущал большой разрыв между самой музыкой и способом ее механического получения. Электричество я чувствовал как нечто более тонкое и мне всегда хотелось как-то соединить электричество с музыкой. С 13 лет я начал дома увлекаться высокими частотами, маломощными трансформаторами типа Тесла, спиралью Румкорфа, резонансными искровыми явлениями и гейслеровым свечением. Узнав о моих интересах, наш учитель физики позвал меня работать в лабораторию физики Санкт-Петербургской Первой Гимназии. Когда я перешел в 7-й класс (1912г.), директор гимназии предложил мне сделать доклад с демонстрациями моих опытов для учеников и родителей. Над сидениями для слушателей, на высоте около 3 м, я привязал несколько проводов, на которые мог подавать высокочастотное напряжение 300 кВ от резонансного трансформатора Тесла и электролитического прерывателя со спиралью Румкорфа. Начав рассказывать об электрическом поле, я раздал слушателям несколько гейслеровых газоразрядных трубок. Когда слушатели вставали с места и поднимали трубки кверху, они светились. Я брал в руку небольшой металлический стержень и пускал в него высоковольтную искру. При изменении расстояния получались звуки разной высоты, что позволило подобрать мелодию “Эй, ухнем”. Как виолончелисту мне казалось, что я играю на искровой струне. Все это произвело большое впечатление на слушателей”¹. Опыт этот запал ему в память (запомним и мы — здесь корни его будущего великого изобретения). А сама лекция гимназиста была удостоена отзывов в петербургской печати...

1) *Термен Л. Рождение, детство и юность “терменвокса”. - Радиотехника, 1972, т.27, №9.*

Рис.4. Лев Термен (справа) в 1917 году

Потомок альбигойцев рос, жадно всматриваясь в жизнь, в природу, устремляя свой взор вверх и двигаясь вперед. У него своя самодельная обсерватория, в его астрономическом активе — открытие то ли астероида, то ли кометы. Учился в Петербургской консерватории, понятно, по классу

виолончели, получил диплом “свободного художника”. Одновременно — занятия в университете, параллельно по физической и астрономической специальности. Я уже запутался — сколько у него было этих “одновременно” и “параллельно”! Началась Первая мировая война. Кажется, не все ему удалось довести до конца. Пришлось перейти из университета в Военно-инженерное училище. Успел закончить до революции еще и офицерскую электротехническую школу. Судя по его рассказам, в условиях ненавистного всем царского самодержавия Термену удалось получить три полноценных диплома, которых ему, как оказалось, будет мало!..

С ними, с этими знаниями и умением, он — “свободный художник”, инженер, астроном, военный — вошел в революцию, встретив ее, как положено молодому передовому интеллигенту, с воодушевлением. Возможно, сыграла свою роль и альбигойская родословная. Кто на коне, а он — на велосипеде, т.е., по тем временам, на гребне технического прогресса — один из бравых офицеров Электротехнического батальона, разъезжающих по революционному Питеру, расцветенному альми флагами и лозунгами (рис.4).

Короче, он был из “наших”... Один из добровольных рецензентов книги предложил мне: “Может, не надо обо всем этом, о революции, о встрече с Лениным, о КГБ?..” О чем же тогда писать? Тогда вместо “Фауста” получился бы “Евгений Онегин”. В странное время мы живем — слово “наши” приходится брать в кавычки. В одном из сибирских городов видел недавно объявление: “На улице Коммунистической, в епархиальной церкви (бывший Дом политпросвещения) состоится панихида памяти адмирала Колчака”. Социалистический сюрреализм! Хотя вряд ли было бы разумным менять название улицы на Капиталистическую. Некоторые ретивые “новые русские” готовы поднять на щит имя Григория Распутина в качестве радетеля за народные нужды; первым активным борцом против сталинизма, героем пытаются представить генерала Власова (сюда бы еще и Гитлера впридачу). Взрослые люди устраивают парады и игры в корниловцев, с переодеванием. Жизнь предлагают заменить маскарадом. Трагедию пытаются завершить клоунадой... Колесо истории — не граммофонная пластинка, ее, историю, задом-наперед не проиграешь. Поэтому не только ответа ждать, но и вопросом задаваться не стоит, — почему Термен решил идти к красным, не бежал, положим, в Крым, в Константинополь?.. Не стоит травмировать логику истории сослагательным наклонением: а что было бы, если Термен, как Сикорский и Зворыкин, быстро-быстро эмигрировал на Запад. Его выбор — это его личное дело, его жизнь. Тем более аморально и абсурдно — судить задним числом. Тем более, все мы сами — “наши”. Пусть бросит в “нас” камень каждый, кто не “наш”...

Голубая кровь, красные знамена!.. Термен не был единственным дворянином-интеллигентом, доверившимся большевикам, их притягательным призывам и песням: “Мы наш, мы новый мир построим!” Ему, прирожденному изобретателю, новатору было интересно и радостно строить новый мир, и свою веру в большевиков, судя по всему, он — человек слова, человек чести, — сохранил до конца своей жизни. Хотя и ломала родная советская власть эту жизнь нещадно... Впрочем, я сужу обо всем этом по внешним фактам его биографии. Я не знаю, и наверно никто не знал, что было у него там, в душе.

О политике разговоры с ним как-то не складывались. Судя по всему, это было для него “неинтересно”.

Наша книга и о том, в какой же стране его угораздило — быть, жить. Попробуйте представить себе хотя бы на миг, — что делал бы и как себя вел в Советской России тот, гетевский Фауст? Не тот, которого многие знают лишь по оперному дайджесту Ш.Гуно, а настоящий, явленный нам на сотнях страниц одноименного произведения великого немецкого поэта. Только вспомним перед этим, — что же послужило поводом для долгожданного восклицания Фауста: “Остановись, мгновенье, — ты прекрасно!”? Смее заверить — это было не сообщение об очередном повышении заработной платы... Я не уверен, что все грамотные люди могли — и в этом нет ничего зазорного — осилить “Фауста” Гете до конца, особенно его разваливающуюся на куски вторую часть. Извиняясь и раскланиваясь, — не обессудьте, придется напомнить поэтому в общих чертах: Фауст почувствовал себя на верху блаженства и катарсиса, когда наконец перешел от плейбойской жизни и безутешного, бесплодного философствования к полезному, нужному для всех людей делу, конкретно — принимая участие в каких-то общественных мелiorативных работах во благо всех людей. У самого Гете это звучит намного красивее и возвышеннее:

*До гор болото, воздух заражая,
Стоит, весь труд испортить угрожая,
Прочь отвести гнилой воды застой —
Вот высший и последний подвиг мой!
Я целый край создам обширный, новый,
И пусть миллионы здесь людей живут
Всю жизнь в виду опасности суровой,
Надеясь лишь на свой свободный труд.*

“Застой”, “новый мир”, “свободный труд” — родные, знакомые слова! Но главное не в этом.

Именно после осознания своего высшего предназначения и должен был Фауст — согласно договору — передать свою душу Мефистофелю. Такая вот, замечу, кошмарная история...

Более серьезный, чем я, читатель “Фауста”, русский философ Н.Бердяев дает свою оценку всей этой истории: “Душа Фауста... для осуществления своих бесконечных человеческих стремлений вступила в союз с Мефистофелем, с злым духом земли. И фаустовская душа постепенно была изъедена мефистофелевским началом. Силы ее начали истощаться. Чем кончились бесконечные стремления фаустовской души, к чему привели они? Фаустовская душа пришла к осушению болот, к инженерному искусству, к материальному устройению земли и материальному господству над миром... И осушение болот лишь символ духовного пути Фауста, лишь ознаменование духовной действительности”. Все дело в том, считает Бердяев, что Фауст в пути своем переходит от (религиозной) культуры к (безрелигиозной) цивилизации. Но, по мнению русского философа, для “осушения болот” во благо цивилизации “необходима притупленность сознания, толстокожесть, необходима наивная

вера в бесконечный прогресс цивилизации”. А Фауст, считает Бердяев, пытаюсь как бы оправдать героя классического произведения, “вряд ли может быть хорошим инженером, хорошим цивилизатором. Он умирает в тот момент, когда решает заняться осушением болот”¹. Более того, по неожиданному, обескураживающему мнению Бердяева, Фауст завершает свою земную жизнь, по сути дела, самоубийством, как бы преднамеренно выкрикивая “Остановись, мгновение!..”, что и служит, по фабуле Гете, паролем для финального прокурорского решения Мефистофеля. Закрученная трактовка “Фауста”! Будь Гете жив, он должен был бы вызвать Бердяева на дуэль за такое прочтение его многолетнего труда. Но жизнь была круче, и мы еще убедимся, что советскому Фаусту была судьба уготовлена иная, самобытная и более беззаветная... Кстати, Бердяев написал свои размышления о Фаусте в 1922 году. Это был год встречи Термена с В.И.Лениным, которую Лев Сергеевич оценивал как самое знаменательное и замечательное событие своей жизни. Да и вообще, вне зависимости от этого, трудно сразу понять — чем не понравилась Бердяеву цивилизация, направленная на благодеяние, на деяние общественного блага? И не представляю, как оценил бы философ Термена, с его позиций: “Мне интересно делать полезные людям вещи...”?

“Все в человеке, все для Человека!” — еще одно из крылатых выражений М.Горького, которое нынче подвергается сомнениям и осмеянию. И даже я сам, как вы заметили, наверное, не выдерживаю наивной высокопарности пафоса этих позиций — в гетевском изложении. Но сегодня, к сожалению, уже сама суть втаптывается в грязь, в которую воткнул новый транспарант: “Все мое, все для меня?”. И даже убогое “ты — мне, я — тебе” звучит на этом фоне как социалистическая крамола. Почему так произошло? Чем объяснить инфляцию идеи благодетельства? Не потому же только, что в нынешних благотворительных фондах, например, чаще всего подвизаются жулики. Жулики бывают везде.

Нашему веку, нам в нашей стране, так сказать, на своей шкуре пришлось испытать более глубокую и страшную правду — о “благих намерениях, которыми вымощена дорога в ад”, причем уже в глобально-историческом масштабе! Благое дело — стремиться к социальной справедливости. Но неизвестно, на самом деле, к чему бы пришли в итоге альбигойцы, если им удалось дойти до конца в реализации своей мечты. Зато известно, что именем Чингизхана, например, в течение многих веков пугали не только детей. А он, Чингизхан, современник альбигойцев, как выясняется, — хотите верьте, хотите нет, — тоже, оказывается, затеял свое знаменитое “иго” во имя достижения планетарного благоденствия и социальной гармонии. Путем насильственного объединения неразумных народов в одно, единое государство Чингизхан хотел — будто бы — раз и навсегда ликвидировать сам повод возникновения разных разрушительных междоусобиц, бессмысленных войн². Разве это — не благие намерения? Народы всех стран, объединяйтесь! А там уж живите спокойно — под защитой ограниченного контингента войск благодетеля — и размножайтесь... А если не понимаете своего счастья:

1) *Бердяев Н. Философия творчества, культуры и искусства, в 2-х т., - М.: Искусство, 1994, т.1* (“Предсмертные мысли Фауста”, с.376 —392).

2) *Э.Хара-Даван. Чингиз-хан как полководец и его наследие. — Идель, 1993, №6—12.*

“Железной рукой загоним в светлое будущее!” Похоже — на “нашу” революцию?

РОЖДЕНИЕ ТЕРМЕНВОКСА, ИЛИ ОДА “КАТОДНОМУ РЕЛЕ”

Итак, 1917-й год, служба на радиостанции Запасного электротехнического батальона, который после революции, естественно, стал именоваться Красным электротехническим. Жизнь была суматошная, интересная. Термен по ходу дела руководил радиоклассом для командного армейского состава в Питере, работал в Военной радиотехнической лаборатории Управления Красной Армии в Москве. Собрал мощную радиостанцию 1РБ для Поволжского фронта, в Саратове. Занимался пеленгацией. Своей техники не было, попалась под руку французская. Настраивая пеленгаторную рамку, заметил, что при приближении к рамке руки частота настройки меняется. Даже мелодию простенькую можно сыграть. Не до музыки, конечно, кругом люди в военной форме. Но — и это запомнил...

Затем, молодой и энергичный, Термен назначается начальником передатчика самой мощной в России радиостанции “Детское село” (так любовно было переименовано после 17-го года Царское село). Белые, понятно, со всем этим согласиться не могли, пытались побить красных. Были бои и рядом с местом работы Термена. Станцию пришлось взорвать на время — приближался Юденич... Как и многих — закружила, замотала тогда круговерть революционной суеты. А был он, как выясняется, любимым дитя совсем другой революции — научно-технической...

С 1920-го начал работать в Петрограде, у профессора А.Ф.Иоффе в только что организованном Физико-техническом институте (тогда, впрочем, он, вроде бы, назывался еще Рентгеновским). Термен знал его еще по лекциям в университете. Иоффе собирает в ФТИ лучшие научно-инженерные силы страны — его институт станет своего рода питомником будущих академиков¹. Иоффе давал Термену самые трудные задания: знал, молодой инженер — сможет! Вначале он занимался исследованием кристаллических структур с помощью рентгеновских лучей. Затем ему была поставлена задача создать прибор для измерения диэлектрической постоянной газов при переменных давлении и температуре. Вспомним, это было время детекторных приемников, электронных усилителей еще не существовало, по сути дела, — почти как во времена Бойля-Мариотта.

Термену помогла работа на радиостанции и “музыкальная” смекалка. Газ помещался в полость между пластинами конденсатора. От повышения температуры газ расширялся, менялась емкость конденсатора. Увеличив

1) *Кокни А. Юность академиков, 2-е изд. -М., Советская Россия, 1981.*

чувствительность прибора за счет любимого им “катодного реле” (преобразователя частоты), изобретатель подключил на выход прибора не обычный стрелочный индикатор, а... наушник. И прибор зазвучал, меняя частоту от состояния газа. Термен снова заметил, что емкость зависит от приближения руки¹. А рука принадлежала, как мы знаем, выпускнику Петербургской консерватории по классу виолончели. Немного упражнений, и прибор запел “Элегию” Массне и “Лебедя” Сен-Санса из его “Карнавала животных” (кстати, все — из ходового виолончельного репертуара, благо и сам прибор пел глоссандируя, как струнные). Надев наушники, Термен упивался музыкой, вызываемой из воздуха (а воздух — это тоже газ, напомним на всякий случай, с диэлектрической постоянной, равной - 1). Если верить устной легенде, институт был потрясен и взволнован, в курилках пошли изумленные разговоры: “Термен играет Глюка на вольтметре!..”. В 1921 году Термен регистрирует патент №780 под названием “Музыкальный прибор с катодными лампами” — на первый в мире реально действующий электромузыкальный инструмент концертного применения.

Идея использовать электричество в целях музыкального искусства была не новой. В одном экзотическом изобретении начала века — тогда еще не было электроники — предлагалось использовать “поющую” электрическую дугу. Термен сам, как вы уже знаете, в гимназическом своем детстве заставлял звучать подобным образом разряды на острие электрода, подсоединенного ко вторичной обмотке трансформатора Тесла. Большую, сенсационную известность получил инструмент американца Т.Кахилла (1897г.). Это был набор электромашинных генераторов, каждый из которых возбуждал свою частоту. Их общий вес достигал 200 тонн, и они занимали целое здание. А звуки этот инструмент-монстр создавал...в наушниках телефонной сети Нью-Йорка. Набираешь номер скорой музыкальной помощи и слушаешь “Янки-дудль”. Такое позволить себе могла только Америка! Были, конечно, проекты и более изящных по весу инструментов, но все они принадлежали парку динозавров.

Термен поначалу тоже был вынужден работать с наушниками, но затем быстро переделал их в громкоговоритель, а вскоре появились электронные лампы-усилители и настоящие “радиорупоры”. Но дело не в этом, — оригинальным, элегантным и неожиданным был сам принцип действия прибора (рис.5).²

Напомним о гетеродинном способе радиоприема (используется доселе и в наших бытовых транзисторах). Он, как известно, основан на получении биений звуковой частоты, которые образуются при взаимодействии (интерференции) высокочастотных колебаний. Нечто схожее мы наблюдаем и в терменвоксе³.

- 1) Что-то подобное мы и сейчас сами можем заметить при приближении руки к антенне транзисторного приемника.
- 2) Кому из читателей скучен этот абзац, может пропустить, - на теме Фауста ода о “катодном реле” не сказывается.
- 3) Подробнее см. в кн. **Бронштейн С.Н.** “Терменокс” и “электрола”. - М.,1930, **Володин А.** Электронные музыкальные инструменты - М : Энергия, 1970, с.27, **Волошин В.Н., Федорчук Л.И.** Электромузыкальные инструменты. -М.:Знание, 1971, с.24; **Меерзон Б.Я.** Электромузыкальные инструменты. - М.. Знание, 1977, с 6.

Прибор содержит два генератора электрических колебаний. У одного из них, назовем его условно “закрытым”, частота жестко фиксированная (1). Другой

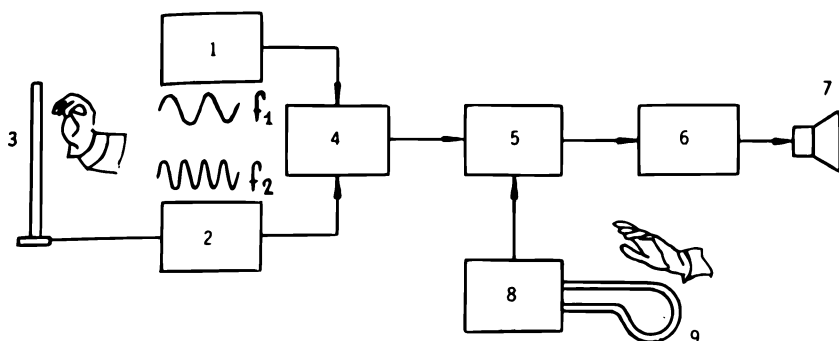

Рис.5. Структурная схема терменвокса

генератор (2) — с переменной частотой — назовем “открытым”, так как одна из пластин его конденсатора вынесена наружу и подключена к антенне (3). Изменять емкость здесь можно как раз за счет бесконтактного приближения руки (рука и антенна представляют собой воздушный конденсатор). Сигналы с обоих генераторов, открытого и закрытого, сводятся в детектор (4), который выделяет слышимую, звуковую частоту биений. Дальнейшая цепочка проста — предварительный усилительный каскад (5), усилитель (6) и громкоговоритель (7). Схема настроена так, что движению руки у антенны соответствует изменение звука в пределах 3 — 4 октав (чем ближе к ней, тем звук выше). Другой рукой исполнитель аналогичным образом, с помощью второй, петлевой антенны, управляет громкостью звука (чем ближе рука к ней, тем тише звук). Внешне инструмент, в итоге, выглядел таким образом (рис.6).

Первая публичная демонстрация инструмента была для “своих” — в ноябре 1920 года на заседании Кружка механиков имени профессора Кирпичева в Политехническом институте. Снова звучали Сен-Санс, Массне и любимое для виолончелиста соло из балета Минкуса “Фиаметта”... Затем — импровизированный концерт в Доме ученых. И если верить журналисту, — а тот писал уже в наше время и, очевидно, со слов самого Льва Сергеевича, — именно тогда Термен обратил внимание на коренной перелом, произошедший с освоением электричества во взаимоотношениях “художник - инструментарий”: “Исполнитель не должен быть обременен чисто механической работой. Он должен управлять звуками, но не добывать их”.¹ Впрочем, эта мысль более четко изложена затем в упомянутой ранее книге Термена: “В новых инструментах имеется возможность полностью избавить исполнителей от затраты механической работы для звукоизвлечения и дать им возможность все свои силы направить на управление звуковым материалом, его многочисленными параметрами. Все способности исполнителя должны

1) Цит. кн. Кокина, с.92.

Рис.6. Один из первых снимков "терменвокса" и его изобретателя

выражаться именно в таком управлении музыкальной тканью и не отвлекаться для самого генерирования звуков и снабжения музыкальных инструментов своей механической энергией”¹.

На основе этого вывода, этих тонких и точных замечаний Термена и мне пришлось задуматься, и оказалось, что терменовская мысль приложима ко всем искусствам эпохи НТР — кино, телевидению, светомузыке, пространственной музыке, компьютерному искусству, лазерной графике и т.д. В итоге родилась “периодическая система искусств Б.Галеева”². Спасибо Вам, Лев Сергеевич, за “электрический импульс”!

Осенью, в октябре 1921 года Термен приезжает в Москву, на заседание Восьмого Всероссийского электротехнического съезда. Съезд этот прошел вслед за другим всероссийским, тоже восьмым съездом — Советов, на котором был принят знаменитый план ГОЭЛРО, на простом, человеческом языке — план электрификации России, под афористически громким лозунгом: “Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны!”. План этот возмутил Л.Троцкого, смутил Г.Уэллса, английского писателя-фантаста, написавшего вдобавку книгу “Россия во мгле”, но — тут ни убавить, ни прибавить — последовательно и успешно реализовался советской властью.

Электротехнический съезд проходил в Политехническом музее в режиме всеобщего воодушевления, вызванного приветственным посланием В.И.Ленина: “При помощи вашего съезда, при помощи всех электротехников России и ряда лучших, передовых ученых сил всего мира, при героических усилиях авангарда рабочих и трудящихся крестьян... мы электрификацию нашей страны создадим”.

В понятие “наша страна” естественно входит все, что в ней есть, поэтому и выступление Термена “Электричество и музыка” о необычном применении катодных реле (с мини-концертным дополнением) сработало в резонанс с общим пафосом “электрификации всей страны”. Это было 5 октября 1921 года.

На следующий день после съезда главная газета большевиков “Правда” писала: “Ознакомив слушателей с конструкцией катодного реле, т.Термен указал на возможности воспроизведения электрическим путем музыкальных звуков и весьма талантливо продемонстрировал поражающие по своим внешним проявлениям опыты: двигая в воздухе рукой перед металлическим экраном, он воспроизводил звуки от мембраны, включенной в цепь, регулируя высоту тона в зависимости от расстояния руки от экрана. Изумленная аудитория прослушала целый ряд воспроизведенных указанным образом сложных музыкальных произведений. Доклад был заслушан с напряженным интересом и вызвал оживленный обмен впечатлений”.

Петербургский гость, потомок альбигойцев, выступал затем в этом музее не раз — уже специально для широкой аудитории, с концертами “радиомузыки”. Именно тогда, с чьей-то легкой журналистской руки, и закрепилось за новым инструментом столь необычное название: “терменвокс”

1) *Цит. кн.Термена, с.31.*

2) *Светомузыка: становление и сущность нового искусства. - Казань:Таткнигоиздат, 1976, с.43. Человек, искусство, техника: проблема синестезии в искусстве - Казань: Изд-во КГУ, 1987, с.206; The New "Laokoön": A Periodic System of the arts. - Leonardo, v.24, 1991, №4.*

(досл. — “голос Термена”; а за рубежом очень часто его вообще называли просто, по фамилии изобретателя, — “theremin”). Кстати, именно в Политехническом музее, кажется, хранились все время хрупкие “останки” того, первого терменвокса с лестным указанием о показе его Ленину. Возможно, сейчас его уже и выкинули за ненадобностью, вместе с закрытием соседнего Музея В.И.Ленина. Вот если бы на терменвоксе играл император Николай Второй или адмирал Колчак... Но чего не было, того не было. Вернемся к реальности — на терменвоксе играл В.И.Ленин.

“ПОЛТОРА-ДВА ЧАСА”, ПЕРЕВЕРНУВШИЕ ЖИЗНЬ

Рассказ о встрече с В.И.Лениным в устных выступлениях самого Льва Сергеевича я слышал много раз — и перед академической аудиторией, и перед школьниками, читал об этом многократно в разных его интервью, приуроченных к очередным ленинским юбилеям. Ведь в наше время Термен был, наверно, одним из последних могикан, перед которым следовало замирать с восторгом и умилением: “Он Ленина видел!” И, если совместить это со специальными статьями из серии “Термен и Ленин”, выглядела эта история следующим образом.

Весной, в марте 1922 года Термена разыскал А.М.Николаев, председатель Радиосовета, член коллегии Наркомпочтеля (черт его знает, что это за бракадабра) — короче, советский “радиокомиссар”, с которым Термен был знаком еще по детскосельским временам и московским контактам в этом самом Наркомпочтеле и на недавнем электротехническом съезде.

Николаев, оказывается, рассказал о съездовском выступлении Термена вождю, и тот, конечно, заинтересовался им. Почему “конечно”? А потому, как вспоминал Николаев позже (пока его не расстреляли в 1937-м), что “у Владимира Ильича был огромный интерес к техническим достижениям и новинкам. Приходится поражаться, каким образом, при напряженной занятости важнейшими государственными, политическими и партийными делами, он выкраивал время для того, чтоб следить за развитием техники, в частности радиотехники, и даже входить в такие детали, которые у иных руководителей ведомств за кучей других дел ускользали из внимания”. И в завершение — великолепная фраза: “Он все видел и все знал”.

Ну, это уж слишком, конечно! Но остальное вполне очевидная правда. Ленин (Ульянов) родился и воспитывался в дворянской семье, как и Термен, в гимназии был отличником, закончил ее с медалью. Затем учился в Казанском университете. О том, что физику знал неплохо, — можно судить и по его работе “Материализм и эмпириокритицизм”.

Термен привез в Кремль два варианта прибора: один для воспроизведения музыки, а другой — для демонстрации возможности использовать прибор в

1) *Кокни Л.* История о том, как из электроизмерительного прибора родилась электромузыка. - *Наука и жизнь*, 1967, №12; *Дрейден С.* Ленин знакомится с терменвоксом. - *Музыкальная жизнь*, 1988, №7; *Белкин Ю.* В гостях у Ленина. - *Юность*, 1980, №4. Недавно обнаружил и собственную статью Термена об этом: *Встреча с Лениным*. - *Советский музыкант*, 1964, 15 апр.

целях бесконтактной охранной сигнализации. Термену повезло — в кабинете оказался рояль, а секретарь вождя Л.Фотиева, оказывается, тоже училась когда-то в консерватории. После репетиции на выступление Термена собралось 15 — 20 человек (Лев Сергеевич признал лишь одного — всесоюзного старосту М.И.Калинина).

То, что “терменвокс” мог служить великолепным, невидимым охранником, — для нас сегодня очевидно. Достаточно спрятать антенку в переплет окна или двери, — и прибор мгновенно среагирует на изменение емкости, на приближение любого вора либо супостата, деморализуя его своим неожиданным, ничем казалась бы не мотивированным, звучанием. Но для многих участников встречи, имевших, как и большинство тогда в Кремле, незаконченное начальное образование, действие “сторожа” казалось чудом.

Ленину понравился “электронный сторож”. А после демонстрации бесконтактной охранной сигнализации Термен под аккомпанемент Фотиевой сыграл свой коронный номер — “Лебедя” Сен-Сенса, затем один из этюдов Скрябина и “Жаворонка” Глинки.

— Во время исполнения Глинки, — вспоминал Лев Сергеевич, — Владимир Ильич попросился испробовать сам терменвокс. Он был низенький, рыжий такой, ниже меня. Я взял его руку и помог ему начать. И он был очень музыкальный — сумел сам закончить “Жаворонка”, уже без моей помощи.

Ой ли, Лев Сергеевич, при всем уважении к Вам и Владимиру Ильичу, трудно поверить. Я не раз пробовал, и жена моя — музыкант, тоже пыталась управлять терменвоксом. С первого раза трудно, инструмент, надо признать, непривычный, да и очень капризный, чуткий к неловким движениям, — получалось лишь мяуканье и вой, совсем не “Жаворонок” (рис.7). Я думаю, и в терменовской памяти сказалось общенародное преклонение пред Ильичом, как у упоминавшегося выше начальника Наркомпочтеля: “Он все видел и все знал”. И все умел, стало быть.

Впрочем, может, это и на самом деле было так, — придворный кремлевский летописец Дрейден Симон Давыдович, специально изучавший музыкальный слух вождя и составивший известный в кругах партийной интеллигенции сборник “Ленин и искусство”, уверен, что Владимиру Ильичу и терменвокс был по плечу.

Не это главное, не в этом дело, — оставим все эти запоздалые и не очень уж уместные шутки (прошу извинения, дорогой читатель). Мне, как научному работнику, архивариусу-копуше хотелось, кроме воспоминаний, найти более точный, документальный источник, подтверждающий саму встречу Термена с Лениным. Упаси бог, я не то что б не верил Льву Сергеевичу — специфика научной работы такова... И сам Лев Сергеевич, и другие авторы глухо намекали, что имя Термена вроде бы даже увековечено в каком-то бессмертном ленинском письме. Перерыл все полные собрания сочинений Ленина — красного, синего цвета — увы, нету! Подсказал позже сам Термен. Оказалось — в письме к Л.Троцкому, которого Ленин если и не любил, то терпел, а его преемник Сталин ненавидел, выслал за границу и убил-таки в 1940 году с помощью наемного иноземного киллера, который уже при Хрущеве был удостоен за это звания Героя Советского Союза... Понятно, письмо это долго

Рис.7. Из-за отсутствия снимка "Термен и Ленин" — аналогичная по содержанию фотография (очередная тщетная попытка обучить игре на терменвоксе автора этой книги; Москва, 1986г.).

не печатали, и появилось оно уже в довольно поздние времена, вначале в малодоступном издании, а затем, кажется, в одном из последних томов последнего собрания сочинений В.И.Ленина (когда их уже перестали читать, а затем вовсе стали убирать с библиотечных полок — перестройка!).

Как бы то ни было, вот он — этот бесценный документ: "Обсудить, нельзя ли уменьшить караулы кремлевских курсантов посредством введения в Кремле электрической сигнализации? (один инженер, Термен, показывал в Кремле свои опыты: такая сигнализация, что звонок получается при одном приближении к проволоке, до прикосновения к ней...)"¹

Обсудили, понравилось, внедрили — в Скифском отделе Эрмитажа в Петрограде, где находится много золотых ювелирных украшений наших предков. Впрочем, обо всем этом знали только специалисты. В Москве оснастили терменовской техникой так называемый Гохран, куда были свезены

1) Письмо Л.Троцкому от 4 апреля 1922 года. - В кн.: Ленинский сборник, т.37. - М., Политиздат, 1970, с.358.

реквизированные в церквях драгоценности, огромное количество икон, в тяжелых окладах, серебряные сундуки для мощей, усыпанные сверкающими камнями, потемневшие от времени кресты... Было что реквизировать, было что охранять, — огромные ценности! Тогда, при коммунистах, считалось, что столь жестокое насилие над церковью было продиктовано необходимостью спасти голодающее Поволжье, меняя золото на хлеб у Запада. Сейчас пишут — и голод был инсценирован специально, чтоб покончить с церковью, и золото шло не на хлеб, а чемоданами вывозилось за границу для поддержки зарубежных компартий, для форсирования мировой революции. Где правда, где обман — даже сегодня трудно понять и проверить. Тем более не знал того и Термен, впрочем, и не должен был знать и думать об этом. Радовался “папа” Иоффе, получавший для своего Физтеха прибыльные заказы. В институте открывается мастерская по изготовлению охранных сигнализаторов для учреждений Госбанка, Иоффе пытается внедрить эту технику в Берлине (валюта!). Радовался его талантливый сотрудник, что и его труд вливается в труд республики, что он приносит пользу, хорошо делая свое дело. Ситуация обычная, житейская. Главное, из нашего далекого далека уже видно, очевидно, — запахло слегка серой, рядом с нашим Фаустом замаячила тень Мефистофеля...

Вспомним, как аналогичный момент излагается в гетевском “Фаусте”.

*Фауст: Но свет блеснул — и выход вижу, смело
могу писать: “В начале было Дело!”*

Затем, после обычного гетевского многословия, звучит первое предупреждение Фаусту.

Духи: Он попался!

Но звездный час Термена — не в этом, пусть Мефистофель подождет, поаждется. Более всего его радует реакция Ленина на “терменвокс”. “Надо это всячески пропагандировать!” — будто бы сказал вождь мирового пролетариата после импровизированного концерта электронной музыки в Кремле. И поручил контроль за выполнением своего наказа секретарю ВЦИК А.С.Енукидзе (кстати, при Сталине, в 1937-м тоже был расстрелян). Термену оформляется грозная бумага под названием “Мандат”, который обеспечивал ему право бесплатного, беспрекословного, беспрепятственного проезда по всем железным дорогам бескрайней России с лекциями, концертами “радиомузыки”. Программа ошеломляющая и для сегодняшней аудитории — прочитайте внимательно тексты афиш (рис.8 и 9). Не только электронная музыка, но и “сочетание высоты звука со светом”, с осязательными, обонятельными ощущениями...

— Как это, с осязанием?

— А я придумал такие кресла, в их подлокотниках двигались ленты с разной поверхностью, под музыку...

Остроумно, конечно, но с запахами и с осязанием, это уже, извините, Лев Сергеевич, перебор, лишнее. Мне кажется, он здесь на самом деле всерьез поверил обольстительным речам Мефистофеля:

БОЛЬШОЙ ЗАЛ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ФИЛАРМОНИИ

ВТОРНИК **19** ДЕНЬ ДЕКАБРЯ 1922 г.

ОДИН ВЕЧЕР

ВТОРНИК **19** ДЕНЬ ДЕКАБРЯ 1922 г.

Л. С. ТЕРМЕНА

РАДИО-МУЗЫКА

ВНОВЬ ИЗОБРЕТЕННЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ

ГЛАВНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ: 1) Управление звуками свободным движением руки в пространстве, 2) Тембр и характер звука по желанию, 3) Длительность звука при полной непрерывности и ровности, 4) Неограниченность силы звука (Форте и пиано), 5) Игра на струнах и гитаре без смычки, 6) Передача звуков по проводам и радио без искажения тона и тембра в любом направлении и с любой скоростью, 7) Использование приемов игры на существующих инструментах, 8) Проекция различных тембров и криков на экран, 9) Получение аккордов в темперированных и натуральных строях (аккорды), 10) Сочетание высоты звука со светом, 11) Возможность сочетания музыки и танца

Демонстрация Л. С. Терменом изобретенного им прибора в действии.

ИСПОЛНЕНИЕ ЦЕЛОГО РЯДА МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ.

Л. С. Термен (электрический музыкальный инструмент) проф. Консерватории **Розанова** (рояль) **Е. Э. Термен** (пение)

Секретарь: **М. М. Мухоморова** (адрес: Москва, ул. Садовая, д. 100, входы в переулок) Начало **восьми в 8 часов вечера.** Афиша составлена **В. И. Качалов.**

Рис.8. Афиша концерта "радиомузыки" 1922 года

*Ты будешь тешить обонянье,
И вкус, и даже осязанье —
Все, все тебе доставлю в дар!*

Конечно, это случайное совпадение, и если "шутки в сторону", по моему мнению, лишь зрение и слух как "социальные чувства", способные к абстрагированию, имеют право быть представлены в музыке. Меня больше удивило другое — неужели он на самом деле светомузыкой занимался еще в те годы, во времена Ленина? Приметив на моем лице недоверие, Лев Сергеевич разыщет впоследствии фотографию светового прибора и пришлет мне копию (рис.10). Да, все точно, так и было!..

Петроград, Москва, Псков, Нижний Новгород, Минск, Ярославль, Рыбинск — более 150 выступлений в Советской России, в ее городах и селах, с "радиомузыкой", с синтетической музыкой, в стране, которая для западного писателя была "во мгле".

И вновь не могу отказаться от возможности поделиться ароматом пожелтевших газетных листов того прекрасного, жестокого, пусть порою, местами, и безграмотного времени:

— "Разрешение проблемы идеального инструмента. Приблизительно шестьдесят октав слышимых звуков, в том числе двадцать четыре октавы

музыкальных звуков, вместо шести на рояле, звуки освобождены от "примесей" материала. Начало века радиомузыки".

— "Новый источник энергии в приборе Термена позволяет управлять звуком гораздо совершеннее, чем на любом инструменте. Обычными европейскими нотами невозможно даже записать восточную песню, гораздо более мелодически богатую. Принцип, использованный Терменом, обещает возратить музыке чистый акустический строй".

Его концерты посещают и поклонники техники, и служители муз. Наш

Воскресенье

10

АПРЕЛЯ

В ВОЛШОМ ЗАЛЕ

Государственной Академической Филармонии

Улица Давыдова, д. 2 (бывш. Михайловская)

В ПОЛУЗУ КРУЖКА ВОЗДКОВ ЛЕВВШГР ПОЛИТЕХВ. ИН-ТА

Воскресенье

10

АПРЕЛЯ

ЛЕКЦИЯ—КОНЦЕРТ

Л. С. ТЕРМЕНА

НОВЫЕ ПУТИ МУЗЫКАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА

Полное синтез искусств: техники и науки. Элементы музыкального здания. Новые возможности в каждом из них. Расширение звуковых средств: неограниченность диапазона, градация мощностей, тембровые возможности, освобождение от пространственных условий. Непосредственность связи исполнения с звуковым материалом. Максимально возможный из звукового материала, но не мизанзап для его извлечения.

УПРАВЛЕНИЕ ЗВУКОМ СВОБОДНЫМ ДВИЖЕНИЕМ РУК В ПРОСТРАНСТВЕ, величайшие импульсы, связанными с микроскопическими резонансами, взглядом и т. д. Мелодия и гармония свободны от условий темперация. Особенности натуральных и темперированных строев, перспективы новых звуковых. Особенности инструментовки. Композиция в отношении музыкальной структуры и наличие технические совершенства инструментов. Диатонические, политональные и атональные направления, автоматизация возможности динамики: сторону автоматизации. Важность ее совершенствования для музыкального творчества и губительность примитивной автоматизации. Синтез отдельных искусств с музыкальной.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ СОЧЕТАНИЯ МУЗЫКИ И ЦВЕТА, МУЗЫКИ И ЖЕСТА, МУЗЫКИ И ОСЯЗАНИЯ, МУЗЫКИ И ОБОНЯНИЯ.

Перспективы более полного и глубокого знакомства индивидуума слушателя.

Лекцию сопровождают демонстрации изобретенных Л. С. ТЕРМЕНОМ новых электрических музыкальных инструментов и

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ.

ПО ОКОНЧАНИИ ДОКЛАДА

КОНЦЕРТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Исполнение Л. С. ТЕРМЕНОМ ряда музыкальных произведений на своих инструментах: Поникло, Трага а-шолл, оп. 34, Скорый Prelud и др.

при участии **Е. Э. ТЕРМЕН** (пение) и **О. Э. ТЕРМЕН** (рояль)

Начало ровно в 1 час дня.

Продажа билетов в кассе Филармонии от 12 до 6 час. дня. Цена билетам от 40 к. до 2 р. 50 к.

Адрес: Ленинград, Филармония, ул. Давыдова, д. 2. Контактный телефон: 1-1000. Ответственный организатор: Комаров.

Рис.9. Афиша концерта после 1924 года (судя по тому, что "Петроград" уже стал "Ленинградом")

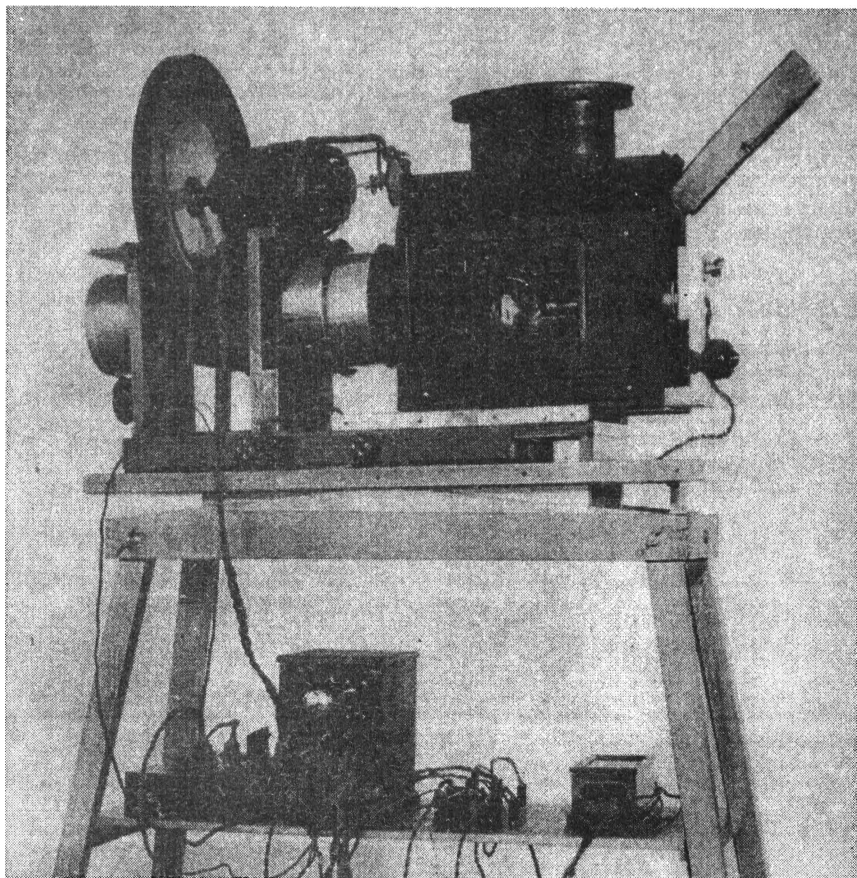

Рис.10. Световой инструмент Л.С.Термена (1922г.-?)

пострел везде поспел — побывал, оказывается, на терменовском выступлении и упомянутый выше Дрейден Симон Давыдович.

“Мне вспоминается, — писал он через много лет, — зимний день 1923 года, когда терменокс впервые появился на прославленной, знавшей лучших музыкантов мира эстраде Большого зала Петроградской филармонии. Собрался весь цвет тогдашнего музыкального Ленинграда — от маститого А.К.Глазунова до совсем еще юного Шостаковича. Не без предубеждения посматривали многие на странный аппарат, одиноко стоявший на эстраде, но, пожалуй, общим и для испытанных, и для начинающих любителей музыки было ощущение чего-то сверхъестественного, когда по мановению рук изобретателя, лишь приближавшихся к этому сооружению, но отнюдь не касавшихся, возникали и лились завораживающие, не то скрипичные, не то виолончельные, не то напоминавшие флейту звуки рахманиновского “Вокализа”. (Кстати, именно

на этом концерте, — если быть точнее, состоявшемся 19 декабря 1922г., — Термен впервые демонстрирует возможность соединения электромузыки с танцем и светом.)

С подобными восторженными отзывами поделился и известный композитор-музыковед М.Ф.Гнесин, после очередного концерта Термена в Московском Политехническом музее. Показательно название его статьи в “Правде”, написанной совместно с не менее известными музыковедом Е.Браудо и композитором А.Авраамовым: “Электрификация музыки”. Все вполне закономерно: “электрификация всей страны” естественно включала в себя и “электрификацию музыки”. Как романтично и как революционно — почти как в гениально-косноязычных рассказах А.Платонова выглядит все это в изложении прессы тех лет: “Ильич выдвинул на первое место кино, так как это электрифицированный театр, допускающий размножение... Изобретение Термена — музыкальный трактор, идущий на смену сохе...”!

Термен до конца своей жизни сохранил преклонение перед Лениным, считая встречу с ним историческим событием для нового искусства, и не устал повторять фразу Ленина, сказанную им после знакомства с терменвоксом: “Я всегда говорил, что электричество может творить чудеса. Хорошо, что именно у нас электрифицирована даже музыка!” Для Термена, для музыканта, который “щупал электричество руками”, который был с электричеством “на ты” (оставаясь на “Вы” — с музыкой), это, конечно, было высшей оценкой, высшим признанием.

В жизни Льва Сергеевича, музыканта и изобретателя, гимны электричеству слились с гимнами революции и Ленину. И он был не один такой — среди своих молодых современников, тоже великих и тоже восторженных романтиков... О них — следующее, пока еще “лирическое” отступление. Их будет несколько, выделенных курсивом, должных подтвердить, что, при всей уникальности судьбы Термена, он был не одинок в синхронности своей жизни с судьбой своей страны.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ИСКУССТВО, ИЛИ ЛЮБОВЬ К ЭЛЕКТРИЧЕСТВУ

Пафос революционных преобразований, которые завораживали художников, в которые поверили многие из них, стимулировал высокую напряженность поиска и грандиозность замыслов вселенского размаха. “Размаха шаги саженьи” наличествовали для них в едином восприятии социальной и научно-технической революции. И даже на Западе сегодня, ведаумеая и содрогаясь, восхищаются художественными открытиями тех, первых послереволюционных лет, той смелостью, с каковой происходила тогда в Советской России “электрификация искусства”.

Самыми смелыми разведчиками будущего были, конечно, поэты, свободные в своих фантазиях от обязательств реализации любых, пусть даже самых бредовых, невозможных идей. “Никому не дано знать, — писал Владимир Маяковский, — какими огромными солнцами будет освещена жизнь будущего. Может быть, художники в стоцветные радуги превратят серую пыль городов, может быть, с кряжей гор неутомимо будет звучать громовая музыка превращенных в флейты вулканов, может, волны океанов заставим перебирать сети протянутых из Европы в Америку струн. Одно для нас ясно — первая страница новейшей истории искусств открыта нами”.

Заходится высокой глоссолалией в предвосхищениях будущего его друг футурист Велимир Хлебников: “Радио решило задачу, которую не решил храм как таковой... Задача приобщения к единой душе человечества, к единой ежесуточной духовной волне... — эта задача решена Радио с помощью молнии”. Еще нет на слуху самого слова “телевидение”, а поэт вещает, мечтает о некоем “Радио для глаз”, а также о трансляции запахов, программ функциональной музыки для “обострения труда” и даже “вкусовых снов” для облачения простых обедов в “личину роскошного обеда”! (“Радио будущего”). А в другом своем футурологическом гимне “Лебедя будущего” Хлебников рассуждает о “небокнигах”, проецируемых на облака, о “живописи пальбой”, о неких “искрописьмах” и “телекнигах”, предвосхищающих современную телефаксовую связь и электронную почту (e-mail). И даже в стихах своих — “Москва будущего” и “Город будущего” — он мечтает о том, что сегодня называют световой и кинетической архитектурой:

Ремями приводными живые ходят горницы,
Светелка за светелкою, серебряный набат.

Да что поэты, — вслед за ними, в те же годы, ринулись в будущее сами художники, музыканты и архитекторы. Символом революционного искусства становится музыка А.Н.Скрябина и его идея светомузыки. Перед самой Февральской революцией “Прометей” Скрябина исполняется — впервые в России со светом, по его партитуре, — в Большом театре. За электрическим пультом — коллега и близкий друг композитора Л.Сабанеев. Там же, в Большом театре, — в дни празднования первой годовщины Октябрьской революции, 6 ноября 1918г., — “Прометей” исполняется со светом наряду с “Интернационалом”. “Ни более и ни менее!”. Годовщина революции, революционное произведение! Световая партия на этот раз воспроизводится по эскизам А.Лентулова. (Дочь художника рассказывала мне, что на этом концерте, судя по воспоминаниям живописцев из “Бубнового валета”, присутствовал и В.И.Ленин.)

Звездный час — и у художника В.Кавдинского, пионера беспредметной живописи, мечтавшего “оживить” абстрактные образы и соединить их с музыкой, танцем. Он становится большим “живописным начальником”, организует и проводит в Российской академии художественных наук (РАХН) и в Институте художественной культуры (ИНХУК) специальные исследования в области “цветного слуха”, синтеза музыки и цвета¹. Параллельно с ним

1) Кавдинский В.В. Каталог выставки. — Л.: Аврора, 1989, с.46 - 66.

экспериментирует в Москве художник В. Баранов-Россине. Первые послереволюционные годы в его судьбе — тоже суматошные, тоже на взлете, тоже триумф. В 1924 году он демонстрирует свой электрический светомзыкальный инструмент “оптофон” в Большом театре, в Театре В. Мейерхольда. Афиши по городу, пресса! Его концертные выступления сопровождается своей лекцией о новом искусстве писатель В. Шкловский.

В 1920 году завершает свой знаменитый проект Памятника Ш Интернационалу В. Татлин: гигантская вращающаяся с помощью электричества спираль, ввинчивающаяся в небо, дополненная к тому же действием световых и звуковых проекторов. Во всем мире рисунки этого памятника или фотография его макета украшают художественные альбомы современного искусства! Его коллега, бывший латышский стрелок Г. Клуцис, после проектов оригинальных архитектурных объектов — “радиооператоров”, выдвигает идею своей знаменитой кинетической светозвуковой конструкции “Интернационал”. Для нас сегодня это может выглядеть как некое помешательство на теме Интернационала. Для них тогда — революционная форма отвечала революционному содержанию. Содержанию, в которое они искренне верили!.. Верил и А. Родченко, выпускник Казанской художественной школы, предлагавший аналогичные проекты, основанные на объединении электричества, движения, звука и света. Верил и ленинградский художник Г. Гидони, яростно отстаивавший идею небывалого Искусства Света.

Всю жизнь Гидони мечтает о создании некоего Храма света, Светотеатра, пытается воплотить его в 1925 году в макете гигантского Светового памятника Революции: конструкция из серпа, молота и шестерни, на которой покочится огромный полупрозрачный зал-глобус, рассчитанный на тысячи зрителей. На боку этого земного шара надпись: “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!” В вертикально стоящем молоте — выставочные залы, связанные лифтами, а на самом верху — музей В. И. Ленина. Практические предложения подкреплялись манифестами: “Электрификация, — писал он, — ныне в государственном масштабе вскрытое В. И. Лениным средство разрешения жизненных социально-экономических осложнений, и неучтенные гравдиозные возможности электрической энергии, в частности, как нового Искусства, неизбежно должны были представляться пытливым умам...”¹ Его цель — создать искусство, “достойное новой эры, ответить на призыв страны: дать Магнострой в искусстве!” В связи с этим Гидони готов похоронить все прошлое: “Что же, признаем, наконец: старая живопись умерла — да здравствует новая живопись! Великое новое Искусство Света и Цвета..., быть может, величайшее из существовавших в истории человечества! Родиться это искусство могло лишь в век электрической лампы!” Более того, знай наших: Гидони считает, что “у Аполлона лиру сегодня сменит реостат...”¹

Итак, катодное реле, электрическая лампа, реостат, — на службе революционного искусства, воплощающего в жизнь гениальные заветы Ленина: “Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны!”

1) Гидони Г. И. Искусство Света и Цвета. - Л.: Издание автора, 1930, с. 13, 16; Его же: Густав Курбэ. - Л.: Изд. лаборатории Искусства Света и Цвета, 1933, с. 76, 102.

ОДА “ЭЛЕКТРИЧЕСКОМУ ДАЛЬНОВИДЕНИЮ” — ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ С ЛЕМУРАМИ

Я не думаю, что Лев Сергеевич притворно восхищался и знаниями, и умом Ленина. Я не думаю, что Термена и Ленина объединяла лишь общая страсть к электричеству. Я предположить даже не смею, что только политической конъюнктурой были продиктованы эти слова Термена: “Полтора-два часа, которые я был счастлив провести около Владимира Ильича, словно заново открыли мне огромное обаяние его, теплоту, доброжелательство, все что, особенно осознаешь при личной встрече”. Я цитирую эти строки из статьи Дрейдена Симона Давыдовича. Но почти слово в слово это встречалось в других интервью Термена, слышал от него я и сам...

Объединяла, вероятно, их и общая фаустовская судьба, фанатическая преданность Делу, продиктованная неумолимой мыслью, неукротимым желанием нести благо людям. Самоутверждением — во имя блага и от его имени. Разве это не похоже на строки из “Коммунистического манифеста”, на первые послереволюционные лозунги за подписями Ленина:

... Все трудолюбиво

Мой смелый план исполнить пусть спешат!

Орудий больше, заступов, лопат!

Что я наметил, пусть свершится живо!

Порядок строгий, неустанный труд

Себе награду славную найдут;

Великое свершится — лишь бы смело

Рук тысячью одна душа владела!

Не удивляйтесь — это текст апофеоза, апогея, звездного часа Фауста у Гете. Разве не похоже на послереволюционную Россию — и “смелый план” революционных преобразований, и “строгий порядок” трудовых армий и лагерей, и “неустанный труд” охранников и охраняемых, отмечаемый “славными наградами”, орденами Боевого и Трудового Красного Знамени, и вера в то, что великие цели коммунизма будут достигнуты, если все будут точно и всегда следовать ленинским заветам.

Совпадения — до мельчайших деталей! “Орудий больше, заступов, лопат!” — у Фауста. “Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов..., то средний крестьянин сказал бы: я за коммунию (т.е. за коммунизм)!” — у Ленина¹.

И тракторов понастроили — миллионы, и электрификация страны давно уже воплощена в жизнь, и даже “плюс химизация всей страны”, а с коммунизмом у последователей Ленина, несмотря на “торжественные обещания” партии, не получилось. В чем же дело? Выходит, что-то не сладилось с основным слагаемым в ленинской формуле — “советской властью”? Да, причин, как мы знаем уже, много, но одна из основных причин субъективного

1) *Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.38, с.204.*

порядка предсказана, подмечена, предложена самим Фаустом, — я удивляюсь, неужели на самом деле никто из членов КПСС не читал финал “Фауста” Гете?

Итак, внимание, — продолжение цитированного выше “Коммунистического манифеста” Фауста прерывается его следующим обращением, его приказом не кому-либо, а Мефистофелю:

*...Громаду за громадой
Рабочих здесь нагромождай;
Приманкой действуй, платой и наградой
И поощряй и принуждай!
И каждый день являйся с донесеньем...*

Итак, цель оправдывает средства? Пусть она и великая? Где мера, где край, который нельзя переступать? Ни слова о человеке, о совести, о морали, — только о Деле!

Я помню, как смутила, потрясла меня в детстве фраза Сталина в одном из его последних интервью американскому журналисту. Тот увидел у него на столе книгу Макиавелли и удивился. А Сталин, попыхивая своей трубкой и вышагивая своими мягкими, козлиной кожи, сапогами, ответил ему: “Большевики должны завидовать последовательности, с которой Макиавелли учит достигать своих целей. Правда, цели у нас — другие...”¹⁾

Мефистофели, юродствуя, прикидывались добросовестными приказчиками: “Чего изволите-с, с превеликим почтением-с и усердием-с”. Особенно свирепствовали в своем показном усердии лемуры, их помощники, исполнители (“мелкая нечисть”, по Гете). Голова — турнепсиком, но хвостиком внутрь, и тесно в ней, все забито заботами о себе, ненаглядном и ненасытном. Думать некогда и нечем. Как отличить человека от лемура? Аристотель говорил, что “человек — общественное животное”. В отличие от этого, при внешнем подобии человеку, лемуры — сугубо “домашнее животное”. Хотя, для достижения того, чтоб было желанное “тепло и сыро”, они могут и любят заниматься общественной, политической деятельностью. Только цели у них — другие. Свои, домашние, как у кошки или крысы... Поэтому и старались, нагромождали громаду за громадой, действовали и приманкой, и обманом, платой и расплатой, поощряли и принуждали, кнутом и премиями. И каждый день — доносили, “являлись с донесеньем”.

Да, товарищ Фауст, быть фанатиком своего дела — это прекрасно! На них, фанатиках, — не на трех китах — и земля держится. Но если хочешь нести людям благоденствие, хочешь делать большое дело — нельзя подпускать к нему лемуров! Если не получается без них, не хватает сил, — не берись, откажись, уйми свой пыл, найди другое, безобидное занятие. Ведь не зря даже на борту грузовиков, кроме “Не уверен, не обгоняй”, пишут еще: “Осторожно, люди!..” Фауст у Гете не заметил этой надписи (тут отчасти Н.Бердяев прав). В забвении этих транспортно-библейских заповедей, мне думается, была и личная, а также, к сожалению, общественная, вселенская трагедия В.И.Ленина (который, кстати, и Бердяева-то выгнал из России именно затем, чтобы он и ему подобные “мракобесы” не путались под ногами с нотациями о совести). Аукнулась эта трагедия и в судьбе нашего героя.

1) Цитирую по памяти, источник установить не удалось в виду непопулярности автора. (А если я и напутал что-то, сошлесь на литературный вымысел. Все равно - похоже...).

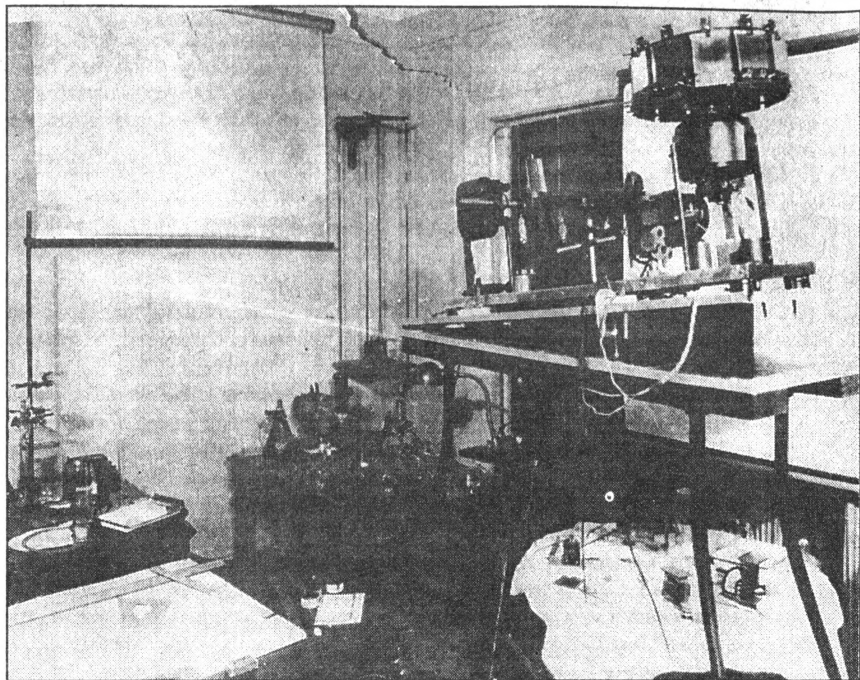

Рис.11. "Устройство дальновидения" — передающая часть (1926г.)

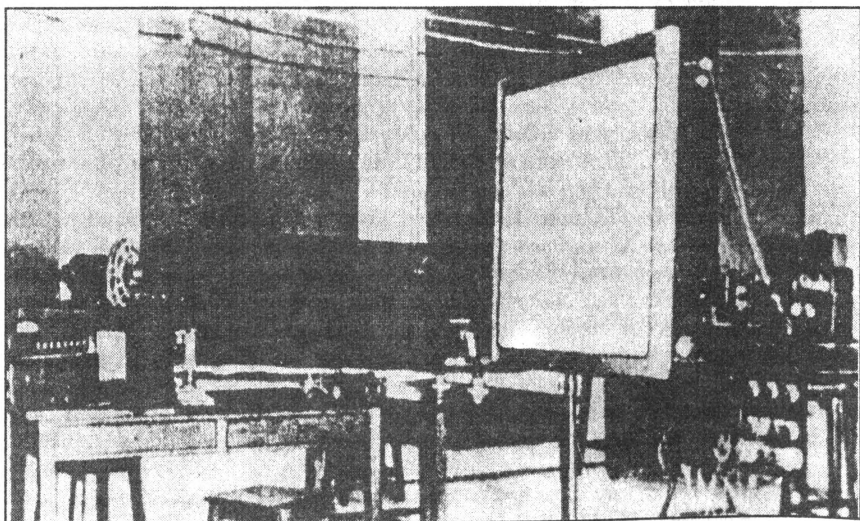

Рис.12. "Устройство дальновидения" — приемная часть (1926г.)

...Концерты “радиомузыки” не остановили работ Термена в Физтехе, он сотрудничает еще с Государственным институтом музыкальной науки (ГИМН). Всего этого ему мало, и в 1923 году он поступает учиться в Петроградский политехнический институт. Ему хочется получить полноценное физическое образование и советский диплом, и Иоффе выбирает достойную тему для студенческой дипломной работы Термена, руководителя лаборатории электрических колебаний: “Электрическое дальновидение”. Он знает — этот студент справится с любым невыполнимым заданием. Пока поэт Хлебников поражал фантазиями о “Радио для глаз”, наш герой как раз в те же годы, оказывается, спокойноенько это реализует. Потому — что он был не поэт, а Инженер Божьей милостью — пусть это и не понравилось бы Н.Бердяеву. И Термен решил поставленную задачу, продемонстрировав к концу учебы действующие образцы устройства для “беспроволочной” передачи изображения на расстояние. Короче — телевизор! Причем в нескольких вариантах, тратя на него премии, полученные за работу по охранной сигнализации. Первый вариант, судя по всему, начал делать еще при жизни В.И.Ленина! А в 1926 году — последний, с экраном 1x1,5 м! Телевизор — при Ленине?! Да мне легче было поверить в то, что Термен на самом деле нашел тогда способ посмертного оживления людей!.. Лев Сергеевич рассказывал, что после смерти Ленина он неоднократно, тщетно обращался к советскому руководству: заморозьте Владимира Ильича сразу на время, и он, Термен, затем вернет вождя к жизни. Он постоянно все годы сожалел: “Вот, не послушались меня; мозги, сердце вынули, забальзамировали, — тут уж я ничем не мог помочь. А я очень хотел оживить Ленина, он мне нравился..”

Кто знает, чем черт не шутит, может быть, Лев Сергеевич и на самом деле справился бы с этим, — была бы задача поставлена. Для него, казалось, нет ничего невозможного. Но советское руководство, понятно, никак не среагировало на предложение Термена, ограничилось спиритическими заклинаниями: “Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!” А Термену ничего не оставалось делать, как завершать свою дипломную работу. О терменовском телевизоре я знал со слов самого Льва Сергеевича и из не очень внятного мемуарного упоминания об опытах с дальновидением в цитировавшихся уже изданиях летописца Физтеха Л.Кокина. И никому, даже специалистам по телевидению, ничего не было известно о терменовском изобретении.

Как-то лет 15 назад я обратился с предложением снять фильм о Термене в специальную киностудию Академии наук СССР, назначение которой — фиксировать на пленку для вечности советских “бессмертных”. Я рассказал о Физтехе — питомнике академиков, о “терменовке”. Не подействовал и козырь: “Он Ленина видел”, киночиновник сморщился — “музыкальный инструмент? Это несерьезно”. Я заикнулся о первом советском телевизоре. Оловянные глаза клерка натруженно повернулись к справочнику на полке. Статья “Телевидение”: фамилии Термена там не было, “первые эксперименты в СССР начались в 30-е годы”... Я чуть не превратился в пепел под укоризненным взглядом оловянных глаз.

И хорошо, что — не в пепел, не превратился. В следующую нашу встречу с Терменом, уже через несколько лет Лев Сергеевич, радостно улыбаясь,

выложил передо мной толстую папку с каллиграфической надписью на обложке “Устройство электрического дальновидения”. Разыскал-таки где-то свою дипломную работу — с фотографиями (рис.11—12)! Как я понял, помог ему в этом нечаянно, негаданно маршал Буденный Семен Михайлович.

Один тележурналист, делая передачу об этом самом усатом маршале Советского Союза, коротая время перед съемками, слушал устало и обреченно его воспоминания. А тот вдруг говорит: “А вот еще, — в 20-ые годы мы хотели внедрить в РККА¹ телевидение!” Тележурналист вздрогнул, очнулся, заинтересовался, полез в дебри архивов, разузнал, разыскал².

Выяснилось, что на самом деле — было, причем уникально. В других странах аналогичные опыты велись тогда тоже, но с небольшими, размером с открытку, экранами. Более того, если коллеги Термена работали с давно известным “диском Ниппкова”, используя систему с “бегущим лучом”, то Термен одним из первых применил оригинальную зеркальную развертку. Это позволило вести передачу уже не только из закрытого, затемненного помещения, а прямо с улицы, в условиях естественного освещения, причем не только со статическими, но и подвижными объектами, — что было в те времена для многих основным камнем преткновения. Конечно, разрешающая способность в первом варианте была еще мала — 16 строк, в последнем уже вполне прилично — 100 (напомним, в нынешних телевизорах — 625). Но это было в 1926 году! “Папа Иоффе” был доволен: “Открытие Л.С.Термена, — огромного и всеевропейского масштаба”, — писал он в “Правде”. Похвалил его в “Известиях” и самый первый автор идеи электронного “Радио для глаз”, русский ученый Б.Л.Розинг (в это время — уже из-за границы). А журналисты, — те вообще захлебывались в очередном экстазе:

— “Имя Термена отныне входит в историю науки наравне с Эдисоном, Цоповым!”

— “Практика радиодела и мощнейшая техника современных усилительных приборов в недалеком будущем возведут на терменовском фундаменте технический и бытовой переворот, огромной и пьянящей смелости!.. Важнейшие события, раз уловленные в отпугивательный прибор Термена, сделаются видимыми одновременно во всех концах земного шара!”

Жаль, Хлебникова в это время уже не было... Аплодировали коллеги в Физтехе и Политехе — во время защиты дипломного проекта — а затем и участники Пятого всесоюзного физического съезда в Москве (декабрь 1926 года). Довольны были и члены главной “приемной комиссии”, будущие маршалы, красные полководцы Ворошилов, Буденный, Тухачевский. (Это было уже в начале 1927 года.) Лев Сергеевич вспоминал, как готовил к демонстрации аппаратуру в Наркомате Обороны, на Арбате, выставил объектив на улицу, и как обрадовались в другой комнате за стеной будущие маршалы и Серго Орджоникидзе — все усатые, молодые, — когда на экране появилась

1) РККА - Рабоче-Крестьянская Красная Армия. Вооруженные силы формировались, подбирались тогда не только по половому, но и социальному признаку.

2) *Розинг А.* Четвертый вариант. - Радио, 1984, №2. (До этого первое и последнее описание терменовского “телевизора” успел опубликовать журнал “Радиолобитель”, 1927, №1; кроме того, успел похвалить изобретателя журнал “Озонек”, 1926, №47.)

вдруг другая узнаваемая усатая фигура, — по двору шел Сталин. Зря, как выясняется, радовались, — двух участников этой встречи через десять лет он тоже уничтожил. А изобретение Термена тогда ему, как и всем, очень понравилось.

Комиссия была солидной и дальновидной. Изобретателя наградили очередной премией и пропуском в гастрономический спецмагазин. А “дальновидение” тут же засекретили — в свете интересов РККА и ЧК, предполагая использовать его на границе, для охраны священных рубежей СССР. Вот уж поистине — электрификация всей страны, включая и ее границы!.. Казалось бы, сколько лет прошло, можно и рассекретить терменовское “дальновидение”? Но, судя по всему, не получилось тогда ничего из этой затеи. И забылось, затерялось в наглухо запертых анналах. Тем более, жизнь у Термена затем закрутилась-завертелась такая — не до “дальновидения”... Поэтому и не было упоминания имени Термена в советских справочниках по телевидению¹. Хотя уже только этого вклада в инженерную науку было бы достаточно, чтобы оправдать свое имя в истории. Получилось иначе. Более того, серой запахло гуще, — первый шаг в сторону объятий Мефистофеля был сделан, лемуры взяли его на заметку.

Кто знал, кто ведал. Грех — сожалеть и советовать постприори. Тем более “приори” — не свое, чужое. Но пусть как урок живущим после: пропуска в спецмагазины просто так не даются, бесплатный сыр бывает только в мышеловке. А у нашего арбитра-контрагента Гете эта мысль звучит пожиже, но зато как всегда зарифмована, и ей поверят больше:

*Черт — эгоист, нельзя ждать от него,
Чтоб даром стал он делать одолженья.*

СОВЕТСКИЙ ФАУСТ В СТРАНЕ ЖЕЛТОГО ДЬЯВОЛА²

Премия, полученная за “боевой образец” портативно-передвижного телевизора, изготовленного по ворошиловскому заказу для СТО (ей Богу, не знаю, что это такое — может быть, Совет Труда и Оборона?), позволила Термену расширить музыкальные эксперименты, придумывать новые приборы. Радиодетали Лев Сергеевич приобретал, — как и мы, в наши сегодняшние

- 1) Подлинник своего уникального диплома Лев Сергеевич передал в Центральный музей связи им. А.С. Попова, а фотокопию - в московский Политехнический, где и можно ознакомиться с работой студента Термена.
- 2) “Город Желтого дьявола” - так называл Нью-Йорк Максим Горький. Я здесь неоднократно цитирую его не только потому, что “присвоил” себе в эпиграф хвалебный отзыв Сталина, размещенного начертанный поперек рукописи романтической бездельницы Горького под названием “Девушка и смерть”. Просто мне, по-честному, Горький нравится, и сам псевдоним его, который он, молодец, не сменил после революции на Сладкий.

дни, — на толкучке (тогда еще была, кажется, жива в Москве Сухаревка). И вот в Московской консерватории Лев Сергеевич представляет, наряду с бесконтактным, более привычный грифовый вариант управления звуком. Кроме того — многоголосный клавиатурный инструмент. Причем все это не просто имитация того, что существует в музыке, но с возможностью варьировать разные системы натуральных и темперированных строев. По уверениям Льва Сергеевича, маститые профессора Московской консерватории “одобрили” его эксперименты. Он был, конечно, рад — значит, оказался полезным и для родных музыкантов.

Судя по его давним рассказам — жаль, что я не записывал все “с ходу”, — в эти же годы Термен занимался, как всегда “параллельно”, созданием детектора для регистрации гравитационных волн (проблема, не решенная до сих пор во всем мире)¹. Вроде бы даже испытывал что-то, где-то на Памире — там ничто и никто не мешает, — и чего-то добился. Сожалел всегда, что не дали ему это закончить, — позвала новая труба. Не жизнь, а сплошные цитаты из революционных песен: “Дан приказ — ему на Запад!”

А на Западе в это время, летом 1927 года, готовилась Международная выставка — во Франкфурте-на-Майне. По содержанию своему она была связана с музыкой. Казалось бы, чем могла удивить пресыщенную европейскую публику молодая революционная Россия, приславшая сюда свою делегацию? Следами и слезами всеобщей разрухи? Вот что тогда писала любимая нами газета “Правда”: “Концерты начали пользоваться успехом лишь на докладах советского изобретателя профессора Л.Термена”. “Музыка небесных сфер”, “ангельский голос”, “музыка эфира” — такими восторженными возгласами начала заполняться пресса Германии, а затем и других стран. Не чудо ли это — дирижировать не оркестром, а самой музыкой, которая рождается в буквальном смысле по “мановению руки”, из ничего, из воздуха! Инструмент без клавиш, без струн. Связь между инструментом и “мановением руки” очевидна. Но связь эта не материальна, эфемерна. Одним словом, на самом деле — чудо! На немецком — “Gesamtkunstwerk”! Рукоплещут залы Дрездена, Нюрнберга, Гамбурга, Мюнхена, Лейпцига, берлинской филармонии. Выставка давно закончилась, о ней уже забыли, — а триумфальные выступления Термена продолжают — в знаменитом лондонском зале “Альберт-Холл”, в парижской “Гранд-Опера” (рис.13).

На его европейских концертах побывали многие тогдашние знаменитости — писатели Герхард Гауптманн, Бернард Шоу, музыканты Бруно Вальтер, Морис Равель, Отторино Респиги. Со многими из них Лев Сергеевич, это его слова, — “соглашался сфотографироваться для прессы”. Физик Альберт Эйнштейн высказал свое восхищение фразой, ставшей крылатой: “Свободно из пространства вышедший звук представляет собой новое явление”. Вернувшийся из очередной заграничной командировки А.Иоффе вновь делится комплиментами в адрес своего бывшего “дипломника” в “Правде”: “Совершенно исключительный успех имели везде за границей выступления сотрудника

1) С.Зорин утверждает, что Термен занимался этим позже, в 1965 — 1966 гг. Возможно — продолжал?..

THEATRE NATIONAL
OPÉRA

JEUDI 8 DÉCEMBRE 1927

à 21 heures

LA MUSIQUE

des

“Ondes Éthérées”

CONFÉRENCE et CONCERT

LÉON THÉRÉMIN

Au Piano GAVEAU : M. DANIEL JEISLER

Vendredi 9 Décembre
LE MIRACLE

Samedi 10 Décembre
LE CHEVALIER A LA ROSE

Dimanche 11 Décembre, en *Matinée*
LA VALKYRIE

Dimanche 11 Décembre, en *Soirée*
THAIS

Bureau de Location de 11 h. à 17 h. 30, dans le monument de l'Opéra, rue Auber

Imprimé par les Éditions de la Presse, 14, rue de Valenciennes, Paris

Рис.13. Афиша концертов Л.Термена в Париже

Физико-технического института Л.С.Термена с радиомузкой. В парижской Большой Опере за 35 лет не было такого напылива и такого успеха”.

Подтверждает это в своих путевых заметках и оказавшийся в те дни в Париже советский писатель Ефим Зозуля:

— “Я узнал из трехколонных заголовков в газетах, что в Гранд-Опера будет демонстрироваться гениальное изобретение инженера Термена. Эпитет “гениальное” чередовался со словами “чудо природы”. Парижские старожилы вряд ли припомнят случай, чтобы для кого бы то ни было и по какому бы то ни было поводу отдавалась Гранд-Опера... Консерватизм этой Гранд-Опера, начиная с содержания опер, таков, что наш Большой театр можно считать резвым и молодым, почти юношеским учреждением. И вот эта самая Гранд-Опера отменяет оперу и отдает вечер какому-то Термену, советскому гражданину...То, что я слышал в Гранд-Опера, — незабываемо. Бывали моменты, когда весь огромный зал со всеми своими ярусами стихийно испускал возгласы изумления и восторга, и в общем гуле я слышал и свой голос, который так же стихийно вырывался из моей груди... Я слушал Термена как раз накануне отъезда из Парижа, и почти всю дорогу, нанизываясь на стук вагонных колес, звучали в моих ушах отдельные напевы извлеченной челоуком из воздуха величественной симфонии мира”.

Можно предположить, — это наша “Правда” писала так, наш Зозуля, свои — о своем. Это свои, советские “Известия” хвалили: “Изобретение Термена сделало то, что, примерно, сделал автомобиль в транспорте. Изобретение Термена имеет богатейшее будущее”. Но еще большей температуры кипятик бурлил в самой зарубежной прессе: “Каждому слушателю ясно, что тут появилось что-то новое, колоссальное, с богатейшим будущим” (из берлинской газеты). Либеральная Европа, пусть и рисуясь немножко, признавалась в любви к молодой России, к незаконнорожденному продукту своих социал-демократических идей: “За три месяца гастролей Лев Термен превзошел самого Льва Троцкого: он совершил “мировую революцию” в музыке!” (тоже — из тогдашних германских газет). Это комплимент высочайшего класса!.

Кончилось тем, что Термена командировали в Америку. Очевидно, и там заинтересовались им, после буйных восторгов Европы, да и у наших был свой интерес. В итоге, в самом конце 1927 года Лев Сергеевич поплыл в Соединенные Штаты, на знаменитом буржуйском суперлайнере “Мажестик”. Официальная командировка была от Наркомпроса (надеюсь, читатели сами смогут расшифровать это). Ее, вероятно, подписал сам начальник данной организации, известный советский драматург, вальяжный такой большевик в пенсне — А.В.Луначарский. А второе, тихое задание было от тех, с кем Термен подружился во время выполнения работ с Гохраном и с СТО. Сам Лев Сергеевич говорил, что он имел дело с К.Ворошиловым, т.е. с РККА, но далее становилось ясно, что это дополнительное задание было не только от армейской разведки, но и от ОГПУ (бывшего ЧК), или того его подразделения, которым руководил бывший латышский стрелок Я.Берзинь (Петерс). За канцелярские точности не ручаюсь, вообще уточнять ничего не хочу, — когда и как это произошло, может быть, уже до поездки в Европу, или на этой поездке его как раз и

проверяли, — неинтересно! Мое дело отметить — договор советского Фауста с Мефистофелем (не пишу “с советским Мефистофелем”, ибо он, быть может, один на все времена и один?) к данному моменту уже состоялся.

Не знали об этом долгое время интервьюеры Термена времен “оттепели”, не знал, наверно, и Дрейден Симон Давыдович, не знал поначалу и я. Тем более не мог знать всего того и его попутчик по “Мажестику”, известный скрипач И.Сигети, который до этого специально встречался с Терменом в Московской консерватории и, волею случая, был вынужден сопровождать по морю потомка альбигойцев на новый континент.

Нарушая все литературные нормы прямого цитирования в письменном тексте, я прошу разрешить мне опираться на каноны документального кино, на чистый монтаж реальных, доступных мне сведений, сохранившихся с тех времен.

Из воспоминаний И.Сигети, опубликованных в Нью-Йорке в 1947 году.

О первой встрече: “Техническим достижением Термена, близким к моей специальности, хотя разобраться в нем мне было так же трудно, как и в конструкции Днепростроя, является его радиоволновой инструмент, который я впервые увидел в Москве”.

О путешествии на “Мажестике”: “Наше времяпровождение в зимнем саду судна, во время которого советский изобретатель вволю отдавался романтическому развлечению сочинения стихов, часто прерывалось тем, что приносили радиограммы от крупнейших промышленников, коммерсантов Америки, предлагающих карузовские гонорары (я отлично помню одно предложение в 5000 долларов) за право первого представления на званом вечере в их домах — или в универмаге, если телеграмма была оттуда. Так как ни Термен, ни его секретарь не говорили по-английски, моя жена и я должны были передавать ему смысл этой конкуренции между мистером S. из Чикаго, мистером F. из Детройта и мистером W. из Филадельфии. Но все те имена и лица, которые мы называли, казалось, не интересуют молодого советского ученого. Мы не могли удержать волнения, в которое нас бросало — наше ли дело! — от этих предложений, казавшихся нам фантастическими. Однако Термен, проникнутый социалистической идеологией, хладнокровно и настойчиво отказывал им и оставался верным первоначальному плану — довести свое изобретение до конца, а уже потом думать о торговле. Все это было очень поучительно для меня”¹.

Ну, Лев Сергеевич! Разве можно так? Мне думается, подобным образом профессиональный разведчик себя не должен был вести. Реакция Термена была непрослительно естественной и непосредственной, реакцией наивного альбигойца, советского гражданина.

Об американском его периоде жизни можно написать специальную книгу, и сделать это должен американец. Это отдельная, блистательная эпопея. Ограничимся пунктирным монтажом его скупых, неполных воспоминаний и цитат из американской прессы.

1) *Szigeti J. With strings attached. - N.Y., 1947, p.225-226.*

Он ошарашил первых газетчиков, пробравшихся на ходу на “Мажестик”, уже тем, что предупредил: “Кроме терменвокса я привез с собой охранные устройства; прибор, позволяющий устанавливать звуковую связь между землей и летящим самолетом; устройство, которое воспроизводит и усиливает звуки, идущие из недр Земли” (Нью-Йорк Таймс, 22 дек.1927). Ей Богу — не знаю, о чем это. Так написано...

Но главное, конечно — “радиомузыка”!

Пресса буквально взорвалась. Жадная до сенсаций Америка удивлялась, умилялась, похлопывала по плечу посланца страны Советов. Стилистический диапазон рецензий — от полного погружения в эйфорию всеобщего преклонения и поклонения до грубоватого ковбойского юмора! Вслушаемся снова в шорох старых газет, на этот раз — американских:

— “Настроив свой инструмент способом, который для непрофессионала сопоставим только с проверкой нагрева котла обнаженной рукой, он исполнил для начала “Аве Марию” Шуберта... Во время исполнения его правая рука постоянно вибрировала как у скрипача или мессмериста. А его левая рука в это время была занята подниманием и опусканием какого-то невидимого насоса” (Нью-Йорк Таймс, 1 янв.1928).

Но в большинстве отзывов — буря, тайфун восторгов:

— “Лучшие музыканты Америки, слушая терменвокс, этот изумительный инструмент, единодушно пришли к выводу, что изобретение Термена представляет собою величайшее достижение” (Нью-Йорк Таймс, 27 дек. 1927).

— “Знаменитые музыканты, которые слушали концерт с величайшим вниманием и серьезностью, были едины в оценке этого инструмента как великого научного достижения” (Нью-Йорк Таймс, 25 янв.1928). Среди слушателей этого первого сольного концерта — Рахманинов, Крейслер. А Тосканини вызвался испробовать чудо-инструмент сам. Уже на этом выступлении Термен использует, кстати, и свой световой прибор.

Триумф!.. Концерты в ведущих концертных залах Америки: “Метрополитен-Опера”, “Карнеги-Холл” (рис.14). Ансамбль из 12 терменвоксов исполняет увертюру к опере “Лоэнгрин” Р.Вагнера. В концертах принимает участие знаменитый дирижер Леопольд Стоковский. Ведущие оркестры Америки боролись за право выступить с Терменом. Правда, газетные репортеры подтрунивали, ехидничали слегка: зачем, мол, в этом случае вообще дирижер нужен, если Термен вместо него — “машет руками”. Веселая страна...

Так или иначе, деловая Америка захватила Термена своей предприимчивостью и быстротой реакции на новое. Фирмы — “Дженерал электрик”, “Вестингауз”, “Радиокорпорейшн” взялись за тиражирование терменвокса и выпустили несколько тысяч штук. Льва Сергеевича просят обучить продавцов нового товара — и многие неожиданно становятся его “конкурентами”, уходят из-за прилавка на концертную эстраду. В профсоюзе музыкантов было зарегистрировано 700 представителей новой профессии — “терменвоксист”. Среди любимых учеников, точнее любимых учениц, самые талантливые — Люси Розен и Клара Рокмор.

Рис.14. Лев Термен с американским ассистентом на одном из первых концертов в США (январь 1928).

— У меня появилось много денег, я купил себе черный костюм, “кадиллак”, переехал из гостиницы в свой дом.

Термен арендует в Нью-Йорке на 99 лет шестизэтажное здание, — при рассказе он обязательно, с некоторой долей лукавого кокетства, напоминает точный адрес (на “54-й Восточной улице”, и даже номер телефона), — организует там музыкально-танцевальную студию (рис.15). Его навещает в ней великий советский кинорежиссер С.Эйзенштейн и, конечно, весь американский “бомонд”. Музыканты — Д.Гершвин, Я.Хейфец, И.Менухин, а Чарли Чаплин после встречи заказывает для своих фильмов оригинальный вариант терменвокса.

Термен безудачно совершенствует технику “радиомызыки”. Его попутчик по “Мажестику” И.Сигети, продолжая недоумевать, подчеркивал в своих воспоминаниях: несмотря на огромный успех терменовских мероприятий, сам Лев Сергеевич постоянно и бескорыстно ввязывался в разные “некоммерческие” проекты. Так, по просьбе музыканта Г.Коуэлла он конструирует уникальный клавишный инструмент “ритмикон”, позволяющий свободно варьировать различные длительности звучаний и управлять ими для получения богатейших ритмических комбинаций. (“Ритмикон” получился отменный, и его

Рис.15. Дом-студия Л.С.Термена в Нью-Йорке (сегодняшний снимок)

перехватывают психологи для своих экспериментов. Один экземпляр до сих пор хранится, кажется, в Стенфордском университете.) Другой композитор, П.Грейнджер, попросил Термена создать автоматический музыкальный инструмент, непосредственно считывающий нотные знаки со специально подготовленной партитуры. И эта задача Терменом была решена на "пять". Восхищенные заказчики создают произведения для этих инструментов.

Но не забывает Лев Сергеевич и свой терменвокс. Создает басовый, затем несколько грифовых, клавишных вариантов инструмента. И, наконец, появляется “терпситон”, — в нем управляющая антенна выполнена в виде огромного металлического листа, размещенного на полу. И музыка создается уже не движением руки, а всем человеческим телом — в танце (рис.16).

— “Балерина на эстраде выделяла сложнейшие па... Неожиданно с эстрады полилась музыка. Она была совершенно необычной, завораживающе красивой и очень ритмичной. Казалось, что музыка следует за каждым, даже незначительным движением балерины...”

Это — не из американских газет, а из упомянутого фантастического рассказа “Сиреневая токката Махаона”. Знал ли его автор, что подобное — уже было, реально, 30 лет назад “до”... Было — у Термена, во время американской эпопеи нашего героя¹.

Совершенствуется и световая аппаратура. Термен синхронизирует с музыкой стробоскопические эффекты, высвечивающие и формирующие разнообразные орнаментальные узоры. Встречается и спорит с великим американским светохудожником Томасом Вилфредом, а так же с создателем другого знаменитого электромузыкального инструмента М.Мартено, планирует создать вместе с ними Общество нового искусства. Развивает свои прежние замыслы дополнения “радиомузыки” и светомузыки осязательными ощущениями, создав специальную управляющую перчатку, оснащенную электрическими датчиками для транслирования тактильных эффектов в зрительный зал. Пытается включить во всеобщий синтез и “гравитационное” чувство, — подымая и опуская под музыку “стены” зала (конечно, с помощью света, а не реально).

Любой из этих фактов сам по себе поразителен, сногсшибателен, но при каждой новой нашей встрече Лев Сергеевич вновь “сшибал с ног”, заставляя меня воскликнуть: “Не может быть!” Однажды, уже в послевоенном журнале, я прочитал, что известная американская киноавангардистка, автор многих светомузыкальных фильмов М.-Э.Бьют занималась в юности в студии Термена². Я как-то спросил Льва Сергеевича о ней.

— Как же, помню, молоденькая такая, симпатичная: Мэри-Элен Бьют. Она у меня с Эйнштейном в студии светомузыкальные эксперименты проводила. Знаете, физик был такой?..

— С каким Эйнштейном, с тем самым, который “теория относительности”?! Я знаю, читал, что Вы встречались с ним в Европе. Что дуэты вместе играли, когда он из Германии от фашистов в Америку сбежал, — он на скрипке, а Вы на терменвоксе...

— Не только дуэты, не только вместе. Я нанял и выделил им специально еще одну студию. Мэри рисовала по его заданию различные абстрактные фигуры. Все стены были увешаны ими. Они подбирали затем картины к музыке (рис.17)...

1) *Mason C.P. Theremin "Terpsitone": a new electronic novelty. — Radio-Craft, 1936, Dec., p.336,365.*

2) *An interview with Mary-Ellen Bute. - Film Culture, 1964-1965, №35, p.25-26.*

THEREMIN "TERPSITONE" A NEW ELECTRONIC NOVELTY

By means of Prof. Theremin's latest device, a dancer may create music by the movements of her body. A capacity device in the floor is mainly responsible.

C. P. MASON

THE inventive genius of Professor Leon Theremin has at last justified a famous poet in his license. Many years ago, Tennyson wrote:

"The dancers dancing in tune."

And a distinguished musical critic commented: "That would be beyond the abilities of the young lady of Banbury Cross" who, as will be remembered, had *trills on her fingers and bells on her feet.*

But by the new electrical system of Theremin, which depends, like the original device named for him, on the phenomenon known as "body capacity," it is possible for a dancer to dance in tune as well as in time. In place of the rods used in the first "Theremin,"

there is an insulated metal plate beneath the dancing floor. As the dancer bends toward it, the electrical capacity is increased, and thereby the pitch of an oscillating tube circuit is lowered; as she rises on tiptoe, for instance, the pitch of the oscillator is increased. The output of this oscillator is beat against that of another of fixed tone, producing an audible but superfluous frequency and this is amplified and fed into a large square reproducer. Thus the motions of the danseuse are converted into tones varying in exact synchronism with her pose. In fact, the motion of either an arm or a leg is sufficient to

produce a noticeable change of tone. The loudspeaker used to give this individual tone interpretation of the dance is supplemented by another, reproducing a background of the theme music previously selected.

It need hardly be said that there is a great deal of scope for individual talent in coordinating bodily movements so that the sounds thus produced

will not only fall pleasantly upon the ear, but also combine harmoniously with the precise work of the phonograph records.

In other words, this is a field of pure artistry. Another feature combined with it is an automatic colored light accompaniment. The "visual note indicator" is a panel of lamps of different colors. This, however, is accomplished by a method partly mechanical: a tuned reed behind each lamp vibrates when its corresponding note is sounded, and thereby closes the circuit lighting its lamp. Thus the notes evoked by the artist's motions are shown by lights flashing simultaneous up and down the

(Continued on page 365)

Fig. A. The speaker above the dancer reproduces the musical tones.

**FOR THE
FIRST
TIME
IN ANY
RADIO
PUBLICATION**

Fig. B. Prof. Theremin adjusting the controls.

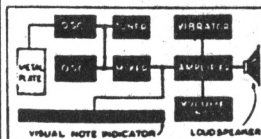

Fig. 2. Two oscillators, one fixed and the other varied by the dancer's body capacity, feed into a common amplifier, controlled by a system of vibrators to produce some of the "plains" scale from the oscillator frequencies. In other words, the vibrators which are tuned to notes of the chromatic scale limit the musical effect to notes of this scale. Pilot lights indicate those tones as they are produced.

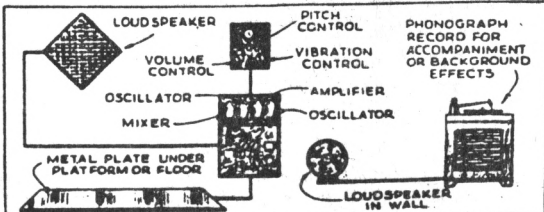

Fig. 1. The components of the system, including the phonograph which is used for background effects.

Рис.16. Описание и фотография терпситона в одном из американских журналов (1936г.)

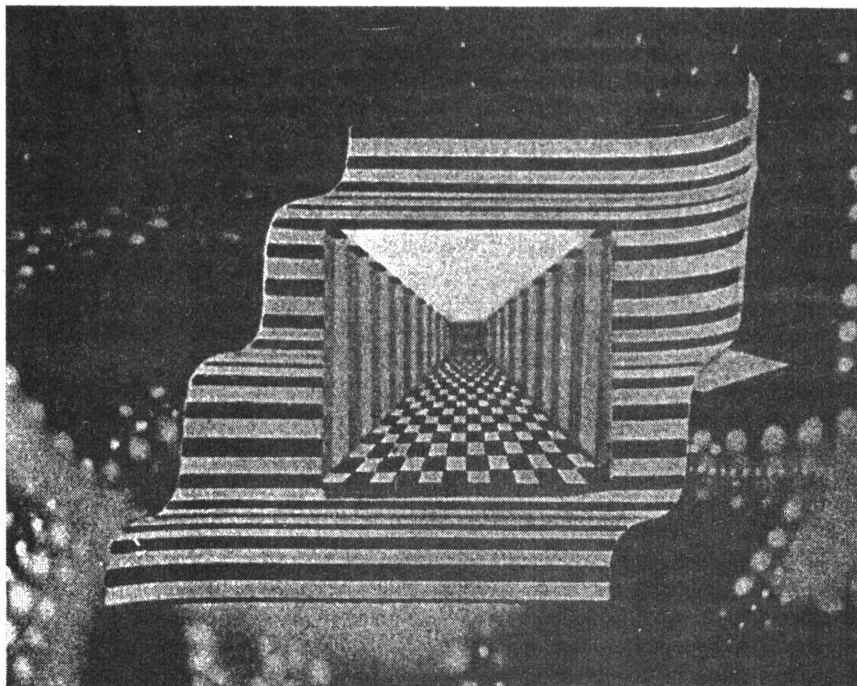

Рис.17. В итоге М.-Э.Бьют научилась делать такие фильмы - кадр из ее "Цветовой рапсодии" (1958г.)

С ума бы не сойти — да знают ли об этом биографы великого физика? То, что автор теории относительности любил дружить с молоденькими девушками, — это всем известно. Но чтобы по такому необычному поводу?

На какие средства осуществлялось все это — студии, научная благотворительность? Неужели хватало концертных гонораров или отчислений от "Дженерал электрик"? Или наша разведка подкармливала? Совсем нет — наоборот, он сам, похоже, помогал ей своими заработками, ибо стал он в конце концов членом элитарного Клуба миллионеров США, куда принимали далеко не каждого, кто имел миллион. Круг знакомых расширился: Рокфеллер, Дюпон, Морган, Форд. Судя по всему, основные доходы приносила созданная им фирма "Teletouch Corp", специализировавшаяся на выпуске оригинальных систем охранной сигнализации. Они работали — как и в кремлевском показе — по бесконтактному принципу, но реагировали они уже не только на изменение электрической емкости, а и на отражение света. Проектор создавал на стене, на полу пятно, — и достаточно было мыши попасть на это пятно или

пересечь луч света на его пути к скрытому фотоэлементу, — наступал всеобщий атак (простите, “alarm”)!¹

Контингент потребителей — от магазинов до тюрем. И того, и другого в Америке в те времена, судя по всему, хватало, поэтому долларové счета у Термена росли так же резво, как сейчас у “новых русских”.

К Термену постоянно обращаются за консультациями — по широкому, разнообразнейшему кругу технических вопросов. Эйнштейн хлопочет, чтобы он помог наладить трансконтинентальную телефонную связь СССР — США, непонятные перебои. Пожалуйста! Попросили в нью-йоркском Центральном парке организовать уникальный технологический аттракцион — и “гроб Магомета” на самом деле зависает в воздухе, в невидимом магнитном поле. На любое предложение, на любую просьбу — “пожалуйста”, и, наверняка, конкретный результат. Термена включают в список самых знаменитых людей мира в американских справочниках “Who is who?”.

Кстати, о разведке. Мы о ней как-то забыли, но она, конечно, его тогда не забывала. Каждую неделю, между встречей с Чарли Чаплиным и Рокфеллером, между очередным концертом и постоянной работой в лаборатории, он шел в какое-то захудалое кафе на задворках Нью-Йорка, на Пятой авеню². Приходили на встречу обычно двое в серых плащах и серых шляпах — из нашего посольства.

— И говорили, прежде всего: “Пей!” . Наливали и заставляли выпить перед беседой два стакана водки (голос Льва Сергеевича в этом месте рассказа дрожал от негодования и обиды). Они что — не доверяли мне что ли?..

Ах, Лев Сергеевич, зачем же с Вами так? Жаль, конечно, что меня тогда не было рядом, уж с этой напастью я бы смог помочь справиться, поделили бы порцию. И, может быть, вообще зря Вы связались с ними? Может быть, лучше не надо было никаких Метрополитен-Опера, Карнеги-Холл? Ведь не было, наверно, в нашей стране ни одного интеллигентного человека, кому не предлагалось бы сотрудничество, — дома, за границей. И не обязательно было соглашаться. Конечно, чужую беду руками разведу, — что было, то было...

— Но я придумал после, что делать. Съедал перед встречей с ними по пачке сливочного масла.

— А о чем они спрашивали?

— Да глупости всякие. То размер глушителя у нового самолета. То узнать, кто сидит в американских тюрьмах...

Так я и не понял сначала, оправдывал ли он постоянные расходы разведуправления на водку. А позже, однажды, он наклонился ко мне и тихо, глаза озорные, улыбается: “Вы знаете, а я ведь в Америке был как Рихард Зорге в Японии”³. И опять — неясно, непонятно: шутил Лев Сергеевич или говорил правду. До сих пор не знаю, но если судить по его последним, пусть

1) *Alarm* - тревога (англ.). См. об этом: *Teletouch corporation*. — *Electronics*, Feb.1937, p.26 - 28.

2) Я не был еще в Нью-Йорке. А Сергей Зорин был. И написал мне на полях рукописи: “Окстисе, какие задворки, это центр города!” А я решил оставить, звучит - красиво.

3) Р.Зорге - советский разведчик, снабжавший руководство СССР информацией о настроениях в Японии относительно возможности вступления ее в войну против нашей страны.

тоже весьма осторожным интервью времен “перестройки”, Термен и в этом, “параллельном” своем амплуа стремился приносить максимальную пользу:

— “Мои беседы с военными и с людьми американского военного бизнеса отнюдь не сводились к разговорам о музыке. Поверьте, я был неплохо информирован о планах американского политического Олимпа, и из того, что мне стало известно, понял: не США, а страны фашистской оси — наш будущий военный противник. Такого же мнения придерживался начальник разведуправления РККА Ян Берзинь, которого я знал как Петерса”¹.

Судя по доступной нам всем шпионской литературе, в разведке есть прием составления сведений методом “мозаики”. “Мозаика” у Термена получалась довольно подробная и пестрая. Кроме художников и бизнесменов среди участников светских, салонных бесед в его студии Льву Сергеевичу почему-то запомнились неизвестный еще миру подполковник Д.Эйзенхауэр, будущий президент США, и так же малозаметный военный специалист Л.Гровс, который станет через несколько лет руководителем атомного “Манхэттенского проекта”.

Интересно, догадывалась ли тогда американская контрразведка о втором командировочном задании Термена? Но сам Лев Сергеевич, по его нынешним признаниям, отнюдь не чувствовал себя виноватым перед гостеприимной Америкой. Он полюбил эту трудолюбивую страну и был уверен, что его тайная деятельность никакого вреда ей не приносила. А уж в открытой, легальной социальной жизни — одна польза!..

Я не понимаю, куда смотрело ФБР и, вообще, как все это Термен мог сочетать: и концерты, и многомиллионный бизнес, и разведку, причем — судя по всему — оставаясь советским гражданином и не скрывая этого. Все свои фирмы и студии Термен создавал, как он постоянно подчеркивал, “по согласованию с советским правительством”. В 30-ые годы наши власти были озабочены проблемами дипломатического признания СССР. Термен считал, что он способствовал своей деятельностью в Америке столь необходимому повышению престижа нашей страны. С гордостью Лев Сергеевич вспоминал, как перед концертом в “Метрополитен-Опера” он настоял, чтобы в афишах рядом с его фамилией был указан город Ленинград (а не Москва — в этом случае его могли принять за тривиального эмигранта). Термен выступает в концерте, организованном в нашем представительстве при торжественной встрече Валерия Чкалова и других участников знаменитого трансарктического перелета из СССР в США. Более того, он не боится исполнить программу из песен советских композиторов во время предвыборного митинга местной коммунистической партии. Что-то не очень укладывается все это в прерогативы шпиона. Или уж настолько тонкая игра была, что просто — не нашего ума дело. Ну и ладно...

Главное, что и в личной своей жизни американский миллионер Термен оставался, вынужден был оставаться законопослушным советским гражданином. Лев Сергеевич приехал в Америку с женой — “Катюшей звали, тоже дворянка была” — кажется, сестрой своего преемника по работам в Физтехе с “дальновидением” Константинова А.П. (именно он, кстати,

1) Капунов М., Черников М. Война и мир Льва Термена. - Московские новости, 1988, 6 марта.

официально считается “пионером” советского телевидения, потому что, в отличие от терменовского электромеханического прибора, приемная трубка “иконоскоп”, разработанная им в 1930 году, была уже чисто электронная, как у нынешних телевизоров).

— Жена у меня работала в медицинском учреждении, под Нью-Йорком. И мы порою не виделись по несколько дней. И вот однажды приходит ко мне один молодой человек и говорит, что он и моя жена будто бы любят друг друга. Я мог бы его просто побить, но через газеты выяснилось, что затевается какая-то неприятная провокация. Оказалось, что он американский фашист, белогвардеец, и я, посоветовавшись с нашим посольством, оформил

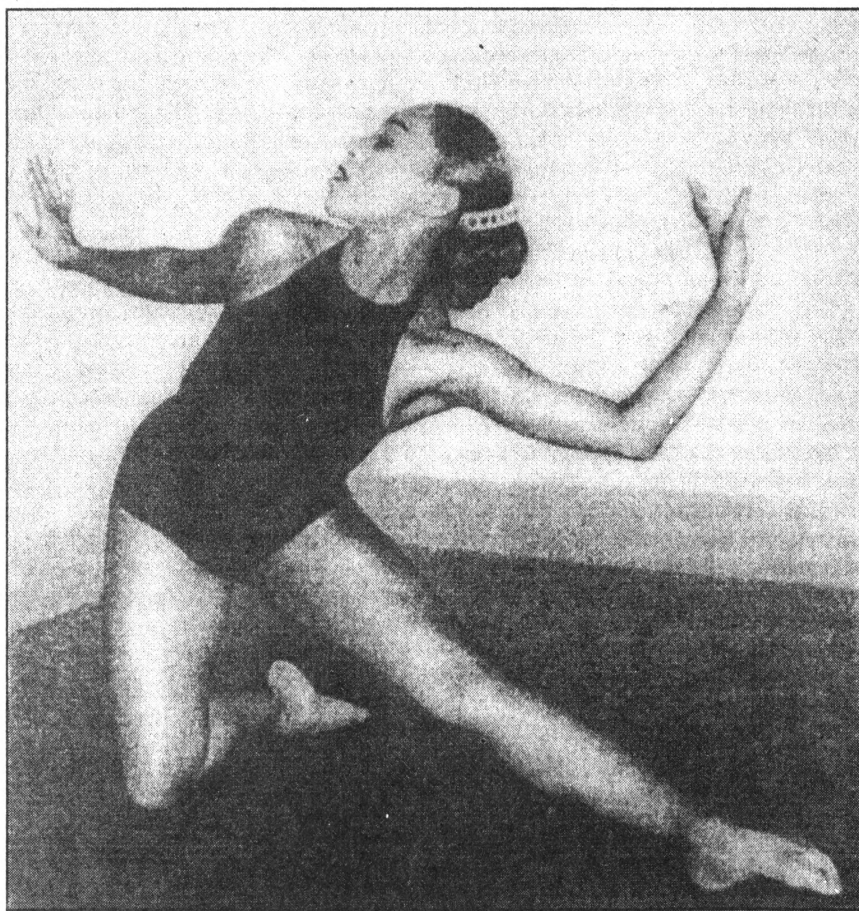

Рис.18. Лавиния Вильямс — вторая жена Л.С.Термена (1938г.)

официальный развод. А через несколько лет я женился на очень молодой и очень красивой негритянской танцовщице Лавинии Пул-Вильямс из своей студии. Зарегистрировал свой брак в посольстве, получил брачное свидетельство за №1 (рис.18).

Но их совместная счастливая жизнь продолжалась недолго, всего несколько месяцев. В 1938 году, даже не успев закрыть свои дела, закупив кое-какое нужное для родины оборудование, миллионер Термен неожиданно и незаметно, “по-английски” исчезает из Америки, уплывает, — устроившись на должность помощника капитана оказавшего в нью-йоркском порту советского парохода “Старый большевик”... Осталась за бортом “Старого большевика” Америка с ее сверкающими огнями и белозубыми улыбками, а в Америке осталась юная жена. Ее он так больше и не увидит, сохранив до конца своей жизни “свидетельство №1”. Останется студия, вся радиомызыкальная техника. Мне Термен рассказывал, что на этот неожиданный отъезд он решился, напросился именно сам, — чувствовал, мол, война приближается, нужно быть на родине. Родственники Льва Сергеевича уверены, что его просто вынудили вернуться, угрожая расправиться с родителями. А сейчас в зарубежной прессе пишут, что великого изобретателя “выкрали из Америки агенты КГБ”¹. Так или иначе, в конце 1938 года “Старый большевик” прибыл в ленинградский порт. И Термен, уже привыкший к шумным встречам, был удивлен и подавлен отсутствием на пирсе восторженной толпы и журналистов. Пустые причалы, пустые лица людей, боящихся узнавать друг друга. Пока он “триумфовал” в Америке, родина его погрузилась в мрак сталинского средневековья². Отсюда, с этого пирса начался его путь на Колыму: “круг первый”, “круг последний”, не разберешь начала и конца, — по известному маршруту, за которым и закрепилось нынешнее название: “крутой”³...

“ИСКУССТВО БУДУЩЕГО” В СТРАНЕ БУДУЩЕГО

К этому “крутому маршруту” вела его неумолимая судьба. В нашей стране такой исход для новатора искусства в те времена был неизбежен. Не он первый, не он — последний. Лемурам “разведчики будущего” были ни к чему, им нравились парадные портреты, и чтоб похоже было..

Электронная музыка, телевидение, светомузыка, экзотическая хореография “терпситона”, “телеосязание” — все, чем занимался Л.С.Термен как художник, отягощенный знаниями инженера (а инженер он был отменный, в отличие от

- 1) *Schober I. Elektronische Heulboje. - Sud-Deutsche Zeitung, 1994, 30 juni.*
- 2) *Когда я прислал Л.Термену на сверку первую статью о нем, с фразой о “сталинских репрессиях”, жертвой которых он стал при возвращении, Лев Сергеевич попросил убрать ее: Сталин, мол, ни при чем. “Он очень уважал и ценил ученых, - и уже с обычной своей детской улыбкой, - да и вообще при Сталине ученым хорошо платили ...”*
- 3) *“Крутой маршрут” - название книги воспоминаний бывшей казанской партийной активистки Е.Гинзбург, матери известного писателя В.Аксенова. Стало нарицательным выражением для обозначения судьбы репрессированных при Сталине.*

Фауста Гете) — относится к “искусству будущего”. Или, как принято говорить, — к “Gesamtkunstwerk”¹. Еще в середине прошлого века прогнозировал его композитор Рихард Вагнер, который, кстати, по молодости лет тоже связывал революционные преобразования в искусстве с пребыванием на баррикадах из обломков мебели². Наиболее яростно и последовательно проповедовал близкие к “Gesamtkunstwerk” идеи в России начала XX века его коллега Александр Скрябин — автор первого в мире светосимфонического произведения “Прометей”, мечтавший о существенном обновлении звукового материала в музыке, о всеобщем синтезе искусств и разнородных чувственных ощущений в некоей гигантской “Мистерии”. Творчество Скрябина стало символом “Gesamtkunstwerk” на новом, нынешнем этапе. В его футурологических прогнозах угадывается предчувствие электронной музыки, световой архитектуры, театрализованных представлений “Звук и Свет”, “пространственной” музыки... Он умер сравнительно молодым, в 1915 году, незадолго до революции, и, как любой чуткий художник, он жил тогда и творил в ожидании грядущих потрясений и перемен. А если б не случайная гибель от заражения крови, если б он дожил до революции? Вероятнее всего, Скрябин оказался бы в конце концов за границей — как И.Стравинский, С.Рахманинов, С.Прокофьев, Н.Черепнин. Оказался же там близкий Скрябину по духу музыкальных новаций А.Лурье, пытавшийся заигрывать с новой властью, как Мейерхольд, но только потому выживший, что испугался вовремя и убежал. За границу уехали и композиторы И.Вышнеградский, Н.Обухов, непризнанные, поздно признанные русские гении, сохранившие в своем творчестве преклонение перед скрябинской идеей “Мистерии” до конца своей зарубежной жизни³. А кто стал первым в Америке композитором электронной музыки — ну, конечно же, наш соотечественник В.Усаачевский, тоже уехал вовремя... Все это — уже после Скрябина, его уже не было. А если бы он был, жил в это время? Что было бы, если остался? Не станем гадать. Обратимся к реальности, к фактам.

Проходит несколько лет после знаменитой революционной световой премьеры его “Прометей” в Большом театре, и Скрябин надолго зачисляется в мракобесы, в мистики — вместе с другим его современником, великим литовцем М.-К. Чюрленисом, пионером необычной “музыкальной живописи”. Дело дошло до того, что, анализируя дневники, письма, наивные любительские стихи Скрябина, наиболее ретивые, дотошные музыковеды, коллеги усматривают в его мировоззрении... элементы фашизма⁴. Выручает от полного забвения, наверно, лишь то, что В.И.Ленин в свое время, с подачи народного комиссара просвещения А.В.Луначарского, упоминал имя Скрябина среди тех, кто удостоился чести быть увековеченным в декретированном им плане советской монументальной пропаганды.

1) Дословно - “совокупное произведение искусства” (нем).

2) Концепцию “искусства будущего” Вагнер изложил в одноименном труде. В советское время издано в кн.: **Вагнер Р.** Избранные работы. -М.: Искусство, 1978, с.142 - 261.

3) Из минувших времен. Посвящается И.А.Вышнеградскому. - Музыкальная Академия. 1992, №2, с.135 - 159.

4) **Альшванг А.Н.** Философские мотивы в творчестве Скрябина. - Советская музыка. 1935, №7 - 8, 1936, №1.

В иные, черные списки формалистов попали сразу А.Лентулов, В.Татлин — они продолжают жить и работать в СССР, но о “Gesamtkunstwerk”, об “искусстве будущего” уже и мечтать не приходится: натюрморты, пейзажи, с робкими попытками освоения достоинств социалистического реализма... Эмигрирует Л.Сабанеев, биограф Скрябина, автор многих работ о светомызыке, пытавшийся изучать и развивать скрябинские идеи в послереволюционном Питере, в Москве. Такова же судьба великого нашего художника В.Кандинского.

Реализовать на практике свои светомызыкальные замыслы ему удается лишь в Германии, в художественной коммуне “Баухауз”. В 1928 году Кандинский осуществляет музыкально-живописную постановку “Картинок с выставки” М.Мусоргского в г.Дессау, но продолжить подобные эксперименты и здесь ему не удается. В 1933 году “Баухауз” разгромлен. И в Германии тоже наступает мода на парадную живопись, тоже торжествуют лозунги: “Искусство должно быть национальным по форме и национал-социалистическим по содержанию!”. Следующая эмиграция, следующий побег — во Францию... Недавно в ФРГ была выпущена видеокассета с современной реконструкцией “Картинок с выставки” двух русских гениев, Мусоргского и Кандинского. У нас эта синтетическая “сценическая композиция” так до сих пор и не исполнена...

В стране, где торжествует электрификация, где строится “новый мир”, где грохочут Магнитка, ДнепрогЭС, нет места и таким тихим певцам “Gesamtkunstwerk”, как К.Бальмонт. Златокудрый поэт был влюблен в световосную музыку своего друга Скрябина:

Он чувствовал симфониями света
Он слиться звал в один плавучий храм —
Прикосновенья, звуки, фимиам
И шествия, где танцы как примета.

В революционном 17-м Бальмонт пишет и издает книгу “Светозвук в природе и световая симфония Скрябина”. Ее переиздают повторно в 1922-м, при коммунистах... Но, не дожидаясь этого, он уже в 1920-м неотвратимо оказывается вне родины, во Франции. Там же вскоре оказывается и художник В.Баранов-Россине, изобретатель светомызыкального инструмента “оптофон”. Его эксперименты потихоньку удушают. Его покровителя — Мейерхольда постоянно преследуют и затем зверски убивают в 1940-м, а сам Баранов-Россине погибает во время фашистской оккупации Франции в 1942 году. Сейчас его “оптофон” находится как реликвия “Gesamtkunstwerk” в парижском Центре искусств им.Ж.Помпиду.

По зарубежным коллекциям разбросаны подготовительные листы “Цветовых ритмов” — первая попытка создать абстрактный (светомызыкальный!) мультипликационный фильм, предпринятый еще до Первой мировой войны П.Сурважем, уроженцем Москвы. Гением музыкальной мультипликации еще при жизни был признан французский — увы, французский, но с русской фамилией, — художник и режиссер М.Алексеев (кстати, родился в Казани). Да, об этом мало кто знал и мало знает в мире, о

вкладе наших — русских, российских, советских — соотечественников в развитие идей “Gesamtkunstwerk”.

Многие уехали, были вынуждены уехать за границу. Этот исход продолжался, кстати, и в наши дни, на наших глазах. В 70-е годы страна, тихо и незаметно, распрощалась с Эрнстом Неизвестным, который всю жизнь мечтал и мечтает создать свой светокинетический памятник — “Древо жизни”, гигантскую ленту Мебиуса, облепленную барельефами, всю пронизанную лучами и звуками. Конечно, и “там” ее реализовать не удалось — слишком уж “Gesamtkunstwerk”, и по нынешним временам. В начале 80-х уехал за рубеж художник-кинетист Лев Нусберг, руководитель группы “Движение”, с мечтами приручить для целей искусства лазеры, плазму, с наивными планами создать “Всемирный институт кинетизма”. Тоже — до сих пор что-то ничего не слышно. Уехали А.Шнитке, С.Губайдулина — лидеры нашего музыкального авангарда — начинавшие заниматься электронной музыкой в музее А.Н.Скрябина. Мечутся и сегодня меж родиной и за границей, в поисках лучшей доли для творчества композиторы электронной музыки Эдуард Артемьев, Алексей Рыбников, Андрей Родионов. Иных сегодняшние обстоятельства заставляют, увы, стать беженцами. Ереван — Москва — Мадрид — Мюнхен: я не успеваю отследить маршруты автора идей “светомузыкального сольфеджио” Л.Григорьяна из многострадальной Армении... Но сегодня это уже, так сказать, обычные, общие планетарные хлопоты. Тогда, в 20-ые годы, это была неожиданная, непонятная беда, наша беда, — уход, чтобы остаться живым.

Многие из тех, кто не уехал, просто сгнули, затерялись на далеких окраинах нашей огромной родины, на “великих стройках коммунизма”, куда их направляли по “крутым маршрутам” под коновоем! Лет 25 назад я и мои товарищи проводили анкетный опрос всех членов творческих союзов СССР — художников, музыкантов, писателей, кинематографистов — об их отношении к скрябинским идеям, к “цветному слуху”. Приходили неожиданные ответы из Сибири, Хакассии, Средней Азии. Корреспонденты вспоминали о своих давних опытах, об экспериментах, которые проводились в Ленинграде М.Матюшиным, Г.Гидони, о художниках из группы “Амаравелла”, последователях великого Чюрлениса. Поначалу я поразился, — как они оказались там, так далеко, в Хакассии...

Кому-то повезло, выжили в ссылке. Но не все. И не всех, наверно, мы знаем, до сих пор. Был репрессирован и погиб автор кинетического, светозвукового памятника “Интернационал” латыш Г.Клудис. Оказывается, — узнал об этом из писем родственников и из архивов, — этим же кончил и ленинградский художник Г.Гидони, певец электричества. Тоже удивительная судьба, — как у Термена. Среди его предков — пионер итальянской авиации, в честь которого в свое время был назван авиационный учебный центр под Римом — “Гидония”... После того, как в 1925 году Г.Гидони создал макет своего Светового памятника Революции, после показа его на заседании ВЦИК, где присутствовали Киров, Сталин, знакомый нам “папа Иоффе” пригласил Г.Гидони у себя в институте (случилось это уже во время американского путешествия Термена, — жаль, что не успел я расспросить Льва Сергеевича,

были они знакомы с ним до этого или нет...). Построить этот огромный памятник на Марсовом поле Ленинграда не удалось, но через несколько лет Гидони был приглашен участвовать в проектировании печально известного Дворца Советов в Москве (на месте разрушенного Храма Христа-Спасителя). Планировалось в этом дворце создать зал на 15 тысяч зрителей со светомузыкальным оборудованием. Но не стоило в те времена подыматься столь высоко, приближаться столь близко к огню, нельзя было вообще попадаться на глаза лемурам. Арест, тюрьма, и через много лет — справка о посмертной реабилитации, с трудом выхлопотанная сыном. Сохранился в наших архивах проект того, дворцового зала светомузыки, заверченный его коллегами. Сам Дворец Советов так и не построили — заменили на время бассейном “Москва”... Осталось от Гидони несколько книг и макет Светового памятника Революции, реконструированный в Казани по пожелтевшим архивным фотографиям (авторский макет пропал под бомбежкой во время блокады). Жив его сын, — эмигрировавший уже в наши дни в США, успевший принять до этого участие в нашей конференции “Свет и музыка”¹.

Чем же не угодили “родной” советской власти эти восторженные, наивные певцы новой жизни, эти революционеры от искусства? За какие такие грехи лишили их не только возможности творить, но и жизни?.. Лишь одного уж очень “виноватого” нашел я в поминальном списке советских пионеров “искусства будущего”. В 30-е годы в Твери жил и трудился руководитель колористической лаборатории знаменитой текстильной фабрики “Пролетарка” П.П.Кондрацкий, писал интересные книги о теории цвета, о цветодинамике, сделал световой инструмент, о нем писали советские газеты. После войны его не стало, исчез. Мой московский коллега и приятель журналист В.Орлов долго искал “концы” и выяснил: Кондрацкого репрессировали за коллаборационизм. Когда Тверь находилась под немцами, он, оказывается, делал мыло в своей лаборатории и продавал на базаре, чтоб выжить. Приговор расстрельный — сотрудничество с оккупантами. Других, виноватее — не оказалось? Тех, кто допустил немцев за несколько недель войны до ворот “Пролетарки”...

Вальпургиева ночь из гетевского “Фауста” — лишь добрая сказка по сравнению с тем, что творилось тогда. Варфоломеевская ночь — лишь репетиция... Все смешалось, все перевернулось, еретики стали иезуитами, под лозунгами социальной справедливости свирепствовала инквизиция. И никак не могу понять до конца, — как все-таки это случилось? Как могло быть? Дело в том, по-моему, что в нашей великой, но отдельно взятой великой стране — как расплата за несвоевременный рывок во времени — к власти пришли лемуры, которым даже Мефистофель не указ, слишком интеллигентен. И имя им, лемурам — легион. Как ни заклинал сначала В.И.Ленин уважать все знания, “которые выработало человечество”, — старая культура, бывший уклад и быт были уничтожены. Образовался вакуум. И вырвалась, выплеснулась наружу темная, нечистая сила, — как при кессонной болезни. Чужая душа, как известно, — потемки. Их душа, если есть она, душа, у

1) Гидони А.Г. Идея светомузыки в творчестве и экспериментах Г.И.Гидони - В кн.: Материалы всесоюзной школы молодых ученых по проблеме “Свет и музыка”. - Казань: КАИ, 1975.

лемуров, — тьма. Одним словом, нелюди. И людям понять их, наверно, просто не дано.

Люди делали свое дело, несмотря ни на что, продвигались вперед и идеи “Gesamtkunstwerk” — и у нас, и в других странах, где хватало своей, быть может, более привычной и ухоженной нечисти, своих упырей. В течение многих лет я переписывался с известным английским светомузыкантом Ф.Бентамом. Он прислал мне свою книгу, где высказывалось сожаление о подчиненности нового искусства на Западе низким коммерческим целям, не в пример социалистическим странам, где возможно создание такого уникального аудиовизуального театра, как “Латерна магика”. Недавно я встречался в Праге с режиссером “Латерна магика” Йозефом Свободой. Он признался, что, невзирая ни на что, сам он остается социалистом по убеждениям. В этом с ним я солидарен. Но добавлю, большую часть из своих 600 постановок ему удается осуществлять все же на Западе... Человечество еще долго будет читать “Фауста” и “Коммунистический манифест”. И там, и там — много о призраках.

СОВСЕМ “КРУТОЙ МАРШРУТ”: ОТ КОЛЫМЫ ДО СТАЛИНСКОЙ ПРЕМИИ

— Пробыл на свободе я полгода. В Ленинграде у нас была пятикомнатная квартира: на Николаевской улице, д.50, кв.4, телефон 227-10...

Я слушаю старую магнитную запись, вновь поражаюсь памяти Льва Сергеевича. Но некого уже переспросить — почему не разрешили ему посетить свой дом? И что-то о шведском пароходе, которым порывался было уплыть тут же из Ленинграда. Но крепко связан, повязан. Судьбой? Родителями — в заложниках?

И что же? Наш мотылек сам летит на огонь. Впрочем, — куда деваться? Термен отправляется в Москву, надо же отчитаться за командировку.

Да и жить нужно на что-то. Устраивается в гостинице “Днепр” у Киевского вокзала (нынешняя “Украина”?), ищет работу, перебивается случайными переводами с английского, пытается устроиться на какую-то студию звукозаписи. В ведомстве разведки знакомых уже нет — Берзиня-Петерса репрессировали, а затем уничтожили свои же, как положено у лемуров. Пробрисл, по старой памяти, к Ворошилову: “Он как-то одряхлел, постарел, ушел от разговора...”

Но Лев Сергеевич добился-таки своего. Через пару недель после встречи с Ворошиловым, в марте 1939 года его арестовывают, отвозят в Бутырскую тюрьму и фотографируют “на память” (рис.19).

— Поначалу я был даже вроде не заключенный, хотя куда не выпускали. Сказали: будете жить здесь. Библиотека очень хорошая, много иностранных книг. Сидел вместе с политическими, они спорили все время. Им не нравилось, что я молчу, мешали читать. Затем мне выделили отдельную комнату, чтобы

Рис.19. Тюремные фотопортреты Л.С.Термена (1939г.)

я написал отчет. Целый месяц после этого допрашивали: 45 минут вопросы, 15 минут — перерыв. Стоя, с утра до вечера. Пришел новый следователь, и опять целый месяц — то же самое. Проверяли... Нет, меня не били, я же говорил правду. В конце концов привезли в какое-то помещение, в зал, — тут Лев Сергеевич опять улыбается, шутит, стало быть, хотя в голосе снова обида, — думал, объявят о награждении орденом. А вместо этого — приговор.

Цитирую официальную справку:

— “Л.С.Термен, 1896 года рождения, был осужден 15.8.1939 года Особым Совецанием при НКВД СССР по ст.58-4 УК РСФСР к заключению в ИТЛ сроком на 8 лет”.

— Лев Сергеевич, а что, конкретно, Вам инкриминировали?

— Кажется, участие в убийстве Кирова. Но ведь меня тогда даже в стране не было. Правда, вспомнил, что я кому-то лекарство из Америки в Ленинград прислал. Может, за это?..

Несколько лет назад зарубежный рецензент моей статьи о Термене в Америке на полгода задержал ее публикацию — все допытывался, за что же конкретно Термена поместили в исправительно-трудовой лагерь (ИТЛ), в чем он все-таки провинился, зря же не сажают. Никак он не мог понять, не угомонился, пока я не послал телеграмму: “Обычай у нас в то время был такой!”¹.

1) Статью опубликовали, см.: *Galeyev B. L.S.Termen: Faustus of the Twentieth century. - Leonardo, v.24, 1991, N5.*

— Ехали мы долго, наверно, месяц, по 9-10 человек в купе, политические опять спорили, ругались. Приехали в Магадан, в лагерь. Меня привлекали к работе по бытовой радиотехнике. Заборов поначалу не было, иногда даже за грибами ходили. Общался больше с уголовниками, с ними было проще. Политические и здесь продолжали выяснять отношения. Тяжело было на дорожном строительстве, камни заставляли грузить и возить.

Да, это просто, — выступать с лозунгами о мелиорации всей страны, как Фауст у Гете... Наш герой, друг Эйнштейна и Чаплина, погиб бы в колымских каменоломнях, если и здесь не выручила бы его изобретательская смекалка. Придумал что-то вроде деревянного монорельса для своей тачки, стал выполнять по несколько норм, за что получал дополнительные “пайки” (“две я съедал сам, остальное отдавал соседям”). А тут еще мода пошла на Колыме — гулаговские начальники начали друг перед другом хвастаться художественной самодеятельностью и воспитательной работой. Узнав, что Термен имеет отношение к искусству, поручили ему “организовать музыку”. Он и это задание выполнил блестяще. Собрал симфонический оркестр, благо под рукой находился почти полный состав Московской и Ленинградской филармоний.

Слушаю Льва Сергеевича и не понимаю — разыгрывает он меня или на самом деле ему и здесь было “интересно”? Или просто всерьез вспоминать — не хочет? Поэтому — с улыбкою своею детской — лишь о смешных моментах или о нечаянных радостях:

— Исполняли мы “Болеро” Равеля. Начальники других лагерей умирали от зависти. Но все испортили уголовники, затмили нас своим коронным номером под названием “чорт”. Дело в том, что туалетов в лагерях не было, одна общая канава, прямо под открытым небом. Зимой над ней пар стоял. И вот в каком-то лагере закончили мы свое “Болеро”, выходим. А тут из барака выпрыгивает на мороз голый человек, бух — прямо в канаву, и, грязный как черт, лезет оттуда обниматься с начальством, с охраной. Хохот, аплодисменты. “Болеро” было посрамлено...

На самом деле — очень смешно. Интересно, как оценил бы американский рецензент моей статьи или сам Морис Равель этот концерт?.. Хотя что американцы и французы, я сам до сих пор не понимаю, — все предохранители в голове перегорают, — с какой стати, с какой целью надо было держать столько первоклассных специалистов в каменоломнях. Даже по лемуrowsкой психологии это вроде бы абсурд. Приближалась война. Когда приперло, дошло и до них, лемуrows, дошло до Мефистофеля.

— Пробыл я на Колыме недолго, чуть меньше года. Пришло в лагерь какое-то письмо, и меня повезли в Москву. А один уголовник, которому я отдавал свою лишнюю пайку, подарил мне свою шубу, иначе бы я замерз в пути.

В Москве оказался на знаменитой авиационной “шарашке” на Яузе¹, где под тюремной охраной реализовали свои мечты ведущие авиаконструкторы А.Туполев, В.Мясищев, В.Петляков. С ними же Термен продолжал заниматься

1) По словарю советских нововведений в русский язык “шарашка” - это сведенное за колючую проволоку множество талантливых людей, должных продвигать науку в тюремном режиме.

военной техникой в Омске, в эвакуации. Кстати, у него в бригаде работал вызволенный с его помощью из тюрьмы будущий конструктор космических кораблей Сергей Королев: “Он был у меня лаборантом, делал разные деревянные детали”. Льву Сергеевичу поручили конструировать аппаратуру радиуправления для беспилотных самолетов, а также радиомаяки, радиобуи для контроля за передвижением военной техники.

Скрипач Сигети, написавший свои воспоминания уже после войны и не знавший, что Термен жив, не ведавший, чем он занимался после их разлуки, с ужасом задумывается после своего описания “терменвокса”: “А не могло ли использоваться подобное бесконтактное управление и на войне, в минном деле?” Но после успокаивает себя: может быть, наоборот, такая техника помогала обнаруживать мины... Так или иначе, Сигети попал в точку, — все, что ни придумали бы гениальные инженеры для целей созидания, военные могут приспособить под себя, для разрушения. Диалектика!

В Омске Лев Сергеевич жил в одном доме с семьей Берия, жену его знал, Зину, а его сын, говорят, любил прибегать к Термену, — уж больно хороши были придуманные им технические игрушки.

Еще более занимательные “технические игрушки” пришлось придумывать Термену, когда его перевели в закрытый институт НКВД где-то под Ленинградом. Задачи, которые решались дружным коллективом этой сверхсекретной “шарашки”, близки, судя по всему, к тем, что описывает Солженицын в “Круге первом”: шифрование, дешифровка, спецсвязь.

— Лев Сергеевич, а Вы не пересекались в те времена с человеком по фамилии Солженицын?

— Нет, не помню такого.

Выходит, не один был такой институт. Хотя сюжеты и нравственные коллизии, связанные с “научной деятельностью” этих шарашечных НИИ, были весьма схожи. Чем только не пришлось заниматься изобретателю терменвокса в те годы, работая без свободы, но с охраной! Кто только не посягал на его талант! Термен, по-видимому, и выжил тогда лишь потому, что был нужен сильным мира сего, мира лемуров.

Термен разработывает уникальную систему подслушивания — на расстоянии. У него все на расстоянии, все — бесконтактное. И рука в терменвоксе, и “терпситон”, и “дальновидение”, и охранная сигнализация, и , наконец, подслушивание.

И тут я должен был бы снова перейти на лирический курсив и воспеть оду подслушивающим устройствам. Но моя книга не об этом. Очень коротко. Я, как всегда, услышав очередное воспоминание Льва Сергеевича, на этот раз о бесконтактных, дальновидных, дальнослышных “клопах”¹, бросился знакомиться с литературой об этой разновидности радиоэлектронной фауны. Чтобы узнать и, извините, проверить пионерство Термена уже в этой области.

И я понял тогда, прозрел после этого — уединения на земном шаре нет, не может быть! И я запел в экстазе: “Как прозрачен этот мир!”

1) “Клоп” - в международном жаргоне второй половины XX века означает малогабаритное и столь же малоприятное, как клоп, подслушивающее устройство, устанавливаемое во всех странах где угодно, но обязательно без согласования с абонентом.

Спасибо, Лев Сергеевич, за то, что, пусть и нечаянно, приобщили меня к этой литературе, оказалось, — очень полезная. Всем ясно, что могут, если надо, подслушивать каждого во время любого разговора по телефону. Это норма, “не телефонный разговор”. Или даже, когда трубка лежит на телефоне, — могут. Но, признайтесь, кому в голову может придти, что “клопом” может служить звонок в телефонном аппарате?! Или обычная радиотрансляционная точка в квартире... Ода радости “Обнимитесь, миллионы” крепнет, когда узнаешь, что “клопа” могут посадить даже в сетевую розетку, от которой он и питается, болезный, ненасытный и любознательный. А уж что творится, оказывается, в гостиницах, — там не только клопы, там тараканы водятся. И все с усами-антеннами!

Шутки шутками, но, как предупреждает печатный орган гуманитарной организации ЮНЕСКО (подразделение ООН), основным и самым дешевым инструментом, обеспечивающим прозрачность информационной конфиденциальности, является тривиальный радиопередатчик, изобретенный Поповым и Маркони, только в миниатюрном исполнении. Ваш ближайший друг, выполняя настоятельную просьбу службы сыска, помещает его незаметно от вас в вашем доме в любой щели, а под окнами, — радиус действия “клопа” небольшой, — дежурит, когда надо, легковая машина с антенной. Скромно и со вкусом¹.

Но со всем этим можно бороться. Средств для выявления и уничтожения клопов и тараканов изобретено бесчисленное множество².

Ну а то, что придумал Лев Сергеевич, напомним, 50 лет назад, — простым дихлофосом не возьмешь. Потому, что — просто и гениально!

Когда люди разговаривают в комнате, воздух от этих разговоров шевелится и заставляет шевелиться, дрожать, совсем незаметно, стекла в этой комнате. Издалека, из другого дома, может быть, за полкилометра, на эти стекла направлен луч света (невидимый, в инфракрасном диапазоне, чтоб не заметили). Этот свет отражается от стекла и, возвращаясь, попадает на устройство, которым пользовались когда-то для подтверждения теории относительности (называется интерферометр), а затем на фотоэлемент. Короче, стекло от разговора мелко-мелко, очень мелко, на уровне длины электромагнитной волны, дребезжит. И в итоге, за полкилометра от этого стекла, в другой, заинтересованной комнате, “дрезбжит” громкоговоритель. Бесконтактный, очень элегантный сеанс односторонней связи! Суметь сжать свет в узкий пучок, сделать его невидимым, изловить жалкие остатки при отражении, — это вам не “клопа” засадить в сетевую розетку!

Сейчас даже дети знают по чужеземным видеофильмам, что такие изощренные дела с подслушиванием легко можно творить с помощью лазеров. Но тогда-то, в 1945-46 году, лазеров не было! Ну и что — не было. Термену сказали — надо! И он сумел. “Ни более и ни менее”. Разработанная им система называлась “Буран” и использовалась в рамках ненавязчивого советского сервиса для бесконтактного, дистанционного, т.е. очень вежливого, незаметного

1) *Права человека и угроза частной жизни. - Курьер ЮНЕСКО, 1973, июль.*

2) *Daskam S. W. Detection of clandestine eavesdropping devices. - Proceedings of "First international electronic crime countermeasures conference", Edinburgh, 1973.*

“обслуживания” посольств наших бывших союзников. Французского, американского... Кончилась Вторая мировая. Началась Третья, холодная война... И пока она продолжалась, пока не завершилась полным нашим поражением, последователи Термена по этой новой для него специальности с гордостью несли его эстафету. Чего стоит, например, многолетняя истерика американцев, никак не могущих обнаружить даже следов от “клопов” при очевидном их наличии в новом здании своего посольства в Москве. Оказалось, передающим устройством является сама арматура здания! Гениальные все-таки у нас инженеры, пусть Н.Бердяев и расстроился бы снова за Россию...

Я долго не решался задать Термену вопрос, боясь обидеть. И в первый раз увидел, как мгновенно слетело с его лица вечное выражение добродушия и детской безмятежности.

— Лев Сергеевич, а Вы не задумывались, что “Буран” мог быть использован не только против потенциальных противников, иностранцев, но и своих, причем безвинных? Например, против меня...

— Ну это уж пусть они отвечают, те, кто пользовался моей техникой! Да и что мы можем сказать ненужного?.. Меня беспокоило другое — как от шумов в усилителе избавиться...

Но дело-то в том, что совести не было и нет у любой службы сыска. Не положено, ведь это не Собес¹. Хотя у наших Мефистофелей отсутствие совести было особым, принципиальным, классовым, передовым, научно обоснованным, т.е. не отягощенным никакими буржуазными предрассудками.

Лаврентий Берия, тогдашний руководитель советского сыска, по совместительству любовно пестовал в те годы и секретную оборонную науку. И, как мы видим, все происходило в нашей стране по рецептам гетевского “Фауста”:

*Цивилизация велит идти вперед;
Теперь прогресс с собой и черта двинул.*

Поэтому он, Берия, вероятно, души не чаял в этом отчаянно талантливом советском Фаусте с детскими глазами и — была тогда в НКВД такая добрая традиция — представил изобретателя “Бурана” к Сталинской премии.

Из воспоминаний советского академика Ландау (кстати, тоже успел отсидеть в тюрьме): “Когда в 1947 году НКВД внесло Термена в списки на представление к лауреатству, посчитав, что он достоин быть награжденным Сталинской премией 2-й степени, Сталин, самолично утверждавший эти списки, против фамилии “Термен” перечеркнул цифру 2 и написал 1 (Сталинская премия — сто тысяч рублей в старом масштабе цен)”².

“Ни более и ни менее”! Но, главное, это означало еще — свобода, легальное жильё и прописка в любом месте³. Благо и срок приговора кончался.

1) На советском жаргоне “Собес” - это “социальное обеспечение”, превращенное из законной формы компенсации былых заслуг в унижительные приютские подачки.

2) Цит.ст.в газ. “Московские новости”, 1988, 6 марта

3) Прописка - социальный институт регистрации и, одновременно, ограничения свободы пребывания любого гражданина на территории СССР.

Сталинская премия, квартира в престижном доме КГБ. Термен доволен, Берия доволен, Сталин доволен. Только любопытная деталь: бедный Джугашвили не знал, что его друг Лаврентий использовал впоследствии терменовскую технику для подслушивания самого Сталина. Чем больше узнаешь про те времена, про их вершителей, тем больше удивляешься еще раз: ну и гадюшник же был, прости господи, сплошное царство лемуров!..

Ну а что ж с нашим Фаустом? Приобретший свободу, помыкавший на воле, где ни радиолампы нужной не найти, ни четкого задания полезного не получить, он стал тяготиться свободой в пользу “осознанной необходимости” и, наконец,... вновь оказался перед дверью мефистофелева ведомства: “Пустите, пожалуйста, обратно!” Ах, Лев Сергеевич, ну что же Вы так? Или, может быть, там, за забором Вы чувствовали себя в большей безопасности, чем на свободе?..

— А где Вы пребывали, если не секрет, после освобождения, после того, как вернулись к ним, уже вольнонаемным? Как назывались организации, где Вы работали до окончательного “выхода в свет”?

— Названий не помню. У меня есть где-то несколько почетных грамот, там написано. Какие-то “почтовые ящики”...

“ИМПЕРИЯ ЗЛА”, ПОЛЮБИШЬ И КОЗЛА, ИЛИ ОДА ВПК

Помнится, в вечерних кулуарах на какой-то из первых всесоюзных конференций “Свет и музыка”, на которой присутствовал и Термен, — это было лет 15-20 назад, я выступил с потешным импровизированным докладом: “Роль военно-промышленного комплекса (ВПК) в развитии авангардных форм искусства в СССР”. Доклад начинался так: “Влияние НТР сказывается не только на БТР, но и на тех формах искусства, которые используют новейшие технологии...” Слушатели тихонько посмеивались в кулачок. Но призадумались, — ведь на самом деле, почти все, кто занимался тогда кинетическим искусством, электронной музыкой, видео-артом, светомузыкой, лазерными, компьютерной графикой, световой архитектурой, голографией, хоть каким-то боком, но были связаны с “почтовыми ящиками”, пусть и не такими суровыми, как у Льва Сергеевича Термена.

Молодежи, наверно, уже неизвестно, поэтому хочу напомнить, что на командно-административном жаргоне, на советском новоязе за словом “почтовый ящик” скрывались закрытые предприятия ВПК. На самом заводе — нет никакой вывески, а в деловой переписке указывается: п/я № такой-то. Как в армии: в/ч (воинская часть) №12345. Это чтоб никто не догадался, чтобы шпионов запутать.

1) Ст.: **Лиханов Д.** Механик Лев Термен: Я подслушивал Кремль. Советская Татария, 1991, 1 июня (перепечатка из газ. “Совершенно секретно”).

Говорят, маршалы Клим Ворошилов и Семен Буденный лично выпестовали художественную студию кавалерийской живописи им.М.Б.Грекова, Сталин покровительствовал важнейшему из искусств — кино, вся партийная верхушка всегда была без ума от балета (особенно от кордебалета). Но все это — типичные дворцовые штучки, общие для эпохи Борджиа и для эпохи Брежнева.

С нашим “светяще-звучащим” авангардом было иначе. Один зарубежный эстетик как-то сказал: “Наряду с тяжелой и легкой индустрией существует и сверхлегкая — это та, что используется кино, телевидением, электронной музыкой и другими новыми искусствами”. Сверхлегкая, конечно, это верно, но для всех наших экспериментов она не очень-то уж простая: электроника, оптика, лазеры, компьютеры. А мечтали мы еще и об использовании плазмы, о поющих искусственных солнцах, об управляемом северном сиянии!.. А где еще можно было достать для всего этого нужную технику, как не в “почтовом ящике”?

Связь разных форм “Gesamtkunstwerk” с потенциалом ВПК была в те годы, конечно, невероятная, — доходило до абсурда. Так, в брежневские времена¹ буквально как эпидемия распространилась во многих городах страны мода на так называемые “поющие фонтаны” — символ всеобщего благополучия и глубокого удовлетворения. На самом деле, красивое зрелище — высоченные струи светятся, танцуют под музыку, управляемые электроникой и гидравликой. Сейчас, после того как руководители нашей государственной безопасности разделись догола и раздали американцам все свои секретники, могут раскрыть одну “страшную тайну”: по используемой в этих фонтанах аппаратуре ЦРУ легко могло раскрыть тогда военно-промышленный ассортимент любого советского города. Дело в том, что серийной аппаратуры для таких фонтанов у нас не было и нет, а отцы города ориентировались обычно на любые подручные средства. Приезжаешь в “фонтанный” город и видишь наметанным взглядом: ага, световые фары от танка Т-72, гидравлическая система от ракеты СС-20, а кольцевой магнитофон — из “черного ящика” истребителя МИГ-25. Слава Богу, цэрушники не догадывались тогда, быть бы большой беде...

Смех смехом, но уже ясно, наверно, почему приходилось всем нам влезать в “допуска”, в справки секретности, обрекая себя на “исключение контактов с иностранными гражданами”. То есть — ни письма не написать “туда”, ни тем более — поехать. Так и скапливались безответные приглашения на разные там Биенале и Квадриеннале. Но, как один нынешний остролов заметил: “Империя зла”, полюбишь и козла”².

Ради дела, ради “искусства космического века” приходилось мириться.

Тем более, все эти наши электронно-компьютерные инструменты довольно дорогие, а кто у нас в стране в те времена был богаче? КПСС и прикнявший к ним ВПК. Партии и правительству хватало Вучетича и Налбадяна. Вот и приходилось нам притуливаться к ВПК. И не следует

1) Брежнев А.И. — один из лидеров КПСС и ВПК в СССР в 1970 - 80гг., при котором в стране царил викторианская эпоха “застоя” и вселенская скука.

2) “Империя зла” — термин, введенный современником Брежнева, президентом США Р.Рейганом для обоснования планомерной программы развала СССР, завершённой успешно в 1991 году.

думать, что мы просто дурили им головы с седым ежиком. Ведь в изящных искусствах понимаем толк не только штатские. А военные — это те же люди, только в форме и ходят строем. Сколько там людей было с неустребованным художественным талантом — одному Богу известно. На наших конференциях, например, был “открыт” В. Черноволенко, бывший руководитель крупного оборонного предприятия ВПК в Москве. К концу жизни, уже на пенсии, вдруг поразил всех живописными картинами — фантастическими, как у Чюрлениса.

Если без всяких шуток, если продолжать всерьез, ВПК концентрировал тогда интеллектуальную элиту страны, и она, эта элита, по мере своих возможностей, старалась поддерживать любые художественные новации, вероятно, мучаясь неосознанным желанием вернуть свой долг обездоленной “гражданке”. Впрочем, это относится ко всем “физикам”, не только из “оборонки” (хотя кто с ней тогда не был связан?). В то время, как сами официальные “лирики”, то бишь штатные искусствоведы, если и обращали внимание на авангард, то в основном лишь как на повод заработать себе на хлеб в жанре разнузданной критики.

Так или иначе, первая официальная лаборатория светомузыки, руководимая инженером Константином Леонтьевым, была создана в конце 50-х гг. в закрытом Институте автоматики и телемеханики АН СССР. Пионер “кибернетической музыки” Рудольф Зарипов, кстати, наш земляк, уроженец Казани, тоже не избежал работы на “почтовом ящике”... Первые художественные голограммы были сделаны в стенах Государственного оптического института в Ленинграде, — попробовали бы вы попасть туда без справки секретности! Там же, напомним, наперекор институтским планам, начались первые в СССР эксперименты с лазерно-компьютерной мультипликацией. Накрепко были связаны с п/я и разработчики электромузыкальных инструментов. Да и недавний еще, первый советский призовой компьютерный фильм на международном фестивале “Ars electronica” новосибирской студии “Альбатрос” тоже сделан не в домашних условиях, а на мощном компьютере, обслуживающем авиационные тренажеры. Многая лета “физикам” из ВПК!..

Вспомним, наконец, сколько непризнанных художников “авангарда” пригрел в свое время академик П.Л.Капица, предоставляя им возможность выставиться в своем институте. Московские кинетисты из группы “Движение” тоже вынесли впервые свои работы из подвалов на большую выставку не где-нибудь, а в институте им.И.В.Курчатова. Выставлялся там, кстати, и казанский живописец А.Аникеенков, так и не нашедший тогда официального признания на родине. Помогали секретные “физики” и своими заказами. Так, скульптор Эрнст Неизвестный украшал своими барельефами интерьеры и здания разных “почтовых ящиков” в Москве, в Зеленограде, рискуя остаться на самом деле неизвестным для широкой аудитории, если бы с боем не прорывался на открытые выставки МОСХа. Сколько закрытых экспозиций Минрадиопрома, Миноборонпрома и других “минпромов” пришлось оформлять и художникам-кинетистам из Москвы, Ленинграда, Риги! Но достаточно было им выйти на свет, как на них сразу же обрушивались бульдозеры и гвалт вельможного искусствознания. А где у нас были тогда главные искусствоведы? В ЦК и в ЧК. Странная, парадоксальная, конечно, ситуация. До сих пор не могу понять: что ли им делать было нечего?

Не все выдерживали. Наиболее отчаянные и отчаявшиеся уезжали за границу. Большинство — осталось, пока или насовсем, кто знает. Остался парадоксальный Вячеслав Колейчук, создавший в свое время немало изящных кинетических конструкций космического назначения, остался со своим “Мебиусом”, невольным прототипом “Древа жизни” Э.Неизвестного. Остался и продолжает удивлять своими удивительными “артефактами” Франциско Инфанте. Остался талантливый светохудожник Сергей Зорин, сменивший в своих поисках надежной “крыши” не один “почтовый ящик” на пути от Полтавы до Москвы, в каждом из которых создавал залы светомузыки и уходил на свободу, пока не осел окончательно в Международном Центре Рерихов. Никуда не уехал, живет и здравствует коллега Термена по консерватории и МГУ композитор электронной музыки Станислав Крейчи, зарабатывавший в свое время тем, что участвовал в каких-то невразумительных и подозрительных экспериментах по синтезированию речи дельфинов (с помощью электромузыкального синтезатора из музея А.Н. Скрябина).

Сохранилось с тех давних лет и наше СКБ “Прометей”. Нам повезло, что с самого начала работали в Казанском авиационном институте. А это, надо заметить, тоже — не кулинарный техникум. Занимались мы, казалось бы, самым мирным делом, более того, эфемернейшим, изящнейшим из искусств — светомузыкой. Но по каким только п/я и в/ч не бросала нас судьба за прошедшие 30 лет — в поисках оборудования и заказчиков¹. Разрабатывали мы им светозвуковую аппаратуру для комнат психологической разгрузки, для снятия стрессов у операторов — вполне мирная и красивая продукция, изначалью готовая к конверсии. Вспоминаю свои московские командировки тех лет. Утром — в очередной п/я, вечером — в библиотеку, а на ночь — в подвалы к друзьям, формалистам-абстракционистам. Мозги набекрень! В течение одного дня: вежливые прапорщики у парадных подъездов, книги в тяжелых переплетах, джинсовая плесень, лохматая, гениальная. И так — много лет...

Интереснее всего, конечно, была работа с космическими фирмами. Началась она с личной “подачи” С.П.Королева. Прочитав “Туманность Андромеды” И.Ефремова, он загорелся мечтой оснастить светомузыкальной аппаратурой межпланетные корабли. Да и мы сами считали и считаем светомузыку подлинным “искусством космического века”. Чего только мы им не напридумывали... Несколько аудиовизуальных индикаторов состояния корабля и самого оператора. Аппаратура для красочного заполнения экрана Центра управления полетами в периоды выхода космических кораблей из зоны радиовидимости. Пробовали — очень красиво. Кроме того, придя к теоретическому выводу, что в любой музыке скрыто опосредованное восприятие гравитации, мы предложили создавать специальные светомузыкальные программы для адаптации к невесомости². С кем только ни приходилось встречаться — с генерал-лейтенантом Г.Т.Береговым, с главным конструктором

1) Об их названиях и их дислокации по привычке умолчу - знаю о недавнем, пусть и запоздалом. Указе Президента России о сохранении государственной тайны!

2) Галеев Б. Музыкальные программы для адаптации к невесомости. - В кн.: XV научные Гагаринские чтения по авиации и космонавтике /Секция “Проблемы авиакосмической медицины и психологии”. - М.: АН СССР, 1985.

космических кораблей В.Н.Челомеем... Подбирались уже к лунной, марсианской программе. Было, да сплыло... Пишут сейчас в газетах, что в цехе, где делали беспилотные “Бураны”, советские аналоги “Шаттлов”, налажено производство кроватей. Больше, по-видимому, негде. А идею о восприятии гравитации в музыке пришлось отдать в американский журнал¹. Может, в NASA испытывают, пока наши кроватями занимаются...

Вспоминаю, и вновь поражаюсь, — где ж еще и вслед за нами начинали в 60-70-ые годы заниматься светомузыкой? Московский авиационный институт, Ленинградский институт авиационного приборостроения, политехнические институты в Свердловске, Фрунзе, Владимире. Более 25 лет с прекрасными концертами выступал бывший инженер Юрий Правдюк со своей студией “музыкальной светоживописи”, которую приютил и выручал постоянно Харьковский политехнический. Может возникнуть вопрос: неужели не было ни одной светомузыкальной организации в СССР, которая имела бы нормальную “крышу”? Да, была одна, в подчинении Министерства культуры, — Студия электронной музыки в Москве. Создал ее в здании Музея А.Н.Скрябина Евгений Мурзин, бывший — обратите внимание! — инженер-полковник ВВС. Еще до войны он изобрел великолепный электронно-оптический музыкальный синтезатор “АНС”, в 60-е годы достроил его на своем п/я и подарил музею. Затем студией руководил другой яркий представитель ВПК, бывший инженер-подполковник ВВС Марк Малков, достроил зал светомузыки. Он подтрунивал над нами, — вот у него, мол, настоящая официальная студия, а вы все — вузовская самодеятельность. А я его не уставал предупреждать — не кончится все это добром, уходите под любую другую “крышу”, под любой “Минтяжмаш”, под любой п/я, только не под культуру, задушат. Так и случилось — не помогли его студии ни наши коллективные письма, ни ходатайства Шостаковича, Шнитке... Оставалось лишь руками развести, сочувствуя Малкову: на любого чудака не отыщешь ВПК.

Конечно, за всеми этими шуточками-прибауточками — и постоянная горечь от неестественности социального заказа, изолированность от зарубежных коллег, боль за сломанные судьбы. Более того, надо было постоянно следить за дистанцией в этих контактах с нашим невольным меценатом — ВПК. Помню, как вздрогнул и замер в ожидании запаха серы, когда приехали к нам с заказом из Военной академии им.Ф.Э.Дзержинского². Пришел в себя, увидев на погонах артиллерийские знаки. Оборудовали им тогда, и неплохо, своей светозвуковой аппаратурой класс интенсивного обучения...

Как бы то ни было, спасибо вам, товарищи из ВПК, выручали нас в те тяготные годы застоя. Мы делали на хорошем уровне все, что вы просили. А кроме того и на наши собственные эксперименты оставалось — и времени, и средств. И не так уж, кстати, мы много истратили. Я как-то подсчитал — за все эти годы мы и наши коллеги в других городах СССР “растрясали” ВПК на... стоимость одного танка. Так что нет повода мучиться совестью. По крайней

1) Galeyev B. Synaesthesia and musical space. - Leonardo, v.26, 1993,N1.

2) Ф.Э.Дзержинский - первый руководитель советских органов безопасности, по легенде - кристально чистый рыцарь революции. Не все с этим соглашались, и его палатник убрали в 1991 году с площади им.Ф.Э.Дзержинского, ставшей просто Лубянской (см.рис.2).

мере, не без невольной помощи ВПК мы смогли лет 15 назад создать у себя в Казани, в Молодежном центре в подарок городу и миру уникальный зал светомузыки, — там и звук двигался в пространстве, и слайд-фильмы показывались, и абстрактное кино, и видео, и лазеры с компьютерами. Десять всесоюзных конференций, семинаров, фестивалей “Свет и музыка”. Иностранцы приезжали, ахали: “Какая глушь, а как шьют... Вот они — преимущества социализма!”

Страшнее чумы и Мамая, равнодушнее, чем ЦК, и беспощаднее, чем ЧК оказался для нового искусства нынешний свободный рынок, где эпитет “свободный” — синоним “разбоя”. Настоящее искусство, тем более “Gesamtkunstwerk”, — вещь нерентабельная. Нынешние розовощекие бизнесмены, перекрасившиеся лемурички-лемурыта из комсомола разгромили вдребезги нашу студию в Казанском Молодежном центре, — там неоднократно выступал и Лев Сергеевич. И не мы одни оказались жертвами “нового мышления”. Превращен в видеосалон единственный в стране лазерный театр в Ужгороде. Разгромлена городская студия “музыкальной светоживописи” в Харькове. Впрочем, конечно же, со временем все образуется. Жили — и работали неплохо, — при красных, выживем и при белых. Сегодня — еще совсем не конец света, еще не вечер. Вспомним, как лихо развернулся в стране Желтого дьявола альбигоец Термен, — была бы голова на плечах. Как верно писалось на стенах одной пивнушки: “Дети застоя, ждите отстоя”... Поживем — увидим.

Жаль, что Лев Сергеевич не успел побывать в нашем новом зале светомузыки. Мы его восстановили недавно в стенах родного института — теперь технического университета. Сегодня работаем на культуру напрямую. Ну а в том, что все мы были связаны как-то с ВПК, ничего особенного нет... И в США — я смотрел каталоги их фирм — немало светомузыкальных представлений проводилось с помощью аппаратуры, разработанной для космических, военных целей на предприятиях “ихнего” ВПК. Время такое... Согласился бы со мной, наверно, и мой американский коллега Роджер Малина, редактор “Leonardo”, единственного в мире журнала, посвященного нынешним формам “Gesamtkunstwerk”. Он сам работал и продолжает сотрудничать с NASA. Главное, — в чьих руках и в каких целях она используется, современная техника. Техника космического века.

“ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ”: СВОБОДА КАК “ОСОЗНАННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ”

Итак, многие думали, что Термен погиб. А он, оказывается, был жив и активно работал. Но я так и не понял, и не знаю до сих пор, где еще, кроме п/я, и чем все-таки Лев Сергеевич занимался до возвращения к людям, до полного

самостоятельного выхода на свободу, — ведь это почти 20 лет! Он молча, тактично уходил от ответов, я не настаивал, конечно. Не хочет — не надо.

1978 год. Вопрос: “Лев Сергеевич, а Вы Берия видели?” Ответ: “Конечно, интеллигентнейший был человек...”

1988 год. Вопрос: “Вы встречались с Берией?” Ответ: “Наверное. Не помню...”

Может быть, на самом деле, ничего интересного не было. Но жизнь от этого проще не стала.

— Все хорошо было: и работа, и детали есть любые для работы, даже американские. Относились ко мне хорошо, хотя я не подлизывался и не давал взяток. Плохо, семьи не было. Наконец, разрешили жениться. Но поставили условие — невеста должна быть только из своих, там, где работал. Выбрал самую молодую, и у нее, хорошо, брат имел отношение к музыке, на гармошке играл.

И опять не поймешь, шутит — не шутит. Так или иначе, вскоре родились очаровательные близнецы, девочки-двойняшки, Наташа и Елена. Но суровости секретной жизни сохранились. Родственники вспоминают: где-то в конце 40-х шел однажды по Манежной площади в Москве двоюродный брат Термена¹, и вдруг, навстречу — Лев Сергеевич, живой, в сопровождении “серых пиджаков”, сам в цивильной, приличной одежде. Для всех родственников он давно сгинул, исчез, даже родители так и умерли, не зная ничего о его судьбе. Пересеклись, коротко обменялись взглядами и разошлись. Через пару дней у дома брата остановилась машина. Оказывается, Лев Сергеевич, зная и уважая строгие нравы службы, трезво обдумав обстановку, доложил по соответствующей инстанции. Дома обмерли — все, конец! Приехали “серые пиджаки” вместе с самим Львом Сергеевичом. Поговорили, договорились, убедили: ни слова о встрече на улице, никто ничего не видел.

Но это, по-видимому, всего лишь штришок в общей картине тогдашней жизни Льва Сергеевича. Не все нам велено и должно, нужно знать, да и незачем. Единственное, что я понял, реабилитировали его давным-давно, а контакты с Мефистофелем тянулись аж до 1967 года, хотя “в миру” он легализовался раньше, с 1964-го.

— Я помогал переводить техническую литературу, письма. Где? На площади Дзержинского, точнее, рядом в переулке. Дали мне, наконец, лабораторию, это было существенно. Я долго ею занимался, внизу, под площадью, думал — начну изучать интересные вещи. И вдруг мне задание сменили, — почему-то тогда в КГБ (уже Андропов, кстати, был), захотели изучать всякую чепуху: телепатию, экстрасенсов, инопланетян, НЛО. Предложили мне разобраться со всем этим. Они в КГБ почему-то боялись всех этих НЛО. Я понял, что пора уходить. Несерьезно, неинтересно²...

Он помнил всегда о музыке. И даже “за забором”, пусть, правда, уже будучи вольнонаемным, ему все-таки удалось как-то похвалиться своим знаменитым, именованным изобретением, “терменвоксом”, — на концерте в клубе

1) Известный советский антрополог М.Ф.Нестурх

2) Будь я журналистом, можно было бы построить такую концепцию: Термен сам был инопланетянином или их потомком, и именно поэтому не захотел участвовать в разоблачении их присутствия на Земле. Чем не новый сюжет?

КГБ. Да, времена менялись, изменились существенно. Вырос его авторитет, подкрепленный ростом доверия. Поднялся культурный уровень КГБ. Но есть предел — и он ушел.

Понятно, куда — вернулся. В царство музыки, в консерваторию, в лабораторию музыкальной акустики (где мы и встретились с ним в первый раз). Но после какого-то робкого неосторожного интервью американцу, где самым секретным сведением была, по-видимому, информация о том, что он жив-здоров, его, точнее его аппаратуру выкинули на двор Московской консерватории. Мой приятель давний, композитор Станислав Крейчи вспоминает: иду в лабораторию, а около мусорного ящика лежит “терпситон”, разбитый вдребезги, топором изрубленный, для надежности...

— Пришлось уйти из консерватории. Там был завхоз, по фамилии Николаев, он мне сказал, что электричеством в их организации заниматься запрещено. Мне не понравилось еще, что не разрешали много работать. К тому же домашние надоедали, — раз ты первый изобретатель телевизора, сделай такой, большой и непокупной для себя, для дома. А мне это было уже неинтересно, мне хотелось реализовать многие свои новые изобретения. В КГБ было лучше, — если попрошу остаться работать до ночи, поставят охранника с ружьем на дежурство и, пожалуйста, хоть до утра.

Да, выходит, буржуазные ученые пришли к неточному выводу, считая, что подневольный труд имеет меньший к.п.д., чем на свободе. Как всегда, советская действительность опровергала их науку. Или, может, свобода у нас в стране была такая, что лучше — в неволе?..

А если судить шире, планетарно, по-человечески, — наверно права девочка, которая принесла однажды, во времена нашей юности, в литературное объединение свое небольшое белое стихотворение. Точно его не помню, но суть отнюдь не детская:

В магазине давали свободу.

Очередь, давка.

Тем, кому повезло, — досталось.

*А остальным пришлось довольствоваться
“осознанной необходимостью”.*

Нашим героем управляла всю жизнь осознанная необходимость — творить, выдумывать, пробовать. В этом смысле он был свободен и в неволе. А официальная свобода для него оказалась — “пуще неволи”.

— Пришел в университет, на кафедру акустики. Никого не знаю, никто никому не помогает. Захожу, — а начальник кафедры говорит вдруг: “Здравствуйте, Лев Сергеевич!”. Оказывается, это бывший мой ученик-стажер по питерским, царскосельским временам, — Ржевкин Сергей Николаевич¹. Мне с ним было очень интересно, хорошо. Я занимался регистрацией электрического излучения человеческого тела — это не телепатия, это научно! Сделал многоголосный вариант “терменвокса”. Для переключения голосов использовал радиопередатчики, размещенные между пальцами. А в другом

1) Известный специалист в области акустики. Со студенческих лет помню его великолепную книгу: *Ржевкин С.Н. Слух и речь в свете современных физических исследований.* - М - Л., 1936.

**Рис.20. Л.С.Термен на III Всесоюзной конференции
"Свет и музыка" (Казань, 1975г.)**

**Рис.21. Всесоюзная школа "Свет и музыка" (Казань, 1979г.).
Слева направо — Л.Термен, С.Зорин, В.Колейчук, И.Ванечкина**

варианте эти голоса, тембры переключались ... взглядом, движением глаза, фотозлемент следил за зрачком. Думал о том, как управлять терменвоксом с помощью биотоков, движением мысли. Но основная работа — не музыка. Биоакустикой занимался, управлением на расстоянии, руководил дипломными работами студентов, читал лекции по обществу “Знание”.

Да, широта интересов — как во времена американской командировки. А условия? Лев Сергеевич был рад закутку, который ему выделили за шкафом. Я помню свою обескураженность, когда спросил в первый его приезд в Казань, в 1975 году, на нашу конференцию, — как, мол, его представлять: профессор, лауреат Сталинской премии? Он ответил, что не надо: Сталинская премия закрытая, секретная, а профессором он был только в прошлом, в Америке. Сейчас он — “механик высокой квалификации 6-го разряда”. Объяснил, что уже давно, по возрасту вышел на пенсию, а по советским законам продолжать работать любому пенсионеру разрешалось лишь на пролетарских должностях. Предложил мне представить его просто: изобретатель и музыкант Термен (рис.20)...

А настрой, настроение у изобретателя и музыканта были отнюдь не пенсионерские. Он готовился вновь развернуть свой поиск, наверстать потерянное в ведомстве Мефистофеля время. Он хотел, другие — ничего не хотели.

— Ректор университета Рэм Хохлов (он любил путешествовать по горам, альпинист, Вы знаете) — обещал создать мне специальную музыкальную лабораторию. Но он упал с горы и умер. На кафедре тоже стал новый начальник — Красильников¹. Меня перевели на акустику моря. Я изучал шумы автомобилей, ерунду всякую. Но я хотел приносить пользу...

Вначале я принимал этот постоянный рефрен “польза”, “полезный” просто за фаустовское преклонение перед Делом. Сейчас думается еще — Лев Сергеевич не хотел быть в тягость тем, кто его “приютил”, отрабатывая свою неистребимую любовь к жизни и к своему делу максимальной отдачей на данном конкретном месте. Ведь для всех своих нынешних коллег, да и для близких, наверно, он уже становился постепенно чужим, отдаленным, — человеком из прошлого века...

Мне кажется, ему доставляло особое удовольствие бывать у нас в Казани, ведь здесь собирались со всей страны те, кому были дороги идеи революционного искусства, идеи “Gesamtkunstwerk”. Невзирая на возраст, и стар и млад. В 1979 году Лев Сергеевич приехал к нам во второй раз, на следующую Всесоюзную школу молодых ученых и специалистов “Свет и музыка”. Сам привез с собою свою технику, сделал доклад, дал несколько концертов в Молодежном центре, в нашем институте, выступил по телевидению (рис.21).

Вскоре, в 1981 году я оказался в Москве по делам с приятелями из Казанской киностудии. Так сказать, с ответным визитом. Уговорил их снять Льва Сергеевича. Встретились на улице, он сокрушенно посетовал: на работу не пускают, сделали субботу выходным днем, воскресенье — тем более. Дома, на Ленинском проспекте, — тоже нет условий для работы, тесновато, семья

1) Также известный акустик. У него тоже есть книга: *Красильников В.А. Звуковые волны в воздухе, воде и твердых телах.* - М. -Л., 1951.

растет. Решили снять интервью с ним на пленэре, поехали за город. Пока ехали, показал Лев Сергеевич нам тетрадь:

— В субботу-воскресенье деваться некуда, работать негде, хожу в кино. Тепло, уютно. Здесь у меня список просмотренных фильмов, более четырех тысяч названий. Записываю, что уже видел, — не люблю два раза смотреть одно и то же. Вот и сегодня после съемок подвезите меня, пожалуйста, к какому-нибудь кинотеатру.

Даже автомобиль наш, кажется, вздрогнул, чуть не остановился, — невозможно такое, это же сколько часов, сколько дней он провел, наслаждаясь “важнейшим из искусств”? Это же почище, чем два постоянных стакана водки на Пятом авеню Нью-Йорка. За что же ему еще такая пытка на старости лет?

— На кафедре наукой занимаются мало, все больше о заработках, званиях, о заказах думают. Нет никаких результатов, а в КГБ — были. Я не привык так. И тогда я решил сделать полезные предложения правительству, чтобы был заказ: устройство защиты для розыска средств микроволны. Я давно уже понял, что 2-3 нехороших человека могут по частям собрать в каком-нибудь подвале атомную бомбу и угрожать взрывом города. Я придумал такой прибор, который помогал бы “увидеть” даже в толпе любого человека, который несет отдельные части этой бомбы. Но мне даже не ответили из секретной части университета. А еще я снова хотел предложить свою идею “микроскопии времени”, чтобы люди долго жили. По этому поводу ко мне и раньше приходили из КГБ, но я не стал тогда открывать своего секрета. Ведь там (Лев Сергеевич показывает пальцем вверх) одни старики, а “микроскопия времени”, если она попадет им в руки, — вещь посерьезней атомной бомбы.

Поначалу меня позабавило, рассмешило: “старики из Политбюро” — мальчишки по сравнению с ним. Уже позже, через несколько лет я расспросил-таки подробнее, — что же это такое, “микроскопия времени”? И мне самому стало жутковато. Уже не Фаустом дохнуло от всего этого, а Вагнером — тем, который у Гете выращивал в колбе какого-то нетопыря-”гомункулюса”.

Мне самому не все понятно в объяснениях Термена. Быть может, не все было сказано. Хотите верить, хотите — нет. Я — не верю, что это возможно. Тем более, рассказ самого Льва Сергеевича, как всегда, — в сопровождении улыбок, и опять трудно отличить, что в шутку, что всерьез:

— Красные кровяные тельца — это такие “существа” (их видно только под микроскопом), которые бывают разных пород, и они меняются в связи с возрастом человека. Обнаружено несколько сроков и периодов их смен. И в эти моменты новые “существа” воюют со старыми, отсюда возникает старение. Нужно уметь вовремя отбирать эти “существа” из донорской крови. А ее нужно много! Поэтому как их отлавливать, в каком возрасте — и сказать-то никому пока нельзя!.

Слава Богу, не сказал никому. И слава Богу — что все это, судя по всему, является фантастикой. А то, не приведи Господь, вдруг доноры оказались бы — из детского сада. Всех младенцев перебили бы, как царь Ирод, если бы это на самом деле было так. И “старики из Политбюро”, и “новые русские” сегодня,

да и на демократическом Западе мафия не упустила бы такой великопешной okazji на пути к наживе. Но Лев Сергеевич и это предусмотрел:

— Выход есть, я придумал особый инкубатор, чтобы выращивать нужные “существа” в нужном количестве, из одной капельки крови — не трогая никаких младенцев. Дело теперь за “микроскопией времени” — она поможет найти в этой капельке крови то, что нужно. Я знаю, как их отличать...

Как сейчас вспоминается, обо всем этом намеками он говорил нам, его молодым друзьям, с первых наших встреч, — мы только улыбались сочувственно советскому Фаусту, советскому Вагнеру. Он сокрушался об отсутствии нужной техники постоянно, — мы только руками разводили, где ее взять. Сегодня очевидно — в идею продления жизни и даже бессмертия он верил всерьез и неистово, и, быть может, в реализации ее видел свое высшее предназначение. А в последние годы своей жизни в отчаянии искал любую поддержку и напропалую делился своей *idée fixe* в любой аудитории. Тем более был рад побеседовать со специалистами. По их журналистским публикациям, — не знаю, что правда здесь, что нет, — выходило: Термен работал в русле передовой советской генетики, и после разгрома ее как лженауки разобрались и с ним. НКВД раскурочило всю его аппаратуру, а ЦК партии будто бы запретило его исследования специальным указом, ссылаясь на то, что при высокой продолжительности жизни людей прокормить их в нашей стране будет просто нечем¹. Жуть какая-то, даже если этого не было...

Тогда, в 1981 году мы нашли с киногруппой хорошее, тихое место в Химках, на лодочной станции, на берегу Москва-реки. Сняли на пленку, наконец, интервью. Лев Сергеевич в заключение похвалился новеньким (пятым по счету!) дипломом — об окончании университета марксизма-ленинизма². На недоуменные улыбки ответил:

— Я хотел в партию вступить еще до Америки. Сложные времена, Троцкие всякие. Не разрешили. В Америке — нельзя, в лагере — тем более. После освобождения мне еще долго не верили, что я идеологически выдержанный. Вот я и поступил в этот университет, закончил на “отлично”. Может быть, сейчас примут?..

Он возмущенно и долго рассказывал о каком-то “кавказском человеке”, партгоре МГУ “Танаканове-Тараканове”, который под разными предложениями отвергал многочисленные рекомендации и заявления Термена в партию. Киногруппа сворачивала аппаратуру, над Москва-рекой клубились какие-то странные багровые, высокие облака. Очарованный рассказами неизвестного ему знаменитого персонажа истории, под действием этого пейзажа и подаренного ему алкоголя, подошел к Льву Сергеевичу философствующий странник, охранник лодочной станции, и не без пафоса спросил, показывая на пламенеющее небо: “А вы смогли бы так, до конца, сгореть для людей, в этом огне?”

Я ни разу, никогда не видел нашего добродушного, ясноглазого Льва Сергеевича столь разгневанным, рассвирепевшим:

- 1) *Евдокимов Ю.* Человек, который знает, как оживить Ленина. -Инженерная газета, 1992, №37, март.
- 2) *Форма повышения идеологической подготовки, принятая, в основном, для периодического подтверждения интеллигенцией своей политической лояльности существующему строю в СССР.*

— Сгореть? В огне? Сам, если хочешь — сгори! Ведь мне еще так много надо сделать, с “микроскопией времени” разобраться. Надо же, придумать такое — сгореть...

Жаль, камера была уже отключена, — они шли, по аллее, два старых человека, два персонажа тогда еще ненаписанной книги “Советский Фауст”.

Последние, самые триумфальные концерты в Казани Лев Сергеевич дал в 1987 году, на Всесоюзном фестивале “Свет и музыка”. Это был подлинный праздник “Gesamtkunstwerk”! 500 человек из 70 городов СССР, в 10 залах и выставочных площадках города, с утра до поздней ночи. Мероприятия фестиваля посетили десятки тысяч казанцев. Спасибо партийным органам и, особенно, комсомолу — без их помощи не обошлись бы. Времена изменились, жаль, с опозданием... Залы были, как всегда, полны, когда выступали с терменвоксом сам Лев Сергеевич, либо его дочь Наташа (рис.22).

...Повествование наше приближается к завершению. Подходила к концу советская власть и, увы, как оказалось, и жизнь нашего героя, которая нам всем уже давно представлялась неподвластной времени. Как, впрочем, бессмертной, вечной, незыблемой казалась и советская власть, в которой он вырос и в которую врос, которая питала его и которую он питал, — своей мыслью, своими открытиями и изобретениями.

Да, он плоть от плоти — “советский Фауст”. Назвать его иначе, например, просто “русским Фаустом” — было бы неверно. И не потому, что он француз в корнях, пусть православными, российскими подданными и были ближайшие его предки. Дело не в этом. Анализируя послегегелевские попытки развивать тему Фауста в России (вспомним “Сцену из Фауста”, “Наброски к замыслу о Фаусте” Пушкина и повесть “Фауст” Тургенева), исследователи отмечали, что в русской интерпретации Фауста непроизвольно прорывался столь привычный для нашей литературы образ “лишнего”, иными словами, ненужного, общественно бесполезного человека¹.

А Льва Сергеевича никак нельзя сравнить с Онегиным или Печориним, его никак нельзя считать “лишним человеком”, — потому, что в нем постоянно нуждались, и он сам никогда ни в чем и никому не отказывал в своем постоянном стремлении приносить пользу. Возможно, в последние годы он мог чувствовать себя лишним и дома, и на службе, но это, к сожалению, общая участь большинства старых людей, — короче, это уже из сюжетов не Гете, а Достоевского...

А нам уже пора, наконец, разобраться, в какое же все-таки время жил и работал Термен. Да, поэт точно подметил: “Времена не выбирают, в них живут и умирают”. А Термен жил вместе со своей страной. Что же это за страна? Ответив на данный вопрос, мы, может быть, глубже сможем понять, в чем же отличие советского Фауста от “никому не нужного”, лишнего русского и, естественно, от исконно немецкого, гетевского Фауста.

1) См. об этом: *Мишнев Н.* Русский Фауст. - Варшава, 1906; *Старосельская Н.Д.* Русский Фауст. - Вопросы философии, 1983, №9.

Рис.22. Вновь среди единомышленников (Казань, всесоюзный фестиваль "Свет и музыка", 1987г.). Льва Сергеевича можно узнать по знаменитой шапке, которую одолжил ему на время съемок автор. Неподалеку от него, слева — Наташа Термен

КТО МЫ? ОТКУДА? ЗАЧЕМ? — РЕКВИЕМ НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

Итак, последнее, отнюдь не лирическое отступление, выделяемое курсивом: почему именно Россия, родина Термена, стала первым испытательным полигоном для экспериментальной проверки исторической закономерности, открытой Марксом? Вроде бы — не совсем подходящее место?..

Это мое личное мнение, мои личные выводы, — но, как мне кажется, дать верную оценку того, что же произошло с нашим отечеством, проповедовавшим лозунги "Свободы, Равенства, Братства" в обновленном, марксистском варианте и так бесславно отказавшимся от них, можно, если следовать именно самим Марксу-Энгельсу, с легкой руки которых "призрак коммунизма" пустился бродить по Европе.

На всякий случай хочу оговорить, что я, как и Термен, не разделяю того хихиканья в отношении наших "основоположников", который обуял нынче нашу интеллигенцию. Разоблачениям нет конца — читал недавно в

центральной демократической газете: мол, Маркса звали, между прочим, не Карл, а Мордухай, да и кроме всего, у него в бороде водились мухи.

Стыдно перед нашими цивилизованными европейскими соседями... Помню, несколько лет назад, когда я был в ФРГ, увидел название улицы “Энгельсштрассе”, в связи с чем задал местному, т.е. западному немцу удивленно вопрос: “Это что, наш Энгельс?!” Он вдруг оскорбился, обиделся: “Нет, это наш Энгельс!” Они там не выкидывают многотомные собрания сочинений своих земляков на свалку истории, а то и просто на свалку, вместе с “Историей КПСС”.

Я так и не могу вспомнить, — где же я читал об этом, в трудах ли самих Маркса-Энгельса, либо в чьих-то воспоминаниях, но со времен моей “марксистской”, пусть и беспартийной юности мне накрепко впечатался в память забавный случай, произошедший с патриархом коммунистического учения. После того, как были впервые обнаружены основные положения этого учения, к К.Марксу — будто бы — пришли то ли молодые прусские офицеры, то ли местные революционеры и сказали: “Карл Иванович! Нам очень понравилась ваша идея коммунизма. В наших силах, мы готовы осуществить переворот и, взяв власть, реализовать под вашим руководством в Пруссии коммунизм”. Карл Маркс захохотал и распрощался с юными радикалами: “В отдельно взятой, да притом еще в такой не шибко развитой стране, как Пруссия, любая революция, пусть и под коммунистическими лозунгами, приведет к тому, что в результате ее произойдет лишь перераспределение недостающих материальных ценностей” (за точность не ручаюсь — но смысл тот)¹.

Так или иначе, именно здесь кроется ответ на вопрос: почему в России не получилось. Но почему именно в России началось? Почему “призрак коммунизма”, предназначенный бродить по Европе, материализовался именно в России, наперекор и вопреки предупреждениям Маркса о бессмысленности революции в отдельно взятой, причем объективно не подготовленной к ней, а к тому же еще в общем-то азиатской стране?

Возможно, в исходных своих позициях я не совсем оригинален: что-то близкое аukaется с мыслями Л.Гумилева о вечных кочевниках, с последними рассуждениями А.Солженицына о трехсотлетних ошибках царского самодержавия (“Русский вопрос к концу XX века”). И в них нет никакого оценочного момента, ничего обидного в отношении России, — лишь констатация факта (на всякий случай, у меня жена — русская, да и родной язык — тоже...).

В истории любого этноса, народа, государства есть моменты, как бы сказать помягче, стремления преодолеть ощущение тесноты путем пространственного расширения, осуществляемого под разными намерениями, чаще всего благами (хотя бы для себя). Вспомните Древнюю Грецию, Рим, Оттоманскую империю, Александра Македонского и Чингизхана, Атиллу и Наполеона... Россия во второй половине второго тысячелетия — молодое, активное государство, и об этом можно судить по динамике ее границ на глобусе. Налицо буквальный

1) Хотел бы сделать сноску, восстановить источник, но написал как-то в Институт марксизма-ленинизма - ничего не знают, и знать не хотят.

взрыв: от небольшого пятна на географической карте в XV веке — до освоения большей части евразийского континента, с выплеском в Северную Америку, с вождельными взглядами на Босфор, Дарданеллы, на Ближний Восток, Африку — в конце XIX века. Крым, Средняя Азия, Кавказ, Манчжурия, Польша, Финляндия... Вспомните гениальные картины В. Сурикова: батальон конкистадора Ермака истребляет дивизию сибирских туземцев. А после удивляемся — куда они все делись? А чем занимается альпинист Суворов в Западной Европе? — из другой картины этого же художника... Но наступает момент насыщения. Точнее, просто сил уже не хватает. Ушли из Северной Америки, продали ни за грош Аляску. Хотя, простите за выражение, менталитет сохранился. Наступил XX век. И, “захлебнувшись” пространством, молодая Россия перебросила по инерции свою энергию на освоение исторического времени, воспользовавшись оказавшимся “под рукой” учением Маркса о неизбежности смены общественных формаций. Да, генералитет изменился, а менталитет остался тот же. Пафос ситуации зафиксирован, кстати, в послереволюционном фольклоре: “Мы покоряем пространство и время, мы молодые хозяева земли!”. И, затем, — в гербе Советского Союза, как подсознательном графическом олицетворении идеи мировой революции, завершающей это покорение в полном объеме (в центре герба — весь земной шар).

Итак, в итоге, — 1917 год! Термен — на велосипеде с номерным знаком 6260. Весь в движении, брызжущий талантом и умением, простившийся со своим дворянским прошлым. “Ни более и ни менее”...

В.И. Ленин, решившийся на отчаянный эксперимент со “слабым звеном”, по сути дела до конца жизни лелеял надежду, что именно мировая революция должна подтянуть, в знак благодарности первопроходцам истории, и саму Россию до соответствующего, по Марксу, уровня экономического развития и столь необходимой культуры. Увы, мечта оказалась химерой, планета не торопилась вслед, и Россия, естественно пришедшая к Февралю и насильно форсировавшая Октябрь, все равно была обречена строить капитализм, пусть и государственный, ибо от всех лозунгов социализма оказалось возможным реализовать лишь “обобществление собственности”, с отказом от романтических идеалов Свободы, Равенства и Братства. Причем, расстояние между Февралем и Октябрем в историческом смысле практически равно нулю, и две революции, буржуазная и социалистическая, реально слились в одну, так что все последующие годы Россия жила в противополоственной напряженной ситуации: строительство под благородными социалистическими лозунгами государственного капитализма с постоянным подавлением недовостребованных буржуазных отношений. Ситуация усугублялась тем, что Россия рвалась в будущее в одиночку. В результате — отказ от первоначальных наивных лозунгов: не будет, мол, армии, а вооруженный народ, милиция; вся власть Советам и т.д. И вместо этого — самая мощная армия в мире, а вместо власти Советов, власти народа — диктатура красновозмеченного “ордена меченосцев”, с которым Сталин любил сравнивать, не без гордости, реформированную им партию. История, как и природа, мстительна, — если нарушается естественный ход вещей. Насилие над историей, усугубляемое эйфорией правоты первооткрывателей, с необратимой и трагической неизбежностью

оборачивается насаждением повсеместного насилия: ошетилившееся отношение к остальному миру и, вместо мировой революции, перманентная гражданская война со своим обманутым и безоружным населением, обрекающая страну на самоистребление во имя сохранения великой идеи, а точнее — новой государственности любой ценой (ее неизбежные атрибуты, как уже всем очевидно: социальный расизм, примат идеологии над экономикой, милитаризация, торжество сыска, однопартийность с ее жесткой дисциплиной, тоталитарность командно-административной системы и т.д.).

В итоге — 1938 год! Ленинские лозунги трансформируются: “Один шаг вперед, два шага назад, — считается за побег!” Какая уж тут диалектика... Термен — на Колыме, работа в “шарашке”, служба в ОГПУ, НКВД, КГБ. “Ни более и ни менее”...

Опыт России и последующих “социалистических”, “коммунистических” революций, вплоть до кампучийской, убеждает в возможном наличии общей закономерности: все попытки форсирования истории, к сожалению, чреватые тем, что в своем насильственном стремлении в будущее эти “недозревшие до социализма” страны вынуждены откатываться назад, в свернутом виде повторяя эволюцию человечества: первобытный (военный) коммунизм, рабовладельчество (лагерный труд), феодально-крепостное право (колхозы и предприятия ВПК — при Сталине). А при продвижении к экономическому уровню капитализма — пусть в “государственном” варианте, — они не выдерживают конкуренции с естественно развивающимся капитализмом, ибо основные интересы парадоксально акцентируются не на самом производстве общественного продукта, а на его распределении (чем, кстати, и объясняется обязательное возникновение нового паразитирующего класса чиновничества, номенклатуры).

В итоге — 1967 год. Бывший американский миллионер, бывший ээк, секретный специалист, лауреат Сталинской премии Лев Сергеевич Термен работает в должности механика на нескольких квадратных метрах, огороженных шкафами, вымаливая радиодетали у кафедрального завхоза. “Ни более и ни менее”...

Искаженное общественное бытие определяет формирование соответствующего общественного сознания. В гносеологическом смысле ситуация схожа с “измененными формами сознания”, возникающими в опытах с сенсорной изоляцией (галлюцинации, деперсонализация, раздвоение личности и т.п.). Советское общество было изолировано “железным завесом” не только от остального мира, но, главное, от собственной истории, что и привело к формированию “измененных форм общественного сознания” (коллективные мифы, ложь в науке, искусстве, “культ личности”, двойная мораль и т.д.), неадекватно отражающих действительность.

В итоге, увы, — Лев Сергеевич до конца своей жизни сохраняет уважение, пиетет не только в отношении Ленина, но и Сталина, более того, язык не поворачивается, — Берия и других людоедов из органов так называемой “государственной безопасности”. “Ни более и ни менее”...

Экономический, политический и духовный кризис привел к тому, что “слиянная революция” не переросла в реальный социализм, и монстр рухнул под бременем невыполнимых обещаний и тяжелого вооружения. Причем,

потенциал не востребуемых буржуазных отношений был осознан прежде всего представителями самих “верхних эшелонов” партийной власти, пытавшимися вначале ограничиться перестройкой, конвергенцией, а затем, остолбенев от зарубежных супермаркетов, обвевшись на презентациях бананов и киви, яростно бросившимися насаждать сверху тот вариант первобытного капитализма, который был известен им из их же учебников истмата. И первоначальные разговоры обновленных коммунистов о возвращении к общечеловеческим ценностям завершаются повсеместным утверждением единственной ценности — денег, торжеством Желтого дьявола... Сегодня капитализм на Западе иной, он “полевел” и приблизился к реальному социализму, — чему, конечно, существенно способствовал и опыт русской революции, со всеми ее негативными и позитивными моментами. Таким образом, Россия ценой своего кровавого опыта все равно продвинула мир к социализму, — чтобы сегодня самой совсем отказаться от него?

“Ни более и ни менее”...

В итоге — конец 1990 года. Термен вновь подает заявление о приеме в Коммунистическую партию Советского Союза. С ума бы не сойти! Никто ничего не поймет, — если не прочитать хоть раз до конца “Фауста” Гете. И его сегодняшнего продолжения — “Советского Фауста”...

ПОСЛЕДНИЕ ВСТРЕЧИ: ПРАВДА О “СРЕДСТВЕ МАКРОПУЛОСА”

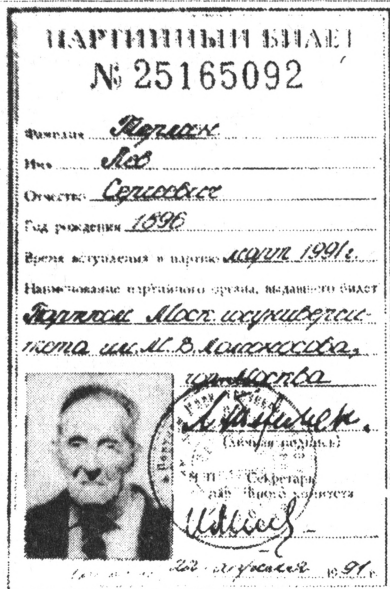
Весной 1991 года в Москве, на кафедре эстетики МГУ состоялась международная конференция “Современный “Лаокоон”: эстетические проблемы синестезии”. Я попросил организаторов разыскать и пригласить на нее Термена с докладом об электронной музыке. Не успел я даже как следует поздороваться с ним, Лев Сергеевич, весь радостный и довольный, перебил меня:

— Поздравьте! Меня, наконец, в партию приняли. Только что! А ведь тогда, в 81-м году меня тот Танаканов опять не пропустил, какой-то параграф в уставе нашел, что после восьмидесяти лет в партию уже совсем нельзя принимать. А оказалось — можно!

— Да, я слышал, Лев Сергеевич, читал в газетах, поздравляю. Но зачем все это Вам, особенно сейчас, когда даже Таракановы бегут оттуда?

— Как зачем? Пусть бегут. Я же Ленину обещал!

Ну, молодец, Лев Сергеевич, право слово. Конечно же, надо быть хозяином своего слова, пусть через 50, простите, 70 лет. Но и коммунисты, следует заметить, хороши, — дождались-таки момента. Если бы у них была своя партийная “Книга Гиннеса”, Термен мог бы попасть туда как самый молодой коммунист среди самых старых верных ленинцев. Наталья Михайловна Нестурх, родственница Льва Сергеевича, при беседе с ней об этом, улыбается:

УПЛАТА ЧЛЕНСКИХ ВЗНОСОВ 1991 ГОД			
Месяц	Месяц срабаван	Сумма кнопка	Подпись секретаря
Январь			
Февраль			
Март			
Апрель			
Май			
Июнь			
Июль			
Август			
Сентябрь			
Октябрь			
Ноябрь			
Декабрь			

Рис.23. Партийный билет молодого коммуниста Л.С.Термена (март 1991г.)

“А что еще можно было ждать от альбгойца, мы все, Термены, — социалисты с 13 века” (рис.23).

Лев Сергеевич и на этой конференции хорошо выступил. Я был ведущим на заседании и, зная о его нынешней *idee fixe*, предупредил осторожно: надо соблюдать регламент, и вообще здесь не стоит про “микроскопию времени”. Не та тематика, не та публика. Но он, поблескивая глазами, перехитрил меня, задав слушателям невинный вопрос: “Может быть, спросить чего-нибудь хотите, у меня еще много есть интересных вещей”. И на целый час развернул, впервые перед широкой аудиторией, свою концепцию поисков “средств Макропулоса”.¹ Слушатели были довольны, улыбались. Очень понравилась шутка Термена: “Прочитайте мою фамилию наоборот, и сразу все станет понятно”. Но регламент был нарушен, заседание — кувырком. Ах, Лев Сергеевич, не дайте Вы нам скучать...

Я-то уже знал, о чем он собирался говорить. У нас была до этого возможность подробно побеседовать о “микроскопии времени”, — когда он приезжал, как выясняется, в последний раз к нам в Казань, поздней осенью 1988 года. Наговорились мы с ним тогда о многом, вдосталь.

Звонят как-то мне домой, часов в пять утра, вахтеры из нашего института и говорят: “У нас тут дедушка сидит, который Ленина видел. К вам приехал, на конференцию, заберите его. Только одежду принесите — он по-летнему почему-то”... Прихожу, а “дедушка” Термен улыбается, глаза веселые, щеки

1) Фантастическое средство достижения вечной молодости (литер).

розовые, сидит со старушечками, чай пьет с сушечками. Ну, Лев Сергеевич, как это Вас угораздило! На улице снег, не тот поезд выбрал, да и конференция через неделю начинается. Перепутал сроки, лето с зимой, утро с вечером. “Нет, — говорит, — я просто по Казани очень соскучился”. Запакował я его в свое старое пальто, надел на него снова свою знаменитую шапку, несуразную по своим размерам и неуклюжести. Но чем его столько дней занять?..

Выручило то, что как раз перед этим прислали мне из США огромную кипу ксерокопий американской прессы 30-х годов со статьями о Термене. Я и вручил ее Льву Сергеевичу, — и он на всю неделю погрузился на “машине времени” в свое прошлое. Я с утра на работу, а Лев Сергеевич — в Карнеги-Холл, к Уилфреду, к Люси Розен, к Кларе Рокмор и, конечно же, к юной Лавинии. А вечерами, конечно, тихие беседы при ясной луне:

— Лев Сергеевич, а как сложилось с Лавинией?

— Когда я уезжал из Америки, мне обещали, что и ей сделают визу. Обманули. Я узнал позже, что она через некоторое время вышла замуж. Ее, уже не моя, дочь Сара, говорят, приезжала в Москву незадолго до моего освобождения с какой-то танцевальной группой. А я и не знал об этом.

После того, как умерла третья его, советская, послевоенная жена, Термен жил надеждой вновь встретиться с Лавинией. Он и меня часто спрашивал, советовался, шутя:

— Может быть, мне стоит выписать мою американскую танцовщицу, снова жениться, ведь она такая красивая, молодая?

— Лев Сергеевич, а Вы не подумали, сколько ей лет сейчас? Ведь столько времени прошло.

Получалось многовато для невесты. А в этот приезд он торжествующе вынимает фотокарточку:

— Смотрите, нашелся ее адрес. Прислала фотографию. Ну как, красивая?

Ах, Лев Сергеевич, за что же с Вами так обошлись упыри-лемуры. Время было такое? А кто его делает таким? Разорвали, разбили, развели — на десятки тысяч километров, на десятки лет от любимой. А Лев Сергеевич смахивает с лица мимолетную грусть, снова прикрывается старой своей шуткой:

— Взяли бы вы меня в Казань насовсем, скучно в Москве, работать не дают, я бы много полезных изобретений вам придумал. И ребята у вас хорошие (рис.24). Может быть, у вас и высокоскоростная кинокамера есть, — занялся бы “микроскопией времени”. Только условие одно — невесту найдите, не старше 25-30...

Уже после узнал, — шутки-шутками, а находил-таки, оказывается, и не однажды наш молодец-альбигоец в Москве себе таких невест, очаровывал, убеждал. Очень хотелось, судя по всему, иметь наследника. Дочки — это хорошо, а нужен был — Термен, чтоб продолжилось генеалогическое древо. “Ни более и не менее!” С наименьшим упорством, чем в партию, прорывался и прорвался с одною из них в ЗАГС, дошел до марша Мендельсона (хотя тетка-регистраторша, говорят, пыталась бормотать что-то про большую целесообразность “похоронного марша”). Приехали родственники невесты, увезли...

Лев Сергеевич не жаловался на житейские невзгоды, хотя жить пришлось на старости лет и в студенческом общежитии. Двухкомнатная квартира —

подарок КГБ — становилась тесной. В одной комнате — кабинет, домашняя лаборатория, архивы Термена, а семью куда — дочки, внучки? Наш общий московский приятель Сергей Зорин и Наталья Михайловна Нестурх исходили все возможные инстанции, обивали различные пороги, — помогите квартирой знаменитому Термену. Хозяйственники отмахивались: сколько лет — 90? Перебьется! Обратился Сергей к почитаемому академику, однокласснику-товарищу Термена по Физтеху. Тот, зная о добровольной службе Термена в логове Мефистофеля, ответил коротко: “Тамбовский волк ему товарищ, пусть у КГБ голова болит о нем”. Выручила знаменитая летчица В.Гризодубова, депутат Верховного Совета СССР, — таки дали Термену комнату в коммунальной квартире. Спасибо им всем за это!¹

Я был не раз в этой комнате, сплошь заваленной аппаратурой. На столах — несколько терменвоксов в работе. Лев Сергеевич изготавливал их по заказу разных музеев. Старинные радиолампы с пламенеющими катодами, транзисторы, гроздь микросхем, — вся история радиотехники под одной крышкой. Как все это могло действовать вместе, я не знаю... Лев Сергеевич был счастлив. Теперь он мог работать и днем, и ночью! И без всякой охраны. Если не считать соседей, вдохновляемых глоссандирующими вибратор терменвоксов при их настройке. Только что настроил один инструмент, для Нижегородской лаборатории им.В.И.Ленина в г.Горьком, а тут новое письмо. И как откажешь, если оно буквально взывает, — столь очаровательное по стилю и содержанию, что я приведу его здесь целиком:

“Уважаемый Лев Сергеевич!

Коллектив ордена Трудового Красного Знамени Муромского завода радиоизмерительных приборов обращается к Вам с просьбой изготовить для Музея трудовой славы нашего завода электромузыкальный инструмент “Терменвокс”, — копию того инструмента, который Вы демонстрировали весной 1922 года В.И.Ленину, М.И.Калинину и другим руководителям нашей партии”.

Пользуясь случаем, следует поблагодарить Сергея Зорина еще и за спасенные архивы Термена. При переезде, как это часто бывает у слишком расторопных хозяек, часть “ненужных” старых бумаг и аппаратуры оказалась выкинутой на улицу, в мусорный ящик. По звонку потерявшего Сергей примчался, успел, забрал, вычистил, сдал в Академию наук. А Лев Сергеевич после этого упавшим голосом вдруг спрашивает:

— Сережа, а Вы пленку магнитную разве не забирали, не спасли?

— Нет, она вся старая, осыпавшаяся, спутанная.

— Жаль, это с тех времен. На ней были подслушанные записи Сталина...

Да, не прост Лев Сергеевич, ох, не прост! Конечно, жаль. Цены им бы не было, этим фонограммам сейчас. Можно было бы сдать в Музей Революции, или продать за бешеные деньги любителям антиквариата на аукционе Сотсби — ценнейший документ эпохи!

1) А Зорину особое спасибо еще и за статью его о Термене: “Свободно из пространства вышедший звук...” - *Моделист-конструктор*, 1981, №4.

**Рис.24. Последний раз в Казани (1988г.).
Слева направо: Л.Термен и его "прометеевские" друзья
Б.Галеев, Р.Сайфуллин**

Рассказал, наконец, на тех нечаянных казанских вечерах воспоминаний Лев Сергеевич до конца и о своей идее "микроскопии времени", связанной с выращиванием чудотворных кровяных "существ" в специальном инкубаторе:

— Мы уже проводили эксперименты в Медицинской академии, с Лебединским. На животных. Кое-что уже получалось. Но чтобы изучить поведение кровяных телец, чтобы научиться их отбирать и размножать, нам была нужна сверхскоростная кинокамера на 10.000 кадров в секунду. И еще очень высокочувствительная пленка нужна потому, что "существа" эти нельзя сильно освещать, они погибают от нагрева...Ведь когда мы смотрим в микроскоп, мы все видим в увеличении во много раз. А скорость движения этих "существ" в крови остается той же. Нужно замедлить ее во столько же раз, и тогда мы будем воспринимать их в естественном для них виде, как будто мы сами проникли в их мир. Для этого надо будет посмотреть снятую сверхскоростной камерой пленку на обычном проекторе. Я уже пробовал кое-что и придумал даже, как голоса их услышать, которые мы обычным ухом не замечаем. Я не только кровяные тельца проверял, но и , кроме того, сперматозоиды. Все эти "существа", знаете, под микроскопом водят хороводы и поют. И в их траекториях движения — определенная закономерность. Это очень существенно...

Хоть стой, хоть падай. На самом деле, не соскучишься с Вами, Лев Сергеевич. Ну так что же у Вас есть еще в запасе? Проверять напряжение пальцами в сети — это трудно поверить, но можно проверить. Что же нам делать с идеей о поющих сперматозоидах? И когда я по просьбе “Комсомольской правды” написал большую статью о Термене¹ и намекнул в ней, — откликнитесь, спонсоры, помогите с аппаратурой для “микроскопии времени”, пусть Термен проверит свою идею и убедится в том, что наверняка ошибается, редакцию и меня завалили письмами: “Свяжите нас с Терменом, найдем любую технику, предлагаем создать совместный кооператив под названием “Бессмертие” и т.д. Шустрых ребят оказалось много, — эти и своих младенцев отдадут на заклание, если будут обещанные 300% прибыли (по К.Марксу)².”

Я решил посоветоваться с Львом Сергеевичем. Но что-то связь с ним оборвалась, ни на письма, ни на звонки не отвечает. Меня это больше всего беспокоило.

Да и вообще, Бог с ней, с “микроскопией времени”. И не потому, что в этой идее есть что-то сатанинское, опасное. Я думаю, что с продлением жизни, с бессмертием все не столь просто. Обновлением кровяных телец здесь не обойтись. Да и сама природа, мне кажется, не допустит вмешательства в сложившееся равновесие “дебита-кредита” на Земле. И, даже если в идее терменовского инкубатора есть рациональное зерно, природа в любом случае поспешит отыгаться какой-нибудь новой суперчумой, перед которой СПИД покажется насморком³.

А с молчанием Термена оказалось все просто. Опять сменился адрес. Он, как выяснилось, вернулся в Дом чекистов на Ленинском проспекте, в свой чуланчик 2х2 м. Оказывается, изменилась ситуация, открылась новая страница в его неугомонной жизни, — после многочисленных публикаций в лихой “перестроечной” прессе с величайшим изумлением и вновь узнали о том, что Термен жив-здоров, уже и на Западе. Стали приглашать в гости. Конечно, не одного, с дочерью Наташей, исполнительницей на терменвоксе. Вместе, в одном доме, и репетировать, по-видимому, удобнее. Да и от лишних хлопот, волнений, надоедливых репортеров, которых появилось множество, уже пора было, вероятно, избавиться Термена. Как-никак почти столетний, фаустовский возраст. Такая вот версия появилась в печати, и мы поверим ей...

Как бы то ни было, сенсацией стало появление Термена с Наташей в 1989 году на знаменитом Буржском фестивале электронной музыки во Франции. И, конечно, с изумлением было воспринято воскрешение чуда “музыки из воздуха” при их совместном выступлении. Выезд был организован по инициативе Эдуарда Артемьева, руководителя Всероссийской ассоциации электроакустической музыки. Я не знаю, верить или не верить журналистам,

1) На воле он избрал телевизор, а в лагере - систему подслушивания.- “Комсомольская правда”, 1992, 6 февраля.

2) Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.23, с.770.

3) Но идея оказалась заманчивой, и ее продолжает развивать один бывший наш соотечественник в Израиле. См.об этом: *Кашвинский С. Плюс 7500 лет после смерти.* -Республика Татарстан, 1994, 6 авг.

но будто бы Льва Сергеевича в ту поездку произвели в “почетного гражданина г.Бурж” и даже наградили высоким французским орденом Почетного легиона¹.

В 1991 году Терменов приглашают в США, где Лев Сергеевич — почетный гость на празднествах, связанных с 200-летием знаменитого Стенфордского университета. И снова — совместные концерты. Жаль, Лавиния Вильямс не дожила до этого, не дождалась. Но состоялась трогательная встреча с Кларой Рокмор. В американской прессе намекают, что у них в те, далекие годы был роман. Не знаю, правда ли это, но терменвоксу она, на самом деле, не изменяла всю жизнь. После выпуска нескольких грампластинок с записями ее игры на этом инструменте, как раз к приезду Термена, — так уж получилось, совпало, — вышел в свет лазерный диск ее лучших сольных выступлений.

Не знали о судьбе Термена и в Гааге, в Центре электронной музыки Королевской консерватории Нидерландов. Когда я был там в 1991 году, меня попросили в следующий мой приезд привезти для музея электронной музыки фотографии Термена. Я сделал наивные глаза: “Может быть, лучше будет, если придет сам Термен?” Немая сцена из “Ревизора”, — и меня попросили передать ему приглашение. И вот мы в Голландии, январь 1993 года. Это была наша последняя встреча.

Королевская консерватория и принимала по-королевски. Симпозиум “Шенберг-Кандинский”, со светомузыкальной постановкой оперы Шенберга “Счастливая рука”. Затем открытие музея электронной музыки, куда только что привезли из США терменвокс серийного выпуска тех, давних лет. К сожалению, не работающий. Наташа сокрушалась почти всерьез: “Уж лучше наш экземпляр взяли бы, тоже не работает”. К выступлению Термена на предстоящей Академии света пришлось инструмент’ремонттировать. Местные инженеры оторопели, увидев диковинные радиолампы. Я пытался им помочь, объяснить на английском, как работает “катодное реле” времен Эдисона. Не знаю, помогли ли мои знания радиотехники, которые столь же чудовищны и первобытны, как мой английский, но мастера оказались первоклассные, починили. И вот на открытии Академии света, после моих напутствий: “Ни слова об этих, маленьких, которые хороводы водят и поют”, Лев Сергеевич рассказывает на великолепном английском языке — не забыл, помнит! — о своих музыкальных и светомузыкальных опытах. Затем Наташа начинает играть на терменвоксе. И вдруг Лев Сергеевич встает, тихо пробирается за кулисы и — под восторженный гул зала и вспышки блицев, — завершает пьесу сам. После этого даже я решился выступить на английском, впервые в жизни, но, конечно, не столь удачно по произношению. А затем — торжественный прием в Академию света. От “наших” двое — Лев Сергеевич Термен, а затем, вероятно, за компанию приняли и меня. Но хорошая, замечу, компания...

Лев Сергеевич и здесь, в дождливой Гааге, не унывал. Приехал усталый, поникший, но рабочая атмосфера фестиваля буквально наэлектризовала, возродила его. Смотрю, сидит рядом с голландской художницей, что-то

1) *Захарченко В. “Крестный отец” электромузыки. Чудеса и приключения, 1992, №4-5.*

Кстати, уже после узнал: про орден Почетного легиона, на самом деле, - ошибка вышла. Но таков уж наш герой - легендарный, легко возникали и дополнительные легенды.

заговорщицки шепчет ей на ухо. Она заливается смехом, но смущенно. Подхожу на подмогу, а она: “Вы не поверите, жениться предлагает и сбежать в Россию, что-то о какой-то “микроскопии времени” рассказывает. Сколько же ему на самом деле лет? Может, он действительно знает какую-то тайну — средство Макропулоса?”

И вдруг меня осеняет — есть такое средство! Сидит перед нами почти столетний, пусть и постаревший, молодой человек, с детской открытой улыбкой и ясными глазами. Он всю жизнь занимался своим любимым делом, не просто делом, а именно любимым делом, — это и есть средство Макропулоса!..

Вновь, даже в финале, мне приходится повторить фразу: ах, Лев Сергеевич, с Вами не соскучишься. Уже в первый день, то ли он сам не туда дел, то ли умыкнули, исчезла шапка Льва Сергеевича, ни более и ни менее. Голландцы, понятно, страшно смутились. Я успокаивал их, — наверное, кто-то унес для музея или как сувенир. И пока они искали новую шапку, мне снова пришлось отдать ему свою. Она и так сама по себе смешная. А когда на голове Термена — даже панки с петушиными прическами на голове оцепеневали на улице от восхищения! Так и остался он в моей памяти напоследок. Стоим во дворе Объединенного музея Гааги — слева раздел искусств, слева краеведческий. За стеклом — огромный скелет динозавра. А на его фоне под мелким нидерландским дождем — улыбающийся Термен в моей мокрой потешной шапке.

Новую шапку, экстра-класс, — поэтому, наверно, долго искали, — ему принесли перед самой посадкой в самолет “Амстердам—Москва”. Мы уже опаздывали, я посадил советского Фауста в кресло-тележку и с криком “Поберегись!” мы помчались по иноземному, сияющему чужими, неродными огнями аэропорту, к трапу. Домой...

Меня умилило, потрясло тогда, уже в нашем аэропорту, как Лев Сергеевич — или мне показалось? — вдруг стал заученно поворачиваться перед окошком пограничника в зеленой фуражке: анфас, профиль. Господи, за что вы его так, люди?!..

----- * -----

Чудес не бывает. Средство Макропулоса, увы, — сказка, миф. Так уж получилось, в этом же году, осенью, возвращаясь из Германии, с очередного фестиваля, я узнаю в дороге — умер и уже похоронен Термен.

Через несколько дней, 14 ноября в Центральном Доме композитора состоялся вечер памяти Льва Сергеевича Термена, изобретателя и музыканта. Выступала с терменвоксом прилетевшая из Гамбурга Лидия Кавина, внучатая племянница Льва Сергеевича. Впервые была исполнена электронная композиция Анатолия Киселева “Песнь на руинах”, посвященная Л.С.Термену¹. Некрологи появились в нескольких московских газетах, в других городах, за рубежом. Из них прояснилась точная дата кончины Термена — 4 ноября 1993 года. Волею случая стала “незапланированным” реквиемом Термену и состоявшаяся за день до этой даты лондонская премьера фильма американского режиссера Стивена Мартина “Электронная одиссея Льва

1) Он был последним, кто взял интервью у Л.С.Термена, - побывав у него дома осенью 1993 года. См.его ст.: Лев Термен — человек-легенда. - Суфлер, 1993, №8.

Термена”, который он снимал во время пребывания Льва Сергеевича в США и в Голландии. Собирался продолжить, сделать вторую серию, сняв Термена в Москве, в Казани, в родном окружении, — не успел...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ИТОГИ ЖИЗНИ, ИТОГИ КНИГИ

На Ново-Кунцевском кладбище, где похоронен Термен, еще нет памятника, достойного его имени. Но память о нем сохранилась в его делах, во многих десятках изобретений, открытых и секретных, реализованных и оставшихся в замысле, известных нам и, возможно, забытых уже им самим в течение столь долгой жизни. На первом месте, конечно, был и остается легендарный терменвокс, взбудораживший воображение многих музыкантов мира.

И, что самое главное, Лев Сергеевич с самого начала понимал, что электромузыкальные, электронные инструменты не должны просто подменять прежние, имитировать традиционные инструменты. С первых экспериментов в России и в своих американских интервью он постоянно подчеркивал: у “электромузыки” свои возможности, свой язык, своя область творчества. Помню, давным-давно, в Житомире проходила Всесоюзная конференция по электромузыкальным инструментам. Открывал ее тамошний секретарь Обкома КПСС: “Ваша основная цель — электрифицировать музыку так, чтобы каждой семье, в городе и деревне, были доступны и электрическое пианино, и электрическая скрипка. И дешевле, чем настоящие, и места меньше занимают”. Подводил идеологическую базу под замену натурального продукта консервами. Я говорю: “Лев Сергеевич, нам здесь делать нечего, надо сматываться”. А он: “Неудобно, ведь конференция юбилейная”. Я сбежал, а он, бедняга, остался домучиваться. На самом деле, неудобно было, — конференция была официально посвящена 50-летию первого терменовского концерта электромузыки в Кремле...

К сегодняшнему дню накопился значительный репертуар оригинальных произведений, вызванных к жизни терменовским инструментом: “Симфоническая мистерия” А.Пащенко (1923); “Первая аэрофоническая сюита для терменвокса с оркестром” Дж.Шиллингера (1929); “Восточный танец” В.Соколова (1929); “Танец под луной” Ф.Вилкенса (1933); “Ноктюрн” Э.Мейтса (1933); “Иллюзия” Ш.Хармати (1933); “Ароматы мечты” Н.Слонимского (1934); “Жалобная песнь” Р.Валенте (1934); “Экваториал” Э.Вареза (1934); “Фантазия для терменвокса и других инструментов” Б.Мартину (1944); “Серенада” Д.Хаузермана (1944); “Импровизация” А.Ахрона (1945); “Концерт” А.Фулейхана (1945); “Пассакалия” Н.Березовского (1947); “Пастораль” Дж.Кеммера (1947); “Марсианский зимний пейзаж” Р.Эля (1974); “Вьетнамский дневник” Т.Назаровой-Метнер (1982); “Фантазия” С.Стрелцкого, а также ряд других сочинений композиторов “разного калибра”, использовавших терменвокс в оркестре или на сцене — П.Грейнджера,

А.Копланда, А.Шнитке, А.Недзвецкого... Конечно, полюбился терменвокс и кинематографу. Композитор Г.Попов использовал его в фильме “Комсомол — шеф электрификации” (1934), а американцы, раньше и сейчас, — в нескольких голливудских фильмах. До сих пор в Гамбурге в одном из театров можно

Рис.25. Лев Термен — пионер электронного искусства с Лидией Кавиной — пионеркой, в красном галстуке (Москва, 1976г.). Жизнь продолжается, пусть и в Гамбурге...

услышать “голос Термена” в постановке волшебной сказки “Алиса в стране чудес” (музыка американского композитора Т.Уэйтса, исполнительница — наша очаровательная соотечественница Л.Кавина; она, кстати, с детства играла не только на терменвоксе, но и на терпситоне, подаренном ей дедушкой Терменом). Кстати, ей самой написано очень много композиций для “голоса Термена” (рис.25).

Увлеченным пропагандистом терменвокса выступал в течение десятков лет, подобно американке К.Рокмор, — только в Советском Союзе — К.Ковальский. Вместе с тем, многие ученики и последователи Льва Сергеевича пошли своим путем, получив первоначальный импульс от “терменвокса”. Еще до войны были изобретены оригинальные электромузыкальные инструменты — “Сонар” (Н.Ананьев), “виола” (В.Гуров), “экводин” (А.Римский-Корсаков) и т.д. Остроумным был принцип искусственного синтезирования оптической фонограммы в “вариофоне” Е.Шелпо. В более сложном варианте подобный прием был использован уже упоминавшимся ранее инженером Е.Мурзиным в его фотосинтезаторе “АНС” (названном так в честь Александра Николаевича

Скрябина). В “АНС”е октава делится не на 12, а на 72 части, причем сам процесс сочинения сводится тоже к жесту, точнее к графическому рисованию музыки, вплоть до обертонов ее звучаний, с сиюминутной возможностью воспроизведения сложнейших многоголосных рисованных “партитур”.

Трудно даже собрать все, перечислить, упомянуть, что сделал Термен для музыки, музыкальной науки, музыкальной акустики и педагогики: спектрограф для изучения звучаний различных инструментов, замедлитель темпа без изменения высоты звука, формироваватель ритмов и т.д. Интересные исследования проводились по искусственному синтезированию тембров — не только с обертонными значениями частот, но и с помощью унтертоновых гармоник, соответствующих, по мнению Термена, минорным конструкциям.

Конечно, сегодня весь этот исследовательский инструментарий может выглядеть архаичной экзотикой, но это — высокая архаика первопроходцев. Компьютеры были бы невозможны без наивных “грозоотметчиков” Попова и Маркони, корабли “Восход” и “Аполлон” не полетели бы в космос без неуклюжих чертежей Циолковского. Конечно, обречены были на безысходность дискуссии 70-80-х годов о возможном возрождении, о “реанимации”, о “реабилитации” терменвокса, о возможном серийном его выпуске¹. Терменвокс, конечно, не стоит вступать в конкуренцию с нынешними компьютерными музыкальными синтезаторами — у него своя судьба, свой голос в электронном оркестре. И отчаянные энтузиасты в разных странах с поразительным упорством продолжают разрабатывать различные варианты терменовского инструмента — вплоть до наших дней. Создаются некие “шумофонные” варианты терменвокса, с управлением с помощью голоса, шепота и т.д. До сих пор пытались и пытаются внедрить его на эстраде, в школьное обучение московские инженеры Л.Королев, С.Эдуардов, питерский педагог В.Максимов, американец Р.Муг и др².

Перспективны ожидания от стыковки терменовского инструмента с компьютерной техникой³. Японская фирма “Ямаха” будто бы вела переговоры с Терменом о возможной разработке компьютерного терменвокса, управляемого биотоками. Если это на самом деле так, надо думать, что речь шла не о простой реставрации “катодного реле”. Но самых новейших суперсинтезаторов не было бы сегодня без того, первого терменвокса с “катодным реле”. Тем более, что до последнего времени, до последних лет, когда сам Термен выступал порою на одной сцене с мощнейшими синтезаторами, публика замирала, когда видела воочию, как буквально из ничего рождается волшебный “голос Термена”. В любом деле есть пионеры, то есть “первые”... Именно поэтому, выражая признательность пионеру электронного искусства, молодые московские музыканты, занимающиеся современной электроакустической, компьютерной

1) *Разия П.* Вернется ли терменвокс? - Советская культура, 1983, 10 марта; *Карташова И.* Зазвучит ли терменвокс? - Советская культура, 1983, 24 апр.; *Карташова И.* Термен играет на вольтметре. - Советская культура, 1986, 26 авг.

2) См. об этом: Терменвокс. - Моделист-конструктор, 1981, №4; *Королев А.Д.* Терменвокс - пионер электромузыкальной техники. - В кн.. Музыкальные синтезаторы. - М., Знание, 1983; *Королев А.Д.* Современный терменвокс. - Радио, 1985, №2; *Нечаев И.* Терменвокс. - Радио, 1986, №10; Терменвокс. - IN/OUT, 1992, №1.

3) *Teremin electronic musical instrument by the big briar* - Computer music journal, v.16, 1992, №4.

музыкой, назвали свою творческую организацию, созданную в 1993 году, не иначе как “Термен-центр”. Эстафета подхвачена.

Итак, имя Термена стало символом нового электронного искусства. Многие считают, что и терменвокс останется в истории лишь как символ своего времени. Но потенциал “чудесного” управления музыкой — мановением руки, взглядом, намеком — еще не исчерпан. И хотя вряд ли стоит ожидать, что терменвокс сможет возродиться в музыкальном обиходе в первоначальном, классическом воплощении, мы уже являемся свидетелями того, как сам принцип бесконтактно-игрового инспирирования художественных акций сегодня испытывает вдруг неожиданный ренессанс, — как один из основных приемов новейшего художественного направления. Речь идет о так называемом “интерактивном искусстве”, реализуемом с помощью современной компьютерной техники, позволяющей зрителю-слушателю участвовать в самом процессе рождения окончательного художественного результата. Неожиданно возрождается еще одно изобретение Термена. Сегодня художники экспериментируют с ошеломляющей воображение “виртуальной реальностью”, с искусственной, синтезированной компьютером аудиовизуальной средой, в которую погружается зритель (на этом построен, напомним, сюжет известного американского фильма “Коситель газонов”). Для достижения полного эффекта “виртуальной реальности” необходимы интерфейсные устройства, работающие по принципу тактильной перчатки Термена, добавляющие к зрительным, слуховым ощущениям еще и мышечные, осязательные, вестибулярные воздействия...

Пришло, наступило время, пора, — собрать вместе и издать все статьи, научные работы Термена, выволить из архивов патентных ведомств нашей страны, США, а затем опубликовать описания всех его изобретений, вместе с воспоминаниями, прижизненными интервью и статьями о нем.¹ Не стали еще читательским достоянием материалы о Термене из архивов КГБ и подведомственных ему “почтовых ящиков” (вероятно, они уже давно потеряли секретность, тем более, что уже само руководство КГБ напропалую раздаривает ЦРУ более свежие материалы, более совершенные схемы подслушивания). Не разобраны и не обнародованы еще полностью документы из его личного сейфа в Академии наук. Возможно, сумеет издать свою книгу о Термене и московский журналист Е.Афанасьев, мечтавший сделать это в серии “Жизнь замечательных людей”².

И повод для всего этого есть подходящий, круглая дата, — в 1996 году Льву Сергеевичу исполнилось бы 100 лет, чуть-чуть не дожил... К этой дате можно было бы собрать и все отечественные киновидеоматериалы, закончить вторую серию “Электронной одиссеи Льва Термена”. Стив Мартин уже связывался с нами и загорелся этой идеей. Думаю, сумеем закончить фильм — это наш общий долг.

1) Начало уже положено - жаль, опять не у нас. Альберт Глински в США подготовил добротную, почти в четыре сотни страниц, диссертацию “Терменвокс и зарождение электронной музыки” и защитил ее в 1992 году. Еще одно диссертационное исследование, на этот раз чисто музыковедческое, готовится сейчас в Германии...

2) См. журнальный вариант его книги: *Голос Термена. - Чудеса и приключения, 1992, №4-5.*

И, быть может, только тогда мы сможем увидеть, представить, открыть для себя подлинного, возможно, нового и даже иного Термена, в полном объеме его деяний и достижений. Но уже сейчас есть повод снова задуматься: все же, много сделано им или мало, — для одного человека? Почти все его друзья юности по школе “папы Иоффе”, по Физтеху вышли в академики, а он, в 90 лет испытывавший радость от самозабвенной работы в коммунальной квартире, закончил жизнь, кончил свою службу на должности кафедрального “механика высокой квалификации”. Для своих однокашников-академиков он с самого начала оставался неким легкомысленным фантазером с несерьезным, а затем и весьма неосторожным отношением к жизни. Мог бы Лев Сергеевич стать академиком? Наверняка, но, как говорится, пути Господни неисповедимы, особенно в нашем атеистическом государстве. Впрочем, такие вещи, кажется, его мало трогали. Он испытал все, и сладость мирового триумфа, и радость безудержного перманентного творчества, и изнанку жизни — оставаясь Терменом. “Ни более и ни менее”. Фауст XX века, советский Фауст!.. И эти уроки его великой, уникальной, многоопытной и многострадальной жизни, наверно, и есть главное, что он оставил нам в наследство. Альбигойский мотылек, совершавший свой безостановочный вековой полет среди обжигающих огней. Начал его в конце XIX и кончил — в конце XX столетия.

...Это только для удобства воспитания на уроках литературы в средней школе было принято — разделять героев на положительных и отрицательных. Моцарт и Сальери. Красные и белые. И я до сих пор не знаю, как надо было бы отвечать ученикам средней школы относительно Термена. Уроки жизни далеки от такой простой абстракции. Она, жизнь, увы, не плоская, она — многомерная. И в каждом случае истина — конкретна.

Да и у самого Гете с Фаустом, как мы уже убедились, не все ладно и складно получается. Еще Тургенев в своих размышлениях о Фаусте и Мефистофеле задумывался об этом: “Сам Мефистофель часто — не есть ли смело выговоренный Фауст?” Не есть ли он “необходимое, естественное, неизбежное дополнение Фауста?” И вообще, считал русский писатель устами своих героев, Мефистофель — это “что-то такое, что в каждом человеке может быть...”

Но в отношении Термена даже такую компромиссную, то бишь диалектическую оценку применять почему-то не хочется. И не только потому, что за давностью лет — “не судите и судимы не будете”. Боязно обидеть, не подходит она, эта оценка, к нему, — слишком легковесная. Глядя на его постоянную жизнерадостную, застенчивую улыбку, слушая его остроумную речь, иногда думалось: если и есть в нем что-то от Мефистофеля, то это юмор, ироничный ум, не переходящий, однако, в насмешку. Если и есть в нем Мефистофель, то какой-то необычный, добрый Мефистофель. А может быть, Лев Сергеевич вообще жил канонами не наших, но тех, неведомых нам альбигойских времен и, быть может, к нему применима известная старонемецкая лингвистическая версия, согласно которой сами эти имена, Фауст и Мефистофель, — одного корня, без всякой диалектики и единства противоположностей.

Не берусь разрешить, разгадать эту загадку до конца, не хочу, нет ни прав, ни сил никаких и не смею — искать ответ. Хотя понимаю реакцию

однокашников Термена, коллег по Физтеху на его двойную командировку в Америку, на самоотверженную работу в КГБ. Можно было, конечно, напомнить в оправдание Льва Сергеевича, о Сомерсете Моэме, например, работавшем на родную английскую разведку, — из-за этого он не перестал быть любимым писателем миллионов. В нынешней прессе с ее неумным интересом к нашей непредсказуемой истории промелькнула информация о том, что и Тургенев во время своей длительной творческой командировки в Париже выполнял попутно специфическое задание Тайной канцелярии, снабжая ее аналитическими отчетами о настроениях русской эмиграции. Недавно на телевидении мучила советского поэта С. Михалкова “толстыми намеками” по поводу тонких обстоятельств его прошлого сотрудничества с КГБ. Даже если это правда, из школьных хрестоматий их имена не исчезнут, а “Муму” и “Дядя Степа” еще на долгое время останутся нашим национальным достоянием.

“Есть соль земли, есть сор земли, но сохнет сокол без змеи”, — так писал, задумываясь о сложностях жизни, мой любимый поэт Андрей Вознесенский. И как тут не вспомнить другую гордую птицу (буревестника), и другую змею (ужа) из поэтического текста Максима Горького. И — просто с ума можно сойти, можно слететь с катушек, — если смонтировать стихи Вознесенского со знаменитыми строками Анны Ахматовой: “Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...” Сор и соль, Добро и Зло, — это не одномерная оппозиция с раз и навсегда заданными координатами. Поэтому и жизнь человеческая была, есть и пребудет вовеки столь сложной, столь разной, невообразимо убогой и невообразимо великой в своей постоянной непредсказуемости, чтобы исключать на все времена тщетные надежды достижения всеобщего безоблачного счастья, гармонии, и сохранять в себе вечную проблему неизбежного выбора, вечные вопросы: “Камо грядеши?”, “Кто виноват?”, “Кем быть?”, “Что делать?” — с обращением к собственной совести как единственно верному нравственному ориентиру. Или, если какие-либо затруднения с совестью, к Богу — как к ее полномочному, персонифицированному представителю.

В своем великом, пусть и скучноватом, философском произведении Гете устами Мефистофеля (а он у поэта — не просто черт-пройдоха, он умница, ироничный умница, не в пример резонерствующему зануде Фаусту) решается на потрясающие богоборческие откровения. Все дело в том, пишет Гете, что Бог, пользуясь своим служебным положением, выбрал себе “вечное сиянье”, в то время как Мефистофель и его гвардия “в вечный мрак погружены”. Пусть мрак, пусть тьма, но есть определенность. Неопределенная, беспокойная, несуразная доля — у нас, у людей, которые обречены им, Богом, на вечную трагедию потрясений изначально: “То день, то ночь испытывать должны”.

В связи с этим, устами другого героя, точнее героини, Елены, Гете выделяет, сохраняет людям право быть прощаемыми, — в определенных экстремальных ситуациях: “Кто ослеплен богами — не виновен”. У самого Гете его героя Фауста обманывают вообще самым заурядным, тривиальным способом. Пока он выступает с лозунгами о “свободном труде”, о “новом мире”, о преодолении “застоя”, о мелиорации всей страны, лемуры роют ему могилу, а бедный Фауст принимает грохот и лягганье их землеройных механизмов за “симфонию труда” на затеянных им грандиозных работах по “осушению болот”.

Альбигоец Термен, с его очевидной социалистической ориентацией, был заворожен высокой идеей безоглядного благо-деяния, пользо-приношения, абсолютной идеей Дела с большой буквы. Велика ли и какова его вина, — если верил? Что его винить, если до сих пор многие, в ослеплении грохотом Магнитки и Беломорканала, утверждают: “Зато при Сталине дороги строили, гидростанции!”, забывая при этом, что каждая “великая стройка коммунизма” охранялась лемурами, была лагерем (ИТЛ), и строили там коммунизм заключенные. Стыд-то какой!.. Неужели все это хоть каким-то боком связано с романтическими мечтами юного Маркса о коммунизме как “подлинном присвоении человеческой сущности человеком и для человека”, причем происходящим “сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития”¹. О какой такой “полной эмансипации всех человеческих чувств и свойств” можно было говорить за колючей проволокой? Да, советский Фауст жил и работал в этой, т.е. в нашей стране...

Самому Гете есть в чем упрекнуть своего литературного Фауста — и в том, что тот предал Маргариту, и в том, что продал душу черту, причем вполне осознанно, в здравом уме, — ради довольно сомнительных счастливых моментов, предвосхищающих моральный кодекс руководителей “великих строек коммунизма”. И тем не менее Гете, в самый последний момент, все же спасает своего Фауста, точнее его душу, а еще точнее, — как он пишет — “бессмертную часть” его души, которую, по воле автора, уносят из-под носа зазевавшегося Мефистофеля ангелы.

И, паря в “высшей атмосфере”, ангелы при этом с пафосом декламируют (читайте внимательно — это важно!):

*Дух благородный зла избег,
Сподобился спасенья;
Кто жил трудясь, стремясь весь век, —
Достоин искупленья.
Обвеяв с горних он высот
Любовию предвечной:
О, пусть весь сонм блаженных шлет
Привет ему сердечный!*

Уже позже, в старости, в беседах с Эккерманом, Гете отметит специально: “В этих стихах содержится ключ к спасению Фауста”. Его будущий оппонент, точнее оппонент Фауста, защитник культуры, критик цивилизации и бездуховной инженерии Николай Бердяев считает, что подлинный ключ к спасению души Фауста — в ином. По его мнению, истина заключена в тех стихах, которыми завершает весь гетевский текст “Фауста” некий небесный “таинственный хор”, “chorus mysticus”:

*Лишь символ — все брeнное,
Что в мире смеяется;
Стремленье смиренное*

1) Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т.42, с.116,120.

*Лишь здесь исполняется;
Чему нет названия,
Что вне описания,
Как сущность конечная
Лишь здесь происходит,
И женственность вечная
Сюда нас возводит.*

Что ж, возможно, прав русский философ с его любовью к “chorus mysticus”, хотя это, извините, уже вне моего разума, слишком возвышенно и невразумительно, и я вынужден вернуться к собственной оценке Гете. Все же ему, Гете, видней, о чем он писал столь долгие десятки лет...

Далеко увела нас поэзия. Возвращаясь с небес на землю, к судьбе Льва Сергеевича, вновь признаю: я до сих пор, выходит, что-то еще не понимаю, или уже не понимаю. Не понимаю, почему беспокойно становится сердце, когда вспоминаешь ясноглазую безмятежность его вечно озорного, детского взгляда. Как будто какое-то смутное, необъяснимое чувство нашей общей вины перед ним (и моей лично: он в чем-то очень был похож на моего отца; они и умерли-то в один год).

Хотя, слава Богу, наш советский Фауст, похоже, оставался счастливым в своем одиночестве, с неведомыми нам мыслями и на пороге своего столетия. “Ни более и ни менее”? Не знаю. Может быть, разгадка как раз в этом его загадочном родовом девизе. Не знаю. Боюсь знать...

В одно хотелось бы верить, в одном я уверен, — если ангелы есть (пусть они будут!), именно им, а не лемурам досталась “бессмертная часть души” и нашего героя, советского Фауста, и они унесли ее в небеса, возможно, вместе с новенькой красной книжечкой за №251165092 с портретом Ленина на обложке. Уверен, что в небесах оказалась, вырванная из цепких лап лемуров, и “бессмертная часть души” самого В.И.Ленина, и “бессмертная часть” идей социализма, и страны с гордым названием “СССР”, столь любезных слуху наших героев (и автора — тоже). Все в нашей жизни, в жизни нашей страны — не столь просто, как иным сейчас представляется. Жизнь, оказывается, если к ней приглядеться пристальнее, все же — не просто “черно-белое кино”...

Вот и закончена моя небольшая книга о советском Фаусте, о Льве Сергеевиче Термене, современнике Николая Второго, Ленина, Эйнштейна и нашем современнике. Мне, кажется, удалось соблюсти все каноны философического жанра, и книга получилась достаточно сумбурной, с тяжеловесными отступлениями, с большим количеством имен, деталей, значительных и незначительных, — все, как у самого Гете в его “Фаусте”. И так же, как у Гете, сохраняются поводы для новых вопросов, тех, что из разряда “вечных”...

Мой добровольный рецензент спросил меня, ознакомившись с рукописью:

— Ты зачем ее написал, эту книгу? Твое дело — научные монографии о Красоте, Истине. А ты вдруг — о Добре и Зле, тем более, что на многие вопросы вообще не сумел ответить... Зачем было браться за такую книгу?

— Как зачем? Я же Термену обещал!

Если бы проводился некий вселенский конкурс на истинного представителя XX века, Лев Термен наверняка мог претендовать на это звание. И потому, что — Фауст, и потому, что — советский. Как бы то ни было, СССР не вычеркнешь из истории. “Времена не выбирают, в них живут и умирают”. Не выбирают и Родину. Приходит время прощания с XX веком, на подходе — третье тысячелетие. Уверен, помнить будут о Термене и в следующем, XXI веке. Как будут помнить и страну, в которой он жил и в которой он столь преданно служил — своему Делу.

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ: плач по несостоявшемуся фильму	3
Как мы познакомились и стали друзьями	6
Юность альбигойца, или размышления о Фаусте	9
Рождение терменвокса, или ода “катодному реле”	17
“Полтора-два часа”, перевернувшие жизнь	22
Революционное искусство, или “любовь к электричеству”	29
Ода “электрическому дальновидению” — первые контакты с лемурами	32
Советский Фауст в стране Желтого дьявола	37
“Искусство будущего” в стране будущего	51
Совсем “крутой маршрут”: от Колымы до Сталинской премии	56
“Империя зла”, полюбишь и козла, или ода ВПК	62
“Жизнь после смерти”: свобода как “осознанная необходимость”	67
“Кто мы? Откуда? Зачем?” — реквием нашей революции	75
Последние встречи: правда о “средстве Макропулоса”	79
ЗАКЛЮЧЕНИЕ: итоги жизни, итоги книги	87

Булат ГАЛЕЕВ

СОВЕТСКИЙ ФАУСТ

(Лев Термен — пионер электронного искусства)

“Панорама. Библиотека журнала “Казань” выходит один раз в месяц на русском и татарском языках.

Учредители — коллектив редакции журнала “Казань” и Министерство информации и печати Республики Татарстан.

Адрес редакции и издательства: 420066, Казань, ул. Декабристов, д. 2

Телефоны редакции: 53-06-07, 49-36-76, 49-34-44.

Сдано в набор 17.09.95 Подписано в печать 25.08.95 г. Формат 60 × 90^{1/16}. Бумага офсетная. Печать офсетная. Печатных листов 6. Тираж 10 000 экз. Заказ Д-450.

Типография Татарского газетно-журнального издательства, 420066, г.Казань, ул.Декабристов, 2.

Galeyev B.M. has been head of design office "Prometei" (now Institute for experimental aesthetics "Prometei") for 30 years. He is the author of more than 10 monographs and hundreds of articles on history, theory and technology of light-musical synthesis and other new art forms born by scientific and technological revolution epoch. He is the author of many inventions. He is active member of Russian Academy of Humanities, Ph.D. in philosophy, professor, director. He took part in many international symposia and festivals of modern art. He is a member of International Society for Art, Science and Technology. He is also member of editorial boards of international magazines devoted to "art+science+technology" problems: "Leonardo" and "Languages of design".

Галеев Булат Махмудович родился в 1940 году в Ташкенте, окончил в 1962 году физико-математический факультет Казанского педагогического института. С 1963 года по сей день работает в Казанском авиационном институте (ныне Казанский государственный технический университет им.А.Н.Туполева). В течение 30 лет — руководитель студенческого КБ "Прометей" (ныне совместный НИИ экспериментальной эстетики "Прометей" при КГТУ и Академии наук Татарстана). Написал десяток книг и сотни статей по истории, теории и технике светомузыкального синтеза, других новых искусств эпохи НТР. Автор множества изобретений. Действительный член Российской Академии гуманитарных наук, доктор философских наук, профессор, режиссер. Участник многих международных симпозиумов и фестивалей современного искусства. Член международного общества "International Society of Art, Science and Technology". Участвует в работе редколлегий международных журналов "Leonardo", "Languages of design", посвященных проблеме "искусство + наука + техника".